Белов Сергей

ЧЁРНАЯ КНИГА

Чёрная книга

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Сергей Белов

Ссылка на публикацию

Содержание.

Заявка.

Орденоносцы.

Улыбочка.

Крик.

Квадратный метр.

Вердикт.

Жемчуг.

Хрусталик.

Фаланга.

Zoosapiens.

Демонстрация.

Дорога.

Глаз.

Первое чувство.

Кончик.

Кто я?

Бумеранг.

Торт.

Челюсти.

Двери.

Ёжик.

Ступор.

Чёрное и белое.

Я ухожу!

Десять секунд.

Кожа.

Удар, ещё удар!

Раритет.

Доза.

Нехорошо!

Эпилог.

Заявка.

Фёдор шел, сжимая кулаки от ярости. Деньги, которые он проиграл в тотализатор, поставив на вроде выигрышный матч, не выходили у него из головы. Ладно бы только свои, так он ещё занял у знакомых под процент. А начинался-то бой так хорошо! Боксёр, на которого он поставил, поначалу посылал в нокдаун своего соперника в первых двух раундах и Фёдор даже крепко сжимал кулаки, словно старался помочь своему спортсмену с нокаутом. Но в одном из последних раундов его боксёр пропустил сильный удар в печень, ушёл в глухую защиту, так и не сумев перехватить инициативу в поединке. Последний раунд представлял собой печальное зрелище – удары сыпались один за другим и рефери остановил бой ввиду явного преимущества соперника.

Фёдор резко повернул за угол и неожиданно столкнулся с молодой парочкой, о чём-то весело болтающих и глядящих только друг на друга. Парень нечаянно наступил Фёдору на ногу и, заметив свою оплошность, поспешил извиниться. Но ярость Фёдора, наконец, нашла себе выход. Он резко ударил парня в солнечное сплетение и тот от боли присел на корточки, хватая ртом воздух. Девушка с недоумением и отвращением смотрела в упор на Фёдора. Фёдор стал пятиться к

краю тротуара, затем он резко повернулся, чтобы уйти, но ударился головой об столб светофора, в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Фёдор открыл глаза. Его тело, он чувствовал, находилось в горизонтальном положении. На потолке палаты, в который он упёрся взглядом, горела тусклая лампочка. Фёдор хотел повернуть голову, но голова оказалась в шлеме, который был прикреплён к чему-то. Руки, тело, ноги – всё, он чувствовал, было обхвачено какими-то ремнями, на которых он висит. Неожиданно устройство, державшее его, повернулось вокруг оси и поставило его вертикально. Из полумрака выплыла фигура вся в белом. Длинная белая мантия с длинными рукавами; капюшон, закрывавший не только голову, но и плечи; белая, почти плоская странная маска, имевшая прорези только для глаз. Фигура приблизилась к Фёдору и сказала:

— Не стоило тебе бить парня. – Фигура помолчала немного. – Теперь на тебя поступила заявка.

— Какая ещё заявка? – ничего не понимая, спросил Фёдор.

— Заявка на справедливость. Наказать тебя примерно, чтобы руки не распускал.

Фёдор отвел глаза:

— Да не хотел я никого бить. Само как-то получилось. Да и ударил я его только разок.

Фигура пододвинулась ближе.

— А ты слышал про случай с одним боксёром, тоже ударившим один разок парня? А тот стукнулся головой об асфальт и умер через некоторое время от гематомы в голове?

— Слышал. Только он не хотел его убивать. И не надо было этому парню болтать, что не следовало. — Фёдор решил сменить тему. — А я в какой больнице?

— В самой лучшей! В ней лечат очень быстро, надолго здесь не задержишься. А насчёт того, что не надо было болтать… Не нравится, что тебе говорят – так уйди. Зачем же бить и убивать? Не хотел, не думал – это всё отговорки. Никто никого не может избивать по своему желанию. Даже толкнуть не может, даже один раз. А у вас это сплошь и рядом. Я понимаю животных, у которых почти нет другого выхода, кроме как показать свою силу, перед самками, через поединок. Кони, лоси, рыбы, петухи. Бараны с крутыми рогами. А вы, люди, добровольно мутузите друг друга по лицу, доставляя радость десяткам тысяч …

Фигура замолчала и как бы задумалась. Потом продолжила.

— Они называют себя – люди. Впрочем, конечно же, люди. Ни одно животное не получает удовольствие от вида крови своего «соплеменника», если можно так сказать. А вы живёте по принципу одной выжившей из ума трёхсотлетней черепахи, озвученного одним детским поэтом: «Надо драться – так дерись!» И вы дерётесь. Дома, на работе, за рулём и в ресторанах.... А легальный мордобой громко называется – спорт! Даже есть свои орденоносцы! Но что радует - это поддерживают не все. Много людей не принимают такой спорт, поддерживаемый недалёкими государственными чиновниками. И для граждан есть очень большая вероятность попасть по «горячую» руку хамов, отморозков, и прочих любителей «поговорить по мужски!». Приходиться наказывать. Наказывать так – чтобы запомнили на всю жизнь! Кстати тот боксёр тоже получил в своё время так, что ему пришлось лечиться в настоящей больнице. – Фигура помолчала и добавила – Ничто не проходит бесследно. Впрочем, этот вид спорта исчезнет, как в своё время исчезли гладиаторские бои и, уже сейчас, постепенно отмирает коррида. Впрочем, до этого ещё далеко. Учитывая какой интерес вызывают, например, так называемые «бои без правил».

Фигура махнула рукой, кого-то подзывая к себе. Подошли ещё двое. Одеты они были сверху донизу в трикотажные обтягивающие костюмы фиолетового цвета, с обтягивающими голову капюшонах. На глазах были сетки в мелкую клеточку. Они отстегнули Фёдору ремни на руках, сняли шлем, раздели до пояса и натянули Фёдору боксёрские перчатки.

— Вы что собираетесь делать? – невольно спросил Фёдор.

— Да мы ничего делать не будем. Это ты будешь отрабатывать свой гадкий поступок. Будешь заниматься своим любимым делом – боксировать. Ведь ты когда-то занимался боксом. Проведёшь десять раундов, со всеми весовыми категориями, и я тебя освобожу. Вернёшься в то же время и место, откуда тебя забрали. Только есть одно условие – не валяться на полу. Время поединка будет останавливаться, пока не встанешь в боксёрскую стойку. А так как время у меня, ваше реальное время, здесь, не действует, то если не встанешь – будешь валяться вечно! Первым будет спортсмен наилегчайшего веса.

Фигура повернулась к своим помощникам и сказала: — Начинайте.

Механизм развернулся вокруг вертикальной оси, и Фёдор увидел, что он оказался в углу ринга. Фиолетовые отстегнули ремни на ногах. Раздался гонг. Из темноты на ринг, сквозь канаты, вышел невысокого роста боксер и встал в стойку. Фёдор решил, что не будет участвовать в поединке, из принципа, раз его

заставляют это делать, и спрятал руки за спину. Легковес приблизился к сопернику и, словно на тренировке, принялся наносить слабые удары по его корпусу. Фёдор старался не реагировать на провокации, но когда коротышка замахнулся с явной целью ударить ему в челюсть машинально прикрылся рукой. Фёдор, с досады, что смог попасться на уловку, отвернулся к канатам, но тут же получил чувствительный удар по почке. Пришлось снова развернуться к сопернику лицом, и, увидев голову соперника прямо перед собой, Фёдор нанёс удар. Но соперник, пригнувшись, легко ушёл от удара… Фёдор, втянувшийся в поединок, к концу раунда попал только раз сопернику в голову. Зато тот попадал ему в печень регулярно. Прозвучал гонг и пленник смог отдохнуть на стульчике, появившемся, словно ниоткуда, в углу ринга.

Второй раунд, с боксёром повыше, начался с того что, что соперник сразу стал имитировать удары по лицу. Перчатки проносились в миллиметрах от его носа, подбородка, лба. Невольно Фёдору, не хотевшему опять поднимать руки, пришлось отступать, и весь раунд уворачиваться от ударов, бегая по рингу . В четвёртом поединке Фёдору нестерпимо захотелось убежать, и он метнулся к канатам, намереваясь ускользнуть с ринга в спасительную темноту. Он нырнул под канат, но стукнулся обо что-то, словно это была резиновая стена. Он поднялся, отброшенный стеной на пол, подошёл к канатам, протянул руки и погрузил их в темноту. «Да, отсюда не сбежишь!» – ему удалось протолкнуть в чёрную стену только кисти. Стоявший сзади него очередной соперник постучал Фёдора по плечу. Фёдор повернулся и посмотрел ему в глаза. В них не было ничего: ни злости, ни радости, ни любопытства, – взгляд словно смотрел сквозь него… В следующем раунде Фёдор, запнувшись об свою же ногу, упал на пол. Вставать не хотелось. Прохладный пол так хорошо остужал все побитые места на теле. Соперник стоял в углу ринга и ждал, не проявляя никакого нетерпенья. Фёдор тяжело поднялся…. После того как прозвучал гонг на последний раунд, и появился сверхтяжёловес, Фёдор ещё успел подумать, что скоро всё закончиться и тут же получил от боксёра удар в солнечное сплетение….

— Вам плохо? — послышался чей-то голос.

Фёдор открыл глаза. Он сидел на корточках, прислонившись к столбу светофора и одной рукой держась за живот. Ныла сильно печень. Какая-то женщина держала его за плечо и участливо заглядывала в глаза. Фёдор оглянулся по сторонам. Молодая парочка, не оглядываясь, удалялась от него.

— Спасибо, всё прошло. — Фёдор с трудом поднялся и побрёл в сторону дома. Уже подходя к своему подъезду мимо него, со спины, пролетела какая-то белая тень, и он услышал, как кто-то ему шепнул прямо в ухо: «Не забывай!».

Орденоносцы.

Николаю снилась погоня. Бесконечные дощатые заборы сменялись узкими улочками, заросшими огородами, крышами гаражей и тупиками. Ноги подкашивались и наливались тяжестью. Сердце билось всё сильнее и сильнее, то ли от усталости, то ли от страха. Задыхаясь, он упал на землю и прижался к ней, стараясь слиться в одно целое, но несколько рук подняли его и понесли куда-то. Через некоторое время Николай почувствовал, что они остановились, и он приподнял голову. Земли под ногами не было. Впереди и внизу была только кромешная тьма. Подождав несколько секунд, руки одним движением бросили его в эту тьму. Николай дернулся, стараясь ухватиться за какую-нибудь руку, и проснулся.

Комната была не его. Да и он сам не лежал на кровати, а стоял в центре металлической рамки. Руки его были в зажимах, которые крепились к рамке, в которой он стоял. Он огляделся. Почти пустая комната, облицованная кафельной плиткой. Одна дверь. Окон не было вовсе. Николай попытался освободить руки из захватов, но его остановил голос:

— Не стоит пытаться, напрасный труд.

Николай поднял голову. Перед ним стояла, непонятно откуда взявшаяся, фигура человека одетая в белый балахон с капюшоном. Лицо было закрыто белой маской. На маске были только прорези для глаз, которые были заполнены глубоким темно-синим цветом.

— Из этой Рамки ещё никто не вырывался. Только когда я отпущу.

Николай ещё раз оглядел устройство. Рамка была сделана из серебристого металла, над головой нависал шлем странной конструкции с множеством трубочек, кронштейны с приборами непонятного назначения. Ноги тоже были прихвачены толстыми ремнями к нижней части станка. Торс его был оголен.

— Что те надо? — решил не тянуть время Николай.

— Мне ничего. Просто на тебя поступила заявка от ветерана войны – нужно наказать тебя по справедливости за ограбление.

— А я что в полиции или в прокуратуре? Или где? — Николаю вдруг пришла в голову тоскливая мысль, что у дедка внук, может быть, в бандитах ходит.

— Ни первое, ни второе, ни, тем более, третье. Люди называют меня Справедливость, хотя это не совсем так. И ко мне поступила заявка наказать

тебя за кражу орденов и медалей у ветерана войны и, главное, за то, что ты чуть не убил его.

— Что за заявка, от кого? Да и вообще я не делал ничего такого.

— От дочери его. И мне не надо рассказывать сказки. Я всё знаю.

И подробно белая фигура рассказала, как всё происходило, включая эпизод, когда Николай, подобрав со стола подвернувшуюся под руку булавку, стал колоть ею старика, угрожая даже выколоть глаз, если тот не подчинится. Она приблизилась к нему вплотную, и Николай почувствовал холодок, исходивший от её синих глаз.

— Так было?

— Нет — Николай упрямо мотнул головой, тут же подумав, что, может, его сдал напарник.

Неожиданно справа от него появился проём в стене, и он, через стекло, установленное в этот проём, увидел своего подельника. Он испуганно озирался в таком же устройстве, но видно было, что он их не видел. Проём закрылся.

— Дружок твой тоже у нас. И он тебя не выдавал. Просто если поступает мне заявка, я всё узнаю сама.

— Ты убьёшь меня? — голос Николая дрогнул.

— Никогда! — удивлённо произнесла белая фигура. — Я никогда никого ещё не убила. Я накажу тебя и отпущу.

Белая фигура пристально посмотрела на вора.

— А зачем тебе понадобились эти медали?

— А зачем они деду? — вопросом на вопрос ответил Николай. Паскудная улыбочка внезапно появилась на его лице. — Ведь всё равно скоро в могилу.

— Так и ты долго не протянешь. Я вижу два пути, по которому ты, вероятнее всего, будешь идти. Первый, это когда ты, напившись, замёрзнешь в каком-нибудь сугробе. Второй, тебя убьют наркотики. И это не пророчество. Это твоя будущая реальность. И ради того, чтобы ты на награбленное покупал себе смерть, люди сражались за свою жизнь, семью и родину? Любое наказание тебе не восстановит даже в незначительной степени справедливость, по отношению к ветеранам, которых ты ограбил. Но наказание будет компенсацией за полученное тобой, при помощи преступления, удовольствие.

Дверь бесшумно отворилась и в комнату вкатилась тележка, прикрытая простынёй. Тележку толкал человек, обтянутый с ног до головы в фиолетовую ткань. На глазах, вместо прорезей, была натянутая мелкая сетка. Помощник подвез тележку к Николаю и откинул ткань. На тележке лежали рядами ордена и медали.

— Это твоя «награда». За содеянное. От меня. И это только маленькая часть украденных наград у ветеранов. Не только тобой, конечно. Но ты получишь столько, сколько уместится у тебя на груди. — Сказала белая фигура и показала рукой на тележку. Затем, повернувшись к помощнику, приказала, — приступай!

Помощник достал с нижней полки тележки коробку с ватными тампонами и, обильно смочив из какой-то бутылочки, принялся протирать обнаженный торс Николая. Закончив процедуру, помощник опустил шлем пленнику на голову, и закрепил его на рамке. Затем достал кляп с ремешками и, несмотря на отчаянное сопротивление Николая, засунула ему кляп в рот и закрепила ремешки к шлему. Николай пристально всмотрелся в сетку обтягивавшую голову фигуры. Но смог лишь увидеть отрешённый мимолётный взгляд.

Помощник неторопливо взял со столика что-то похожее на пинцет с широкими концами и одну из медалей. Затем пинцетом захватил кожу на груди Николая и, резко оттянув её, вонзил в неё застёжку медали. У Николая перехватило дыхание, и он издал мучительное мычание. Слёзы невольно полились из его глаз. Помощник положил пинцет и аккуратно застегнул застёжку медали. Затем всё повторилось. И ещё и ещё. Через некоторое время вся грудь, красная от проступившей из ранок крови, была утыкана орденами и медалями. Помощник положил пинцет на пустую тележку. Достал с нижней полки пузырек с нашатырём и, открыв, подсунул Николаю под нос. Николай, потерявший сознание на первом десятке приколотых наград, резко откинул голову и очнулся. Белая фигура указала помощнику пальцем на кляп. Когда кляп был убран, крик отчаяния, гнева и боли наконец-то вырвался из груди Николая.

— Твари, подонки, ублюдки…. А–а–а… — Никогда Николай ещё не испытывал такой боли и такого унижения. Он пытался выдернуть руки из станка, но захваты только сильнее стягивали его конечности. Николай почувствовал как внутри шлема выдвинулись два штыря и упёрлись ему в виски и его тут же ударило током. Он опять потерял сознание…

Очнулся Николай от негромкого разговора. Не открывая глаз, он прислушался.

— …прошло пару недель и уже всё вросло в тело. Придётся вырезать под наркозом. — Врач на секунду задумался. — Да, представляешь, какой вид у него

потом будет!

— Хотя и говорят что шрамы украшают мужчину, но здесь... — Ответил другой голос. – Полиция кстати уже прибыла. Подкинули нам подарочек, с биркой на ноге: «Вор». Пора приводить его в чувство и послушать, что он расскажет.

Николай открыл глаза. Два врач стояли около кровати и рассматривали его грудь.

— Что со мной? — спросил он почти осипшим голосом, тут же почувствовав стягивающую кожу тяжесть на груди.

— Пару воспалений, несколько нагноений, остальное срослось с твоим телом; придётся их вырезать из тебя, все награды. А откуда у вас, пацаны, кстати, столько наград, орденоносцы? — врач перевёл взгляд с кровати Николая в другую сторону.

Николай медленно повернул голову, стараясь не натягивать кожу на груди. На соседней кровати лежал его приятель. Запрокинув голову и открыв рот, приятель тяжело дышал и постанывал. Его грудь тоже до пояса была устлана наградами.

Один из врачей вдруг заметил что-то среди наград на груди лежащего пациента.

— Смотри. Такие же три ордена у моего деде украли прошлым летом. Старик переживал очень, даже заболел, микроинфаркт. — Он показал пальцем на грудь пациента. — И все три рядом воткнуты. Вырежу-ка я их первыми. — И через непродолжительную паузу, — и без наркоза.

В руке хирурга блеснул скальпель…

Улыбочка.

Городской прокурор Семён Петров, мужчина средних лет, сидел на ежемесячном собрании и мучительно придумывал отговорку, которая позволит избежать разноса от начальника. Профессия ему «досталась» от отца, который дослужился до прокурора области, и поэтому его сыну не стоило большого труда получить соответствующее образование и работу. Но работу свою он не любил. Хотя конечно она и не слишком его тяготила – помощники, секретарши, компьютерные шаблоны. К тому же маленькие профессиональные «навыки» позволяли жить в соответствии с потребностями, которые требовали хорошую машину, дом – особняк, шикарную мебель. Петров закрыл глаза, чтобы

сосредоточиться, и его тут же окружила тишина. Только что звучал голос одного из начальника отдела, резкого на высказывания человека, с неприятным каркающим голосом и вдруг всё стихло. Он резко открыл глаза, узнать что случилось, и не узнал окружающую обстановку. Вместо больших окон и дубовых панелей – голые стены. Вместо паркета – керамическая плитка. Вместо стула…. Он посмотрел по сторонам. Он стоял в металлической рамке с пристегнутыми к ней руками и ногами механическими зажимами. Над головой к раме было прикреплено ещё одно устройство похожее на шлем.

«Сплю наверно, — подумал Петров. — Надо потихонечку проснуться».

— Не стоит утруждать себя — послышался чей-то голос.

Из-за спины прокурора выплыла высокая фигура, облачённая в белую мантию до пола. На голове был широкий капюшон и маска, с прорезями только для глаз.

— Не стоит утруждать себя — повторила фигура. — Потому что вы не спите.

— Где я? — растерянно спросил Петров.

— Вы в экзекуторской! — голос у фигуры был приглушённый, но отчётливый.

— Ущипните меня кто-нибудь, — дёрнулся Семён в рамке.

— Возьмите себя в руки, — фигура сделала паузу, — вы находитесь в параллельном пространстве для свершения правосудия. На вас поступила заявка. Заявка на восстановление справедливости от фигуранта уголовного дела, которое вы ведёте.

— Кто вы вообще такой? Что вам от меня надо? — Петров решил взять инициативу в свои руки. — И вам не сойдёт с рук похищение человека. Тем более что я должностное лицо. Я прокурор! — он повысил голос.

— А вас никто и не похищал. Вас вернут в тоже время и на тоже место, откуда взяли. И никто ничего не заметит. Думаю, что и не поверят, если вы захотите рассказать что с вами здесь происходило. Так устроено мое пространство. Да и кто вы я прекрасно знаю. Заявка поступила именно на вас.

— Кто-то меня заказал? — в голосе послышались тревожные нотки.

— В каком-то смысле – да. Но я же уже сказал – вас вернут на ваше место. И не те вопросы вы задаёте.

— Хорошо, — прокурор старался говорить спокойно. — Почему я здесь?

— Потому что вы слишком много улыбаетесь! — Фигура приблизилась к Семёну. — Вы делаете противоправные поступки, пользуясь своим служебным положением, и при этом мило улыбаетесь, словно издеваетесь над людьми.

— Вы записываете наш разговор? — внезапно спросил Семён.

— Нет. Мне это не надо. Да и зачем. Большинство ваших товарищей знают эту нехорошую вашу черту, но не связываются. Ведь папа областной прокурор, и уголовный кодекс вы в данном случае не нарушили, а просто пользуетесь лазейками в законах. И превращаете их в приятные и престижные в быту вещи. Пользуясь нужными знакомствами и связями.

Фигура остановилась напротив прокурора и заглянула ему в глаза. Прокурор мило улыбнулся, но тут же стёр улыбку со своего лица и отвел глаза.

— Такая уж у нас жизнь. — Он помолчал немного и добавил, — не мы её придумали – не нам её менять.

— Очень удобная философия. И делать ничего не надо. Да к тому же вредно для своего благосостояния. — С иронией в голосе согласилась фигура. — Но даже если бы вы и захотели что-то сделать, у вас не хватит способностей. Вот беда всех сторонников такой жизненной позиции. Ну, конечно, это усугубляется дополнительно плохим воспитанием.

Фигура отступила от Рамки и махнула кому-то рукой.

— Здесь вы за конкретное дело, которое хотите спустить на тормозах: наезд на человек на пешеходном переходе с нанесением увечий средней тяжести. Водитель был пьян. И не затормозил своевременно на переходе…

— Не доказано, — отрезал прокурор.

— Да. Потому что сбежал с места происшествия. « В состоянии аффекта покинул место происшествия». Так записано в протоколе? Ответчику грозит срок заключения, лишение прав, выплата морального и материального ущерба. Но!!! – фигура подошла снова к Семёну. – Это же сынок вашего хорошего знакомого. Ну, как было не воспользоваться «блатным» приятелем. И, конечно же, не бесплатно. А тот инженеришка сам виноват – нечего было пропускать рюмочку сухого вина на праздновании дня рождения коллеги. Да и других прегрешений у вас достаточно. Отказы в возбуждении уголовных дел, сговоры с адвокатами и недобросовестными судьями, поддержка подпольных казино…

— Не доказано. — Снова перебил прокурор. И мило улыбнулся. — А потерпевший сам сказал о том, что выпил.

— Я то точно знаю, какая разница была между одним бокалом вина у инженера и полубутылкой водки выпитой водителем. — Белая фигура сделала паузу. — Ну что ж, раз не хотите понять свою вину…

К рамке подошли две фигуры, облачённые в обтягивающие, с головы до ног, фиолетовые костюмы и с сетчатыми масками на глазах. Сверху рамки опустилась большая присоска на кронштейне и зафиксировала голову прокурора.

— Что за издевательства? — задёргался в рамке Семён. — Вы ответите за…

«Фиолетовый» схватил прокурора за нижнюю челюсть и оттянул её вниз. Второй, не обращая внимания на гортанные крики прокурора, зацепил за угол его рта маленький крючок, с прикреплённым к нему резиновым кольцом. Затем, натянув кольцо, надел его на ухо прокурора, слегка оттянув уголок рта. То же самое он проделал и со вторым крючком, зацепив его за другой угол рта и другое ухо. Присоска отпустила голову прокурора, и его голова резко дёрнулась…

— Семён Викторович, уснули что ли? — все смотрели на него. Начальник кивнул Семёну, — доложите о вашей работе.

Семён встал, и тут нужная отговорка родилась у него в голове. Лёгкая улыбка невольно появилась у него на губах. Семён подумал, что надо бы придать лицу серьезный вид, но не смог убрать её. Губы не слушались его. «Резинка» - мелькнуло у него в голове, и он невольно потрогал щеку. Щека была хорошо выбрита, но никакой резинки он не нащупал. Пауза затягивалась, и генерал постучал карандашом по столу, поторапливая коллегу. И тут Семён почувствовал, как уголки его рта стали ползти к ушам. Он опять поскрёб себя по щеке. Ничего. Коллеги, молча, с недоумением смотрели на его расширяющийся рот. Семён уже двумя руками скрёб себя по щекам, но чувствовал только слезы, проявившиеся из глаз от боли разверзшегося рта. Он оттолкнул стул и стремительно выбежал из кабинета…

И ещё не раз секретарша вспоминала и рассказывала, как Петров вылетел из кабинета и промчался мимо неё со страшным оскалом и расцарапанным лицом. Вскоре по почте пришло его заявление об увольнении. Больше коллеги его не видели.

Крик.

Павел Краснов прошёл к столу хирурга и сел на стул. Врач внимательно изучил его медицинскую карточку и спросил:

— На что жалуетесь?

— Да вот в груди, слева, побаливает иногда. — Краснов ткнул пальцем в правый бок.

— Раздевайтесь. — Хирург буднично произнёс ритуальную фразу. И пока пациент раздевался, рассматривая рентгеновский снимок, спросил, — когда появились боли? Что случилось?

— Да я и сам не понимаю, откуда они взялись. — Павел погрузился в воспоминания. — Хотя может быть…

…Как он оказался в этом помещении он не помнил. Как его пристегивали к какой-то раме, тоже не помнил. Только что был в своём кабинете, собирался устроить разнос разгильдяям. Он смотрел на своих подчинённых, сидевших вокруг его стола, и подбирал слова, с которых начнёт. Но было ещё рано что-то говорить, потому что ещё не появилось знакомое ощущение в кончиках пальцев, словно они нагревались и в них появлялось приятное покалывание. Наконец он почувствовал как пальцы стали словно надуваться и уже было открыл рот, глубоко вдохнул… И вдруг здесь… Павел огляделся. Абсолютно пустое помещение. Ни одного окна, только одна дверь. «Может я в тюрьме? Или психушке? Но за что?» - мысли перескакивали с одной возможной причины на другую, но ни в тюрьму. Ни в психушку за это не сажали!

Внезапно, Павлу показалось что даже из воздуха, перед ним возник силуэт человека. Человек был одет в длинный белый балахон, на лице маска с прорезями только для глаз, на руках перчатки. Фигура приблизилась к Краснову.

— Павел Краснов? Директор межрегиональной логистической фирмы? — Павел кивнул головой.

— Я вот в раздумьях. — Фигура прошлась взад и вперёд несколько раз перед директором. — Провести сначала воспитательную беседу или сразу приступить к наказанию?

— Что вы здесь бормочите? — Павел стал приходить в себя. — Какого чёрта вы меня захомутали в это устройство? И вообще, по какому праву вы меня здесь держите?

— На сегодня ваше место здесь. Вы знаете, где вы находитесь? — Фигура сделала паузу. — Я и сама не знаю, как назвать это место. Можно было бы назвать Центром Реального Наказания, но уж больно высокопарно это звучит. Впрочем, это не важно.

Внезапно Краснов стал вырываться из рамки, пытаясь высвободить то руку, то ногу. После нескольких неудачных попыток он покраснел, вены на его шее вздулись. И Павел, набрав воздух в лёгкие, закричал фигуре:

— А ну быстро отпусти меня тварь безмозглая! Кривоногая стерва! Голь перекатная! Ещё рот откроешь — получишь по полной программе! Твоей мордой только полы мыть! Дешёвка подзаборная!…

Несколько минут Павел обзывал, оскорблял и угрожал Белой фигуре, которая стояла напротив него и не перебивала его. Наконец запал у Павла закончился и он, тяжело дыша, уставился на фигуру, ожидая какой-нибудь реакции. Фигура покачала головой

— Я так и предполагала. Ваше воспитание и психическое состояние исключает всякую надежду на перевоспитание. Возможна только установка ограничителя. – Фигура прошлась ещё раз взад и вперед перед ответчиком. – То, что вы кричите на взрослых, в частности на подчинённых, и они вам почему-то не возражают, это полбеды. То, что вы кричите на свою жену тоже можно не обращать внимания. Но, то, что вы кричите на детей – это недопустимо. Ваши дети уже привыкли к вашему характеру и пропускают ваши вопли мимо ушей. Но последнюю вашу выходку, когда вам показалось, что трёхлетний малыш поцарапал лопаткой вашу машину… — фигура встала напротив Павла. — Ведь после ваших криков на него, мальчик стал заикаться, плохо спать, вздрагивать от малейшего шума. И правильно сделала его мама, что подала на вас в суд. Но, я чувствую, вернее, я знаю, это не изменит вашего поведения к окружающим. Кричите на подчинённых. Кричите на прохожих, из машины. На соседей по дому и даче. Из-за спорного квадратного метра на дачном участке довели пожилую женщину до инфаркта. Кстати, вы не знаете, вы были ещё маленький, ваш отец тоже так вёл себя и докричался до того что лопнул сосуд у него в голове. В результате – летальный исход. Но вы как-то умудрились перенять у него это свойство характера и теперь терроризируете окружающих.

В этот момент в помещение вошли несколько человек. Все они были в фиолетовых облегающих костюмах. На головах у них были маски с сетками напротив глаз. Рамка стала медленно переворачиваться в горизонтальное положение. Павел уже было открыл рот, чтобы выкрикнуть что-нибудь, но от рамки, проворачиваясь вокруг оси, развернулся механизм со шприцем и вонзил иглу в его шею. Язык перестал ворочаться во рту. Фиолетовые окружили рамку, и один из них раскрыл принесённый саквояж, в котором оказались медицинские инструменты. Сознание постепенно покинуло Павла…

— … У вас на ребрах, какие-то посторонние включения, если можно так сказать — доктор продолжал всматриваться в снимок. — Подпилили три ребра, удалили с каждого по сантиметру кости и что-то вставили. А в медкарте ничего об этом нет.

Хирург отложил снимок. Затем помял бок, где на снимке были вставки. Слегка постучал по ним. Потом посильнее.

— Не болит? — услышав отрицательный ответ, спросил, — спать не мешает, руки можете поднять? Когда делаете физические упражнения, не беспокоит? — Хирург ненадолго задумался. — Так, когда же вас боли беспокоят?

— Да хочется на кого-нибудь прикрикнуть, хорошенько так прикрикнуть, и только воздух наберу, так и появляется резкая боль! — На лице Павла выступила жалостливая гримаса.

— И на кого же вы кричите? — поинтересовался врач.

— Да практически на всех! — вырвалось у пациента. — Вокруг собрались одни идиоты!

— Неужели все? — доктор посмотрел пациенту прямо в глаза.

Павел невольно отпустил глаза. А когда снова их поднял на доктора, он увидел в кресле белую фигуру. Павел вскочил со стула, опрокинув его, и бросился к двери. Он дёрнул ручку несколько раз, но её словно заело.

— Куда вы, больной? — послышалось за его спиной. Павел медленно обернулся. За столом сидел хирург и записывал что-то в медицинскую карту. Доктор, дописывая последнее предложение в медицинской карте, сказал:

— Операция, по восстановлению целостности рёбер, если будете делать, необычная предстоит. А это значит, очень дорогая! Так что постарайтесь сдерживать себя и эта проблема не будет вас беспокоить. Да и место вставки может воспалиться от частой деформации. И присмотритесь к людям – может они и не такие уж плохие?

Краснов вышел из кабинета и побрёл по коридору… Его интуиция подсказывала ему, что прежней жизни уже не будет. На середине пути он остановился, развёл руки, спросил сам у себя: «Как же дальше жить?» и, тяжело ступая, направился к выходу.

Квадратный метр.

Экс-депутату Огрызкову снился странный сон – толпа его друзей и знакомых будто бы укладывали его в гроб. Его поднесли к гробу обитым его любимым крепдешином, выстланным изнутри тысячными купюрами. Мимоходом он с неудовольствием отметил, что и костюм на нём самый дорогой. «Транжиры!» – подумал он и хотел было высказаться по этому поводу, но его уже поднесли к гробу. И тут оказалось, что гроб значительно меньше чем он сам. Его положили сверху на гроб, так что руки, голова и ноги свесились по краям, и на несколько секунд застыли, как - бы раздумывая, что дальше делать. Потом все, не сговариваясь, стали складывать его внутрь погребального ящика. Сначала сложили в несколько раз ноги. Потом сложили ему на груди руки и, наконец, засунули голову, вывернув её на девяносто градусов. И захлопнули, с громким стуком, крышку. И тут Огрызков проснулся.

Пётр огляделся. Он сидел на полу в узком, но высоком квадратном ящике, ярко освещённом настенными светильниками. Одной рукой он обнимал унитаз, другой мусорную корзину. В противоположном углу пристроилась маленькая раковина. Он встал на ноги и чуть не стукнулся головой об полку, на которой стояла какая-то посуда. Над унитазом висел маленький шкафчик. Открыв его, Огрызков увидел, что это был холодильник с набором его любимых продуктов. Довершали картину кухонный стул с закреплённым на стене откидным столиком. На одной из стен висели электронные часы с большим цифрами, но с погашенным табло.

— В голове не укладывается. — Пётр опустился на стул. — А может быть я всё ещё сплю?

Сверху послышался слабый шорох, и Пётр поднял голову. Потолка не было, и в его проёме виднелась одетая в белую одежду фигура. На голове у неё был капюшон, а на лице белая маска с прорезями для глаз.

— Нет, вы не спите, господин Огрызков. — Голос был глухой, но отчётливый. — С этого момента вы периодически будете появляться в этой каморке.

— Зачем? Я ничего не понимаю.

— Во-первых – за что. Будучи председателем комитета по вопросам собственности, вы приняли закон позволяющий собственнику маленького, очень маленького, долевого участка квартиры, продать его на сторону. И для некоторых людей, чьи родственники продали такие доли, или лучше сказать «дольки», такая практика стала кошмаром. Потому что вы запустили механизм который позволял разного рода жучкам и негодяям покупать эти доли. Но эти корыстные люди стали жить не на этих дольках, что, конечно же, было

невозможно, а стали пользоваться почти всей квартирой. Кроме того они стали создавать хозяевам квартир невыносимую обстановку, вынуждая основных собственников продавать всю квартиру по бросовой цене. Что, конечно же, не отвечает требованиям справедливости.

— Ну, я не виноват, что у некоторых родственников такие плохие отношения. И я ведь не один его принимал, вся Дума!

— Но готовили его вы! Вы руководитель этой группы, начальник. А слово начальника, у вас, людей, стоит гораздо больше чем у остальных. Впрочем, если хотите, я могу к вам подселить весь комитет или даже Думу!

— Что значить подселить? Я что, здесь навечно?

Белая фигура удовлетворённо ткнула указательным пальцем в сторону Петра.

— Вот теперь – зачем вы здесь.

На стене засветилось табло часов с зелёными цифрами, на которых высвечивалось время – 12:00. Но, похоже было, что часы пока стоят.

- Таймер будет отсчитывать обратное время. До нуля. После этого вы окажетесь в своей квартире, в своей постели, в тоже время, какое оно было, когда я переместил вас сюда. Хочу сразу сказать, что время здесь обычное не работает. Оно остановилось, для вас, там, в реальном мире. И, когда вы окажетесь в своём времени, вы сделаете так, чтобы эту норму закона изменили, чтобы люди не страдали от вашего недоработанного, впрочем это становится традицией для вашего законодательного органа, положения. Конечно это дело не быстрое. Поэтому даю вам месяц. Месяц на поиски возможностей, старых связей, может быть денег, на продвижение этой поправки. Через месяц я верну вас сюда. На время. Чтобы вы в спокойной обстановке, не отвлекаясь на ваши предпринимательские дела, смогли оценить и обдумать ваши дальнейшие действия. Но на таймере будет уже стоять 13:00. И каждый месяц на табло будет прибавляется по часу. То есть у вас есть год, реальный год, чтобы создать для собственников, как больших долей, так и маленьких, приемлемые юридические условия.

Огрызков от сложившейся ситуации, так похожей на правду, с трудом стоял на ногах и тяжело дышал, хотя по его лицу было видно, что он всё ещё не верит в происходящее. Он потряс головой – видение не исчезло. Он присел на стул, что-то обдумывая, и изредка бросал взгляды на своего тюремщика.

— И сколько это будет продолжаться? Я имею ввиду мое пребывание в этом месте? — сказалась давняя производственная привычка прояснять до конца, по возможности, сложившуюся ситуацию.

— У вас два варианта. Первый – вы проводите поправку в Думе и больше не попадаете сюда. Второй – после того как вы, если проигнорируете моё условие, доведёте время на таймере до полных суток, то есть 24:00, или, как обычно принято 00:00, останетесь здесь до того момента, когда думцы не исправят сами, может пройти не один год, эту несправедливость. Не исправят – будете жить здесь вечно. Откровенно говоря, еда и унитаз здесь – просто дань привычке. Еда вам здесь не нужна. Потому что время, реальное время, здесь остановлено. Так что можете потом радоваться, что не душа у вас бессмертная, а вы сами! Вот только понравится ли это вам, я не знаю. А пока придумайте что-нибудь толковое, для аргументации внесения поправок в соответствующий закон перед вашими друзьями, журналистами, чиновниками.

Петр постучал головой об стену. Нет, опять не проснулся.

- Наверно это розыгрыш. – Он поднял голову и спросил – Это розыгрыш?

- Больше мы с вами не увидимся. – Ответила белая фигура. И исчезла.

Проём потолка был опять закрыт. Экс-депутат раскрыл кухонный столик, поставил на него стул, залез, используя унитаз, на эту конструкцию и легко приподнял лист фанеры на потолке. Просунув голову в потолочный проём он посмотрел во все стороны – стояла кромешная темнота. Тогда он крикнул несколько раз, но было такое впечатление, что звук исчезал прямо перед лицом пленника. Тогда он протянул вперёд руку – рука погрузилась в плотный мрак. Он слез, опустился на пол и уставился на таймер…

Когда электронные час выдали цифры 00:00, Огрызков увидел перед собой снова свой потолок. Он лежал в своей постели и думал всё об одном – розыгрыш это или сон. Наконец он вынес по этому непонятному событию себе вердикт – это был необычный, странный, даже, где-то, жуткий, но всё-таки сон. И со спокойной душой оправился на работу.

Через месяц он лёг спать и опять ему приснился странный сон. В глаза ударил яркий свет. Пётр открыл глаза. Электронные часы показывали 13:00…

Вердикт.

Федеральный судья Слепцова сидела в старом судейском кресле и думала о том, что сегодня, наконец-то, последнее заседание по делу о нелепом убийстве насильника и наркомана. Приговор уже давно был обговорен с прокурором и вся эта говорильня: ответчика, адвоката, свидетелей, были для неё, после стольких лет работы в это структуре, источником раздражения. Она устало потёрла лоб рукой и, опустив голову, закрыла глаза. Через какое-то время она поняла, что в зале что-то изменилось: исчезли голоса и лёгкий шум зала. Она открыла глаза и резко откинулась в кресле. Никого вокруг не было, да и сам зал изменился. Это было совсем другое помещение – голые бетонные стены, отсутствие окон, тусклое освещение. На противоположной стене от кресла находилась дверь, очень похожая на дверь, которая была у её служебного кабинета. Помещение было совсем без мебели, не считая её кресла. Посередине комнаты стояла человеческая фигура в белом одеянии, с накинутым на голову капюшоном. Лицо закрывала белая маска с прорезями для глаз. Но самих глаз видно не было –только очень тёмная синева. Судья посмотрела по сторонам. Кресло стояло у стены и было обрамлено яркими лампочками без плафонов, словно она сидел в артистической уборной.

Человек в странном одеянии, похожем и на одежду римских патрициев, и на хламиду инквизиторов, и на артистов, приблизился вплотную к судье и сказал:

— Я решила, что в рамке вам будет неудобно, поэтому оставила вас в кресле, — вдруг отчётливо произнесла белая фигура. — Мы поговорим о деле, которое вы сейчас рассматриваете, если можно так сказать об этом процессе.

— Я ни с кем дела, которые я веду, не обсуждаю, — последовал резкий ответ. — И где я, что это за место, как я сюда попала?

— Странно слышать это именно от вас. А как же прокурор? С ним-то вы это дело обсудили уже давно. С вашим любовником. И. конечно не хотите его огорчать, портить ему статистику…

— Кто вы? — перебила фигуру судья. — И, повторяю, как я здесь очутилась?

— Есть высшие силы, — фигура театрально подняла руку — деяния которых не подвластны пониманию человека. И это не так важно. А кто я? Считайте меня вашей совестью, которая на сегодняшнем заседании впала в кому.

— У меня очень влиятельные знакомые, так и знайте.

Слепцова резко отвела руку, указывая куда-то вверх, мантия съехала с руки, оголив её, и судья попала запястьем в лампочку.

— Наверняка останется ожог, — сказала судья, потирая руку.

Белая фигура спокойно выждала некоторое время:

— Давайте вернёмся к делу…

— Я сказала, ничего я с вами обсуждать не буду, — повысила голос судья. — И где здесь выход? Впрочем, я и сама его вижу.

Он встала с кресла, и, обогнув странное создание, направилась к двери. Дверь была точно такая же, как и у неё, даже все царапины и сколы были на месте. Слепцова протянула руку, чтобы взяться за ручку, но увидела только гладкое место, даже без отверстия для ключа.

— Согласитесь, неприятно, когда надеешься на одно, а на самом деле не за что ухватиться.

— Что вы имеете в виду? Я не понимаю!

— Человек надеется на адекватные законы и толковых и честных судей, но, иногда, сталкивается с такой ситуацией, когда и законы не учитывают всех обстоятельств и судьи не хотят проявить понимание. И не на что им надеяться, чтобы доказать свою правоту.

— Всё равно я не понимаю, — упрямо повторила судья. — Покажите мне выход!

— Выход конечно есть. Это послушать меня. Говорить ничего не надо. Только слушать. Потом вы вернётесь в зал суда. А пока сядьте в кресло. Или вам помочь?

Внезапно дверь открылась, и судья увидела, как из чёрного проёма двери вышли ещё две странно одетых существа. В обтянутых фиолетовых трико с капюшонами, с сеткой на глазах, они встали по обе стороны от судьи. Она дёрнула плечами и прошла на указанное ей место.

Белая фигура встал напротив Слепцовой и, слегка жестикулируя, продолжила.

— Человек, которого вы хотите посадить на семь лет, должен быть оправдан. По негласному, так называемому, «Закону трансформаторной будки». Этот закон не прописан в уголовном или административном кодексе, но он есть. Этот закон придумала сама жизнь. Представьте себе, что в трансформаторную будку зашёл человек поживиться – своровать цветной металл. Сломал он замок или его не было, это неважно. Думал ли он, что там нет напряжения или хотел обокрасть неработающее оборудование, тоже неважно. Важно то, что он попадает под

высоковольтное напряжение и погибает. Кого же мы осудим? Замок, что не устоял натиску фомки? Ток, что не отключился, когда почувствовал что убьёт человека? Важно то, что этот вор принял самостоятельное решение идти в опасное место. Почему же за его непродуманные действия должен отвечать другой человек?

Судья расстегнула свою мантию, ей стало душно; под мантией оказалась белая блузка, украшенная ожерельем из крупного жемчуга.

— Я знаю, что вы собираетесь судить человека, который стал жертвой обстоятельств. Подумайте сами – разве он виноват, что погибший ворвался в его квартиру и хотел изнасиловать его дочь? Разве он виноват, что погибший, после того как его выперли на лестничную площадку, стал снова ломиться в дверь? Разве он виноват, что погибший был в неадекватном состоянии? И от сильного, вынужденного толчка в грудь упадёт и стукнется об ступеньку головой?

Белая фигура приблизила свою маску к лицу судьи.

— А вы хотите этому подсудимому дать семь лет! — в прорезях маски, на мгновенье, появились синие блики похожие на языки пламени. — Может быть, всё дело в том, что прокурор ваш давнишний любовник, и вы не хотите портить ему показатели? Или потому что в судебной практике сложилась такое положение – минимум оправдательных приговоров? Получается что показатели для вас важнее судьбы человека?

Вновь возникла пауза, Белая фигура как-будто ждала какие-то слова от Слепцовой, но она отвернула голову в сторону и молчала.

— У вас на этом заседании два раза ломался молоток. И если вы вынесете неправильные вердикт, то третья поломка испортит вам жизнь. Сейчас вы вернётесь на своё место – подумайте об этом. Не ломайте судьбу человеку. — Белая фигура повернулась и пошла к чёрному проёму в двери. И, чуть повернув голову, добавила. — застегнитесь.

Слепцова машинально стала застёгивать мантию. Белая фигура растворилась в чёрном проеме, и судья устало откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Но тут же их открыла, услышав знакомый голос.

Прокурор зачитывал последние слова своего требования. Адвоката и последнее слово подсудимого она уже почти не слушала. Её душила волна ярости – ещё никто не осмеливался проделывать с ней такие фокусы. «Подмешали что-нибудь в кофе» – первое, что пришло ей в голову. И после того как она вернулась из своего кабинета, огласила провор – семь лет колонии. Как она и планировала.

Она взяла судейский молоток, уже третий по счёту, подняла руку, рукав мантии съехал вниз, и она увидела красное пятно на запястье! Не в силах остановиться, она по привычке с силой ударила молотком по подставке. Молоток сломался, и головка молотка полетела ей в голову. Слепцова инстинктивно отшатнулась, нога у неё подвернулась, и она всем телом упала на судейское кресло. Старое кресло затрещало и развалилось…

Хирург - нейролог подошёл к родственникам только что прооперированной больной и протянул кусок тонкого, плотного дерева, заострённого на одном конце.

— Операция прошла успешно. Щепку нам удалось удалить. Но, к сожалению, эта щепка попала в самый центр позвоночника, в спинной мозг, и нарушила работу мышц, отвечающих за правую половину тела. Но спешу вас успокоить – терапевтическое лечение приведёт всё в норму. Лечение долгое, но всё восстановиться. Так что как говорится – всё будет хорошо!

Он уже собрался уходить, но его остановил вопрос от мужа:

— А как долго?

Хирург положил мужчине руку на плечо и слега сжал:

— Думаю лет семь. Наберитесь терпения.

Муж тяжело опустился на стул, сжал виски ладонями и забормотал:

— Семь лет, семь лет…

Жемчуг.

По тенистой аллее парка неторопливо прогуливалась молодая женщина, ожидая подругу. Людей в парке было немного, в основном носилась ребятня, играя в какие-то свои игры. Мимо на велосипеде проехал подросток, и девушка почувствовала, как в туфлю попал маленький камушек, из-под колеса велосипеда, и закатился под стопу. Девушка опёрлась одной рукой об дерево и наклонилась, чтобы вытряхнуть камушек. Вдруг из-за дерева выскочил маленький мальчуган и пробежал мимо неё, видимо убегая от кого-то. Мальчишка, споткнувшись об выступающий корень, наскочил на девушку и зацепил рукой жемчужные бусы. Цепочка не выдержала и дорогое украшение, которым она и хотела похвастаться перед подругой, рассыпалось по дорожке. Реакция у бывшей спортсменки была хорошая, и она ловко схватила малыша за воротник.

— Ты что наделал, дебил?

День был испорчен. Девушка заметалась по дорожке, собирая раскатившийся жемчуг, в тоже время, не выпуская мальчика из рук, не зная, что с ним делать. Несколько человек подошли к ней помочь, но она отогнала их истошным криком – вдруг кто-нибудь утащит пару жемчужин. Злость всё сильнее вскипала в ней и искала выход. Он повернула малыша к себе спиной и стала бить со всего маху по попке. Теперь прохожие бросились на помощь мальчику и не без труда вырвали его из цепких рук девушки. Прибежала испуганная мать мальчика, и увела его, всхлипывающего и икающего от испуга, подальше от места происшествия. Несколько человек вынули свои смартфоны и снимали видеоролики. Пострадавшая собрала все жемчужины, два раза пересчитав их, и, встретив подругу, отправилась с ней в кафе. Бусами ей пришлось хвастаться в разобранном виде.

Вернувшись вечером домой, она достала из сумочки ключи, открыла дверь и, по привычке, положила их назад в сумочку. Кольцо на пальце зацепилось за что-то внутри сумочки и всё внимание, пока она заходила в квартиру, было уделено внутренностям её сумочки. Дверь в квартиру сама захлопнулась, и это насторожило хозяйку. Она подняла голову – квартира была не её! Дверь, в которую она вошла, была её, а квартира – нет. И это вообще была не квартира. Почти пустая большая комната без окон и мебели. Лишь посередине стояла какая-то арка или рамка. У стены стояло несколько человек в фиолетовых трикотажных костюмах, закрывающих даже лицо, с сеткой на месте глаз. И человеческая фигура в белой мантии. С капюшоном на голове и с маской на лице, с прорезями только для глаз.

— Сатанисты! — подумала девушка. — Наверняка устроят ритуальное изнасилование…

Белая фигура направилась к ней. Стояла полная тишина, и было слышно, как шуршит мантия.

— Не надо о нас так плохо думать Елена. Вы здесь по совсем другой причине! — Фигура махнула рукой в сторону фиолетовых помощников, и они направились к ней. Девушка одновременно захотела спросить, откуда они её знают и рвануть к двери. Может, удастся убежать, но не смогла сделать ни то ни другое, она словно застыла на одном месте.

— Вас я загипнотизировал. Не хочется лишнего крика и борьбы. Вы уйдёте отсюда живая и… — фигура сделала короткую паузу — почти здоровая. А здесь вы оказались по заявке мамы мальчика, которого вы отшлёпали очень сильно, не

имея на это никакого права. Вам-то, как секретарю суда, это прекрасно известно! А мальчик сейчас находится в больнице. У него на почве нервного шока обострилась астма. И вы с его мамой встретитесь в суде. Это в будущем. А сейчас маленькое наказание и маленький подарок – вот эти прекрасные сережки, браслет и бусы. А из чего они – это объясню попозже.

Пока белая фигура произносила речь, фиолетовые поднесли девушку к рамке, закрепили ей руки, ноги и голову и остановились, ожидая дальнейших указаний.

Белая фигура вытянула руку к девушке. И тут же раздался громкий визг, перешедший в истошные крики отпустить её немедленно.

— Послушайте. Мы сюда вас переместили не для того чтобы вот так взять и отпустить. — Фигура подошла поближе и пустые, тёмно-синие глазницы уставились на пленницу. — Сначала маленькая лекция. За что пострадал маленький человек? Порвал нитку дорого жемчуга. Нечаянно. Придётся бусы ремонтировать, отдавать опять большие деньги. Конечно, вы надеетесь, что суд присудит вам компенсацию за нанесённый ущерб. Но побои мальчика всё перевернули. Вы не получите ничего. Кроме того, ответите за нанесённый ущерб здоровью ребёнку, выплатите моральный ущерб. Опять потратите деньги. — Последовала недолгая пауза. — А стоит ли этот жемчуг того чтобы тратить на него своё состояние? А вы знаете, что собой представляет этот самый жемчуг? Песчинка со дна моря попадает случайно в раковину. Моллюску не нравится, что у него под боком появился какой-то камушек, а может по какой другой причине, и начинает его обволакивать, выражаясь по научному, органическими выделениями. А по простому – соплями. И постепенно слой за слоем создает то, что мы называем жемчугом. Так что ювелирные магазины, или ценники к жемчужным бусам, можно называть «Засохшие козявки». Вы знали об этом?

Девушка прекратила возмущаться, поняв, что это бесполезно и вслушивалась в слова белой фигуры. Фиолетовые фигуры опять стояли у стенки в неподвижных позах. На вопрос фигуры она отрицательно покачала головой.

— Конечно, природа создает красивые вещи, в силу разных причин. Шкура леопарда, тигра; мех норки, соболя, куницы; кожа крокодила, тот же жемчуг – всё это привлекает взор, ласкает хрусталик глаза. Но почему обязательно примерять это на себя? Я понимаю, когда человек придумал ткань, сшил красивую одежду. Как человеку изобретательному ему хочется показать миру, что он творец. И это нормально, что этим пользуются миллионы людей. Ну, а создала природа красивый камушек. И что это прибавляет в качества человека, если он, или она, будут его демонстрировать окружающим? И в основном такие вещи одевают люди, которые только и умеют, что обманывать ближнего.

Пользуясь своим положением, эксплуатируют чужой труд, воруют, недоплачивают работникам за их труд. А потом, покупая дорогие, потому что редкие, вещи, хвастаться не наличием у них этих вещей, а на самом деле деньгами, которые у них есть. Было бы гораздо проще, впрочем, фотографировать свои деньги и подвешивать фотографию на шею – смотрите, завидуйте! Но впрочем, хвастовство тоже занимает не последнее место. Хотя надо сказать, что украшать себя чем-либо человечество начало не просто так, от нечего делать. Кроме цели показать своё богатство, информировать окружающих о своём социальном статусе, в своё время такие вещи использовались в религиозных и мистических обрядах. Считалось, что какие-то украшения приносят удачу в делах, какие-то сохраняют здоровье, оберегают от злых чар, которые могут насылать на людей знахари, шаманы, ведуны, колдуньи и ведьмы. Нередко такие амулеты и обереги связывались с астрологическими знаками зодиака. Люди искренне верили, не имея достаточных знаний об окружающей среде, что это всё имеет реальную силу. Даже использовалась и, как не странно, используются и сейчас некоторыми людьми, такая вещь как кроличья лапка. Чудеса! Впрочем это известные вещи, которые к сожалению ещё занимаю головы многих людей.

Последовала очередная пауза, видимо для того, чтобы девушка впитала сказанное.

— Кстати, когда-то алюминий был драгоценным металлом. Может в память об этом, будете носить алюминиевые ложки на шее. А на голове солдатские миски? Впрочем, рубины тоже состоят из алюминия, а алмазы из графита. — Белая фигура остановилась напротив девушки. — Теперь о главном. То, что вам присудит суд, не отразит полного наказания за избиение ребёнка. Поэтому я вас накажу так, как должно наказываться такое преступление.

«Фиолетовые» подошли к рамке и нажали на пульте одну из многочисленных кнопок. Рама стала медленно переворачиваться в горизонтальное положение, опуская лицо девушки к полу. Двое «фиолетовых» оголили ягодицы.

— Сейчас вы получите столько ударов, сколько нанесли их малышу. — Спокойно объявила фигура. Девушка захотела закричать. Но не смогла. Елена опять была под гипнозом. — Будет это вам уроком или нет, мне неважно. Главное – вы получите то наказание, которое вы заслужили. Но это ещё не всё.

Один из помощников показал то, чем её будут наказывать. Это было её собственное жемчужное бусы, уже собранное в нитку. Затем приступил к экзекуции. Пленница насчитала семь крепких ударов. После этого её вернули в вертикальное положение. Снова подошёл «фиолетовый», с неповреждёнными

жемчужными бусами в одной руке и с коробкой в другой.

— Бусы мы возвращаем вам в сумку. А вам даём другое украшение. — Не обращая на слёзы, невольно появившиеся у пленницы, белая фигура приказала продемонстрировать содержимое подарка.

«Фиолетовый» раскрыл коробку и достал из неё красивое бусы из коричневого материала. И повесил на её шею. Затем достал серёжки и браслет из того же материала и надел их на неё. Белая фигура снова подошла к девушке вплотную.

— Последнее. Эти материалы сделаны, раз уж вы любите такие вещи, из полированного конского навоза. Носить их вы будете месяц. Везде, кроме как в постели и ванной. Если появитесь без них в других местах, будете наказаны. — Фигура повернулась к помощникам. — Отведите её назад.

«Фиолетовые» отцепили все ремни на рамке, сначала вернув всю одежду на своё место, и отвели её к двери. Дверь открылась, яркий свет ударил ей в глаза, и она зажмурилась. Через какое-то время она решилась разжать веки. Елена оглянулась вокруг. Она стояла в своём подъезде, на своём этаже, перед собственной дверью и с ключами в руке. Девушка долго не решалась открыть дверь своей квартиры, пока мимо не прошёл сосед сверху. Сославшись на то, что в квартире вроде кто-то есть, она попросила заглянуть в её неё. Сосед проверил все помещения и, сказав, что всё в порядке, ушёл к себе. Впрочем, даже с порога было видно – квартира её. Она переступила порог и машинально положила ключи в сумочку. И наткнулась на жемчужные бусы. Она сразу вспомнила про новые украшения и яростно принялась снимать их, расшвыривая в разные стороны. Последними она сняла серёжки. На пол они падали уже в пустой комнате…

Хрусталик.

Олег Грошев стоял в автомобильной пробке и думал о предстоящем вечере. Сегодня был день рождения жены, и поэтому собиралась маленькая компания приятелей и соседей. С праздничной едой, беседами о том о сём, закусками и, конечно, выпивкой. Подарок жене уже был куплен и лежал рядом на сиденье. И даже уже был обмыт на работе. Олег понимал, что за рулём напиваться не стоит, поэтому выпивал только одну стопку и всегда заедал ментоловой конфетой. Правда, ещё ни разу инспектора ДПС не останавливали его в такие дни. И проверить, помогают ли ментоловые конфеты, он не мог. Наконец пробка дотащилась до перекрёстка, за которым была почти свободная дорога, и осталось только дождаться зелёного света. Он потянулся, сладко зевнул, закрыв

от удовольствия глаза, потянулся одновременно взять в руки руль и не нашёл его…

Грошев открыл глаза. Сидел он почему-то не в машине, а в каком-то помещении, напоминавшем тренажёрный зал. Правда, тренажёр был один, который стоял посередине помещения. Сидел он, однако, на своём автомобильном кресле, которое он изучил, за многолетний водительский стаж, до последнего кожаного шва. Единственная дверь зала вдруг резко открылась, и в помещение вошли три крепкие мужские фигуры, одетые в фиолетовые трикотажные костюмы. Затянутые с ног до головы, с сетками, закрывающие глаза и лицо, эти фигуры производили угрожающее впечатление. Они подняли Олега с кресла и подвели к тренажёру. Ничего не понимающий водитель даже не сопротивлялся, когда фиолетовые стали прикреплять его руки и ноги к рамке тренажёра. Последним они закрепили на его голове шлем.

— Может я космонавт? — вдруг почему-то подумалось Олегу. — Да нет. Просто я уснул за рулём!

И тут прямо перед ним, можно сказать из воздуха, возникла белая фигура. Мантия, капюшон, перчатки и маска, на которой были прорези только для глаз, но вместо глаз была тёмная синева – всё было сияющего белого цвета. Она подождала, когда фиолетовые закончат свои манипуляции и затем, подойдя поближе, сказала:

— Нехорошо получилось, Олег.

— А в чём дело, вообще-то? Где я? — наконец голос прорезался. — И как я здесь оказался?

— Нехорошо. — Укоризненно повторила белая фигура.

— Да что нехорошо-то? — Олег мотнул головой, потому что голос звучал прямо у него в голове.

— Людей давить нехорошо. Особенно в алкогольном подпитии. На прошлой неделе ты сбил двух женщин на нерегулируемом пешеходном переходе. Не успел полностью затормозить и наехал на двух торопыг, которые даже не посмотрели по сторонам. Правда задел ты их слегка и они с испуга ничего тебе не предъявили. Но сегодня выяснилось, что у одной из женщин, после удара локтем об асфальт, сложная трещина образовалась. Потребуется операция. И сегодня же поступила заявка на справедливость – чтоб тебя бог наказал за это происшествие! — Белая фигура развела руками, — вот почему ты здесь.

«А я в бога не верил, дурак!» - подумалось Олегу.

— Бог тут не причём — продолжила фигура. — Но справедливость должна быть восстановлена.

— Да чем я провинился? — наконец-то по настоящему возмутился Олег.

— Ты – рядовой халатный водитель, думающий что можно, иногда, ездить выпившим за рулём. Хотя прекрасно понимаешь, чем это может кончиться для тебя и, особенно, для окружающих. По просьбе такой пострадавшей я и доставил тебя сюда. В эту рамку. Это орудие, если можно так сказать, возмездия. Но и воспитания одновременно.

Грошев заёрзал в станке .

— А может я искуплю свою вину как-то по другому. Денег дам, на лекарства?

— Дело в том, что на кости, в другом ушибленном месте, под коленкой, начала расти шишка. И этот нарост будет потихоньку увеличиваться, и «вылечить» этот процесс невозможно. И ещё. Разве после того случая ты перестал употреблять алкоголь за рулём? Тебе и в голову не пришла мысль остановиться. Хотя мысль у тебя была. Только другая – как бы не наказали. Вот ответь мне – тебя наказали?

— Меня мучили муки совести, — с вызовом ответил Олег. — И вообще те женщины тоже виноваты. Надо было по сторонам смотреть внимательней.

— Но они-то пострадали, а ты нет. Даже машину не поцарапал. И очень обрадовался этому обстоятельству, когда вспомнил что попал в дорожное происшествие на следующий день и осмотрел машину.

Грошев задумался на несколько секунд и что-то вспомнил:

— А я тоже пострадал. Вывихнул фалангу большого пальца, — он сделал тут же жалобное лицо. — Отпустите меня. У моей жены…

Белая фигура резко взмахнула рукой в сторону помощников.

— Нет. День рождения подождёт. Впрочем, праздник будет тебя ждать всего мгновенье. Мы тебя вернём в то же место и время, откуда тебя изъяли из реальности. А сейчас приступим к делу.

Подошли помощники и развернули рамку на сто восемьдесят градусов, лицом к стене. На стене был прикреплен предмет, очень напоминавший надувной матрас. Только более рельефный. С несколькими рядами выступающими наружу большими конусами. Помощники вставили в рот Грошеву боксёрскую капу и

отошли. Внезапно «матрас» вздрогнул и поехал в его сторону. Набрав небольшую скорость, «матрас» стукнул всеми своими конусами по пленнику. Затем отъехал назад и вновь двинулся в сторону Олега, и опять врезался в него, но уже с большей скоростью. Один из конусов попал Грошеву в глаз. Не больно. Но было неприятно. На шлеме что-то зашевелилось, и на глаза опустилась железная решётка. Постепенно «матрас» набрал, наращивая её с очередной попыткой, приличную скорость и бил по телу всё сильнее и сильнее. Грошев замычал и замотал головой в сторону фиолетовых, привлекая их внимания. Но те стояли неподвижно, смотрели прямо перед собой и даже не шелохнулись. Но тут «матрас» изменил свой режим. Теперь он держал скорость постоянной, но отъезжал недалеко и поэтому удары наносились чаще. Олегу стало тяжело дышать, и он выплюнул капу, и только успел сделать глубокий вдох, как получил конусом по рту. И сразу же почувствовал вкус крови. Грошев уже еле стоял на ногах, повиснув на ремнях. Всё тело, грудь и живот, ломило. Голова болталась как боксёрская груша и, казалось, сейчас оторвётся.

— Всё, хватит, — что было сил выкрикнул Олег. — Я всё понял. Я всё понял.

«Матрас» тутже отъехал к стене и замер. Рамка развернулась и опять перед Олегом стояла белая фигура.

— Ну что ж. Это хорошо, что ты всё понял. Надеюсь, больше не встретимся. — Белая фигура осмотрела пленника с ног до головы. — Вид у тебя не важный. Впрочем, пока доедешь домой, всё пройдёт. — Фигура повернулась к фиолетовым — освободите, налейте немного для снятия стресса и отправьте назад.

Первым делом фиолетовые освободили Олегу правую руку и дали ему маленькую стопку с жидкостью, так знакомо и приятно пахнущую. Он, не спеша, как делал обычно, поднёс стопку ко рту и, закрыв глаза, опрокинул её в рот, забыв про разбитую губу. Но желание снять стресс оказалось сильнее боли. Когда жидкость рассосалась в желудке, он открыл глаза и встретился с синими проёмами глаз белой фигуры. И теперь он всё понял. Фиолетовые уже опять притягивали руку к рамке. Решётка с глаз поднялась на шлем. И сам шлем перестал шевелиться, удерживая голову в одном положении.

— Вколите ему в хрусталики бензоциан. Чтобы не садился за руль пьяным. Доза – с расчётом действия на год, — буднично произнесла белая фигура.

Внезапно сбоку шлема Олегу на рот и нос наехал респиратор с каким-то газом, и он уснул…

Олег резко открыл глаза. Горел зелёный свет светофора и, самые нетерпеливые, сигналили ему сзади. Он рванул с места. До дома доехал без приключений и сразу попал на прилично накрытый стол. Гости все уже собрались и ждали только его. Первым тост за его жену, поднял её отец. По его окончании все дружно подняли рюмки и поздравили именинницу. Олег немного замешкался, словно какие-то воспоминания удерживали его руку. Но вот рюмка опрокинута в рот, подцеплена закуска и отправлена туда же. Приятное тепло разлилось по телу. Ему захотелось сказать что-нибудь хорошее жене, и он огляделся, чтобы найти её. Но всё стало почему-то расплываться перед его глазами. Он потёр глаза. Ничего не изменилось. Всё превратились в цветные пятна. И только одна фигура, фигура в белом, была видна чётко. И он всё вспомнил…

Фаланга.

Молодой человек шёл быстрым шагом и постоянно оглядывался. По дороге он несколько раз менял направление движения и старался держаться неосвещённых тротуаров. Голова его изредка дергалась, что казалось, будто он продолжает разговаривать с каким-то собеседником. Наконец он остановился и перевёл дух. Оглядевшись, он увидел недалеко, на противоположной стороне улицы, такси, и уже собрался перейти улицу, как вдруг вдали показалась патрульная полицейская машина с мигавшими на крыше огнями. Парень залетел в подвернувшуюся, так удачно для него, арку многоэтажного дома и помчался через неё. Но странное дело – свет в конце арки стал, вдруг, отдалятся, и становиться все меньше и меньше. Затем он погас совсем. Парень оглянулся. Вход куда он вбежал, тоже был в кромешной темноте. Он вытянул руки, чтобы найти стенку и выбраться по ней, но с первым же шагом провалился в пустоту. С почти остановившимся, от страха, сердцем, он ждал удара обо что-нибудь твёрдое, но через несколько секунд вдруг увидел впереди свет, который становился всё ближе и ярче. Наконец свет стал таким ярким и близким, что парень зажмурил глаза и приготовился к удару. Но вместо удара почувствовал под ногами твёрдую опору и тут же его руки и ноги оказались зажатыми каким-то захватами. Он резко открыл глаза и увидел вокруг стены почти пустой комнаты с одной дверью и совсем без окон. В голову пришла только одна мысль – его всё-таки поймали. Парень ещё раз внимательней оглядел комнату. Стоял он в какой-то рамке с прикреплёнными к ней зажимами, которые были у него на руках и ногах. Вдруг, краем глаза, он увидел, как в центре комнаты появилось что-то белое и стало приближаться к нему. Он резко повернул голову и увидел белую фигуру. Белая мантия с капюшоном покрывала всё его тело и голову. На лице же была маска, с прорезями для глаз. Но глаз тоже не было видно. Только тёмно-синий свет исходил из прорезей маски.

— Здравствуй, Дживи. — послышался чей-то голос.

И хотя у белой фигуры не было рта, голос явно исходил от белой фигуры. Белая фигура приблизилась к парню. Дживи машинально потянулся к карману, но стальные манжеты крепко прижимали его руки к рамке.

— Скажи Дживи, зачем ты с собой всё время носишь нож? Я понимаю, если бы ты торговал овощами и фруктами, арбузами и дынями. Тогда всё понятно – это рабочий инструмент. Так ты же торгуешь куртками, джинсами, обувью. А нож постоянно при тебе. Зачем? Кто тебе угрожает?

— Ты кто такой чтобы мне вопросы задавать? — с вызовом ответил вопросом на вопрос пленник.

— Я, — фигура сделала паузу, — карающий меч человеческого правосудия! Или, так для тебя будет понятнее, мститель! Ты нарушил закон, ударил другого человека, безоружного, несколько раз ножом. И теперь он лежит в больнице, в реанимации. И его родственники хотят справедливого возмездия. Или по другому – адекватного наказания. К счастью для тебя этот человек выживет и тебе дадут не очень большой срок. Но этот срок, не идёт ни в какое сравнение, с теми физическими и моральными страданиями, что наступили для него и его родственников.

— Нечего плохие вещи говорить про меня и моих знакомых! Я такие вещи не прощаю. — Дживи отвернул глаза в сторону.

— Так нечего было продавать поддельную куртку как изделие известной фирмы! Вот и высказал тебе человек все, что о тебе думает. И он прав в своих словах. А тебе не понравилось, что человек правду говорит о тебе и твоих родителях. Вот ты и порезал его. А ты ведь и на самом деле такой: примитивный человек с набором примитивных желаний, как бараны, которых ты пас в горах! Но ты же не животное, ты человек! А человек для того и придумал речь, чтобы высказывать своё мнение о том, что происходит вокруг него. И это главное его отличие от зверей. Человечеству уже давно пора привыкнуть к мысли об этом и не преследовать его, отдельно взятого человека, за свои слова, кроме отдельных случаев. А наказывать только за его недостойные дела. И наказывать по настоящему, не прикрываясь притянутым за уши гуманизмом по отношению к убийцам, насильникам, садистам. Чего, к сожалению, в вашем обществе нет. Поэтому люди и призывают справедливость к возмездию!

— Да плевал я на тебя. Как делал раньше, так и буду делать. А если хочешь убить – убивай!

Дживи задёргался в рамке, пытаясь всё-таки высвободить руку. Просто так он не собирался сдаваться. Страх за свою жизнь уже не раз выдавливали из него эти слова о смерти. Но раньше у него были свободные руки и нож. Но зажимы не поддались, и он затих. В это время в комнату вошло несколько человек одетых в фиолетовые трикотажные костюмы с капюшонами и масками на лице.

— Мне твоя смерть не нужна. — Неожиданно рамка, в которой стоял пленник, стала переворачиваться в горизонтальное положение. И пока она двигалась, белая фигура продолжила. — Да и смерть это не наказание. Поэтому наказание тебе будет другим. И сидел бы ты в своих горах, среди своего народа, радовался бы простым вещам и жил спокойно. Нет, подался в город, к чужакам. За крутыми шмотками, крутым автомобилем, доступными девушками. Теперь вот попал в такую историю. И мне тебя не жалко! И общаться с тобой противно!

Рамка встала в горизонтальное положение. Голову автоматически зажало надвинувшемся на неё обручем. И на лицо опустился респиратор с каким-то газом…

За столом сидело три человека – Дживи и напротив него родители. Мать непрерывно раскачивалась, как будто что-то качала на коленях. Отец сидел, подперев голову левой рукой, и иногда произносил одну и ту же фразу: «Что ты наделал сын, что ты наделал?». Дживи сидел, опустив голову, и смотрел на свои руки. На обеих кистях рук не было первых фаланг больших пальцев. Дживи не мог оторвать взгляд от кистей рук, словно не мог поверить, что такое случилось с его большими пальцами. Внезапно мать воскликнула сыну: «Как мы будем с этим жить?». И родители одновременно положили на стол правые руки. На которых не было первой фаланги у большого пальца…

Zoosapiens.

Санёк, электрик из обслуживающей компании, шёл домой в плохом настроении. Не удалось скалымить на водку у жильцов, которым он ремонтировал проводку. И не удалось уговорить Лизку на быстрый перепих. Ей, видите ли, не нравится обстановка в этой подсобке. Ей, видите ли, подавай матрас, простыни, подушки. А то мы, видите ли, “как бобики в кустах». А в постель её незачем – там он с женой трахается.

Вообще-то он пользовал жену, где только ему, вдруг, её захотелось. Утром и днём, на балконе и в подъезде, на кухне и в прихожей. Он чувствовал, жене такое положение не нравилось, но она терпела – ради троих маленьких сыновей - погодков. Но электрик не обращал на это внимание, хотя такое отношение к

нему ему и не нравилось. И он, от нарастающей сейчас злости, прибавил шагу, представляя, как он позабавится сейчас с женой. Но в первую очередь, конечно же, он поест. Ел он всё подряд, не ворча по поводу того, что жена «не то» приготовила. Но еды должно было быть много. И если жена давала ему то, что осталось с прошлого обеда и этого было мало, поднимался жуткий скандал. А то могла и получить по лицу увесистую пощёчину. Могла получить оплеуху и просто так, от плохого настроения, испорченного на работе или проигранного любимой командой футбольного матча. А то и вовсе без причины – потому что попалась под горячую руку. Санёк подошёл к двери своего подъезда и открыл её. За дверью стояла, почему-то, кромешная тьма. Он по инерции сделал несколько шагов в темноту и прошёл вперед, до ступенек и тут дверь с грохотом закрылась. Ругаясь, Санёк поставил ногу на первую ступеньку. Но вместо того чтобы опереться на неё ногой, он провалился в темноту…

Он даже не успел испугаться, что стукнется обо что-нибудь твёрдое, как его подхватили чьи-то руки и понесли куда-то.

— Эй, мужики, — он подумал, что это его приятели его разыгрывают, — вы куда меня ведёте?

И тут же он почувствовал, что его пристёгивают за пояс к чему-то. Санёк задергался, пытаясь вырваться, но несколько рук были явно сильнее его одного.

— Выберусь – морды поразбиваю! — По привычке пообещал электрик шутникам.

И тут же зажёгся свет. Санёк зажмурился. Через некоторое время глаза привыкли к свету, и он огляделся. Большая комната, без окон, с единственной дверью, туда в этот момент уходили несколько людей одетых в фиолетовые спортивные костюмы и капюшонами на голове. Стоял же он в раме из металла, схваченный обручем за пояс, который был прикреплён цепью к этой самой раме. На конструкции рамы были прикреплены ещё какие-то механизмы, предназначение которых ему не были понятны. Вдруг сзади послышался шорох и из-за спины вышел, шурша белой мантией, человек с капюшоном на голове и белой, с прорезями для глаз, маской на лице.

— Как самочувствие? Пояс не жмёт? — голос незнакомца звучал прямо в голове у него, как ему показалось.

— Эй, что за дела? Зачем вы меня притащили в подвал? — электрик на всякий случай сжал кулаки покрепче.

Белая фигура подошла поближе, как будто бы всматриваясь пристальней в пленника своими прорезями для глаз.

— Что ж ты жену обижаешь? Бьешь её почём зря? Какой-то недоумок придумал поговорку: «Бьёт – значит любит», а такие как ты и рады. И ещё тысячи мужиков считают своим долгом следовать ей. И, к сожалению, тысячи жен терпят это. Правда, бывают случаи убийства, из-за невозможности терпеть такую жизнь. Но это неправильно. Никого нельзя убивать. Исключительный случай – это защита своей жизни и твоих близких. Потому что жизнь человека это самое ценное, что есть на свете, и никто не вправе отнимать её. Тебе понятно, что я говорю?

— Ну стукнул её слегка несколько раз. Ничего с ней не случилось и не случится…

— По твоему бить жену на протяжении больше двух лет это всего лишь «несколько раз»? Да ещё нередко до синяков. Сейчас я приглашу своих помощников, и они отдадут тебе все эти «несколько» раз. Чтобы ты почувствовал на своей шкуре. Но… — фигура ненадолго задумалась. — Мы сделаем по-другому. Сначала накормим тебя. До отвала. Ты ведь голодный шёл домой. Жена тебе приготовила первое и второе, да и водку не забыла. Надеется, что сегодня ты не тронешь её пальцем. И это, я уверен, случиться.

Дверь в комнату открылась, и въехал сервировочный столик с несколькими тарелками. Санёк издалека почувствовал запах жареного мяса, и в животе у него заурчало. Белая фигура ещё что-то говорила, но пленник его уже не слышал. Всё его внимание сосредоточилось на тарелках. Столик с едой остановился перед пленником на расстоянии вытянутой руки, словно фиолетовый устроил демонстрацию привезённых блюд. Санёк дёрнулся к столику, но не достал его. Он недовольно посмотрел на помощников и их старшего товарища.

— Единственное условие. — Белая фигура сделала паузу. — Ты должен съесть половину, приблизительно, того, что тебе принесли. Тогда тебе ничего не грозит. Значит, в тебе есть ещё кое-что человеческое и ты, наконец-то, сможешь контролировать себя. – Белая фигура кивнула помощникам.

Санёк мельком окинул взглядом пододвинутый к нему столик. Водки на нем не было. Недовольная гримаса вновь появилась на его лице. Мысль об отсутствующей водке напрочь стёрли из его памяти предупреждение белой фигуры, и он с жадностью набросился на еду…

Электрик ещё никогда не ел такой вкусной еды. Запивая томатным соком жареный картофель, котлеты, рёбрышки он только и думал о том, что он скажет жене по поводу её готовки. Обилие пищи не давало ему вызвать в себе злость на жену, хотя к этой мысли он постоянно возвращался. Две фиолетовые фигуры стояли у стены и хранили абсолютное молчание. Белая фигура медленно

передвигалась вокруг пленника и даже не смотрела в его сторону. Уже к концу трапезы на столике мало что оставалось, и он показал фиолетовым на столик. Один из них подошёл к пленнику и резким движением отодвинул столик от него и повёз её стене. Санёк удивленно посмотрел ему вслед и сделал движение рукой возвращающее столик. И тут у него резко заболел живот. Боль нарастала и, наконец, охватила всё тело. Недоеденные рёбрышки выпали у него из рук. Он схватился руками за свой живот и тут его вырвало. Его рвало и рвало и казалось, что не будет конца этим мучениям. Под конец ему даже показалось, что он сейчас выдавит наружу все свои внутренности…

Пленник стоял, тяжело дыша, и не верил, что всё закончилось. Один из фиолетовых открыл нишу в стене и достал шланг. Холодная вода ударила электрику в лицо и грудь, смывая последние остатки пищи. Затем он смыл всё с пола в решётку канализации и отошёл в сторону. Белая фигура приблизилась к пленнику.

— Никогда не бей жену!

Он взмахнул рукой в сторону электрика и яркий, до боли белый свет, ударил ему по глазам. Он зажмурился. И тут же он почувствовал, через закрытые веки, что свет пропал. Санёк открыл глаза. Он стоял в своём подъезде, на первой ступеньке, освещённый тусклой лампочкой. Ничего не понимая, и постоянно оглядываясь, он поднялся в свою квартиру. Жена встретила его виноватым взглядом.

— Ужин будет готов через полчаса. Отдохни пока на ди…

И тут же сжалась, увидев поднимающуюся на неё руку. Но удара она не дождалась. А услышала только какие-то странные звуки. Она обернулась на мужа. Тот лежал на полу и его рвало, рвало и рвало…

Демонстрация.

Утро было как на заказ. Тучи, которые разразились быстрым коротким ливнем, разбежались по небу, освобождая место яркому солнцу. Чистый, без пыли, воздух разносился по улицам стараниями лёгкого ветерка. Помытые дождём листья шелестели на ветру, создавая приятный прогулочный фон, наполненный щебетом птиц. И люди, собравшиеся у Дома культуры завода на чествование юбилейного праздника города, тоже были радостными и возбуждёнными. То и дело в большой толпе вспыхивали островки громкого и искреннего смеха.

Из дверей Дворца культуры вышел немолодой человек и поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание. Толпа потихонечку замолкла.

— Выдвигаемся, товарищи! — зычным голосом скомандовал он. — На проспекте мы должны влиться в свой район и вместе со всеми пойдём на центральную площадь!

Организатор шествия махнул в сторону улицы, по которой должны были идти демонстранты, и встал во главе колонны. Собравшиеся граждане опять разговорились, зашумели и нестройной толпой двинулись за ним. Пройдя один квартал, они смешались с колонной соседнего завода. Знакомых среди обеих колонн демонстрантов оказалось немало и тут же начались приглашения на праздничные мероприятия вечером в парки, домой и на набережную, где открывался вид на реку и, особенно, на праздничный фейерверк. На который, как утверждал один из демонстрантов, «выделили аж четыреста миллионов рублей».

Наконец колонна вышла на улицу перед площадью. Это был проспект с многоэтажными домами, пешеходным бульваром со скамейками, шаровидными, стриженными, кустами и даже фонтаном. Около фонтана высилась небольшая сцена со странными фигурами на ней. Когда колонна приблизилась к сцене, всем стало видно, что за фигуры стояли на ней. Все участники представления делились на две группы. Одни были одеты в трикотажные фиолетовые костюмы, обтягивающие их с ног до макушки. На лицах выделялась сетчатая маска на глазах. Другие были одеты в черные прорезиненные плащи, затянутые на поясе широкими ремнями, под которые были зажаты и руки. На головах были белые, похожие на гипсовые, шары без отверстий для глаз и рта. Только уши были видны в отверстиях шара и на месте носа белели две трубочки наподобие тех, что вставляют в ноздри, когда хотят сделать слепок лица у живого человека. И все люди в чёрных плащах были привязаны верёвками за пояс к перекладине над их головами. На этой же перекладине был плакат с надписью: «Они наживались на больных детях!». Внезапно послышался мелодичный сигнал, похожий на сигнал об предстоящих объявлениях на вокзалах. Затем все услышали голос. И было такое впечатление, что голос звучал со всех сторон и прямо у демонстрантов в голове.

— Граждане! Эти люди преступники! Пользуясь информацией о больных детях, они создавали преступные сообщества для вымогания денег. Они пользовались тем, что медицина в настоящее время выставляет огромные счета на сложные операции. Они пользовались тем, что у родителей не всегда, а вернее в редких случаях есть деньги на оплату таких операций. Поэтому родители вынуждены были обращаться к различным фондам, телекомпаниям и просто гражданам. Они

пользовались тем, что у правительства есть более важные приоритеты, чем жизнь отдельного человека. Они пользовались тем, что есть граждане с милосердной душой, и они не могут пройти мимо призыва о помощи. Они пользуются тем, что правоохранительные органы не всегда в состоянии отследить их преступную деятельность. Но ничего не проходит бесследно. Поэтому они сегодня здесь, на этой площади, на этом эшафоте. Они будут сегодня переданы в руки силовых структур и, как мы надеемся, понесут заслуженное наказание. А пока они на этой сцене позора пусть побудут в шкуре тех, у кого они отбирали надежду на спасение…

Внезапна одна из фигур, подвешенных к перекладине, стала креститься в сторону и, обмякнув, повалилась на бок. Верёвка не дала фигуре упасть, и она повисла на поясе, стукнувшись головой об пол. Кусок гипса отвалился на её голове, и стала видна часть женского лица, судя по причёске торчащей из разбитого гипса, с закрытым глазом. Фиолетовые фигуры подошли к ней и одна из них что-то поднесла к торчащим трубочкам из носа мошенницы. Голова дёрнулась, от резкого запаха нашатырного спирта, и стала в отчаянии мотаться из стороны в сторону. Надзиратели поставили на ноги упавшую женщину, прикрепили на место каким-то клеем кусок отлетевшего гипса, и отошли к краю постамента.

Демонстранты, проходившие мимо места экзекуции, от увиденного зрелища затихали, обдумывая увиденное, и дальше колонна уже шагала по проспекту в полном молчании. И тут с домов, которые стояли вдоль проспекта, с кромки крыш, стали разворачиваться большие плакаты. На каждом плакате была фотография ребёнка, имя и сколько он прожил на свете. Сверху на всех плакатах было написано: «Их могли спасти!».

…На площади уже давно играл военный оркестр, когда появилась головная колонна демонстрантов. Это была толпа молчащих людей, многие из которых шли с опущенными головами. Руководители города, весело переговаривающиеся на трибуне, тоже постепенно затихли в недоумении. Наконец колонна демонстрантов поравнялась трибуной и с торгового центра, расположенного напротив неё, опустился ещё один огромный плакат.

Края плаката, по всему периметру, обрамляли в три ряда фотографии детей. И в центра плаката единственное предложение:

« ОНИ ТОЛЬКО ХОТЕЛИ ОБНИМАТЬ МАМУ И ПАПУ».

Дорога.

Губернатор сидел на заднем сиденье дорогой служебной иномарки и обдумывал свои невесёлые мысли. Главной мыслью была о том, что ответственность на этом посту не соответствовала его представлениям, когда он выдвигал свою кандидатуру на этот пост. Что приходилось отдуваться за коммунальщиков, строителей всех мастей, дорожников с их вечными проблемами с ухабами и ямами, транспортниками, которые постоянно клянчили из бюджета деньги на свои автобусы, троллейбусы и трамваи, школы и детсады. Да и свои проблемы висели тяжким бременем на шее. То жене захотелось стать бизнес-леди – подавай ей магазин. То друзья вдруг вспомнили, что он есть, и хотят уладить свои проблем с землёй и недвижимостью. И не откажешь. Помогали ведь его бизнес-леди налаживать бизнес. Ну и разная нудная мелочь: советы, заседания, мероприятия. Вот и сейчас он вынужден был ехать на юбилей градообразующего завода.

Внезапно машина повернула с намеченного маршрута. Водитель, не дожидаясь вопроса своего начальника, пояснил, не оборачиваясь, что дорога, после зимних оттепелей, стала совсем плохой и лучше ездить в объезд. Она и так была плохая, а тут стала яма на яме, хотел добавить он ещё, но, посмотрев в зеркало заднего вида, не увидел своего пассажира. Тогда он посмотрел через плечо, может, что случилось. И опять не увидел шефа. Водитель сбавил скорость, остановил машину и заглянул за спинки. Начальника нигде не было…

Губернатор стоял в полной растерянности. Только что сидел в машине, прикрыл на минутку глаза, а когда открыл, то уже не сидел, а стоял. И не в машине, а в какой-то комнате. В какой-то металлической конструкции, с зажатыми руками в стальные манжеты. Манжеты были прикреплены цепями к той же металлической конструкции, похожей на рамку металлоискателя на вокзалах. Он машинально подёргал свои кандалы, но они держались крепко. Губернатор огляделся. Пустая комната с голыми стенами и единственной дверью. Тут дверь открылась и в комнату вошли три человека. Затянутые с ног до самой макушки в трикотажные фиолетовые костюмы они производили странное впечатление. Вслед за ними в комнате появился человек, весь в белом, включая маску на лице. Когда белая фигура приблизилась к пленнику, стало видно, что на лице были только прорези для глаз. На лице губернатора появилась гримаса недовольства.

— Что это за игры? — Вопрос подогрел возмущение губернатора, и голос стал громче. — Да кто вы такой чтобы поступать со мной так? И как я здесь оказался?

— Здравствуйте, гражданин губернатор. Эта игра называется … — последовало секундное замешательство — справедливость. Дело в том, что вы, вступив в эту должность, забыли о некоторых ваших обещаниях. Конкретно, почему вы здесь, это плохие дороги. Вы отдали, путем аппаратных махинаций, ремонт дорог

областного города на откуп своим хорошим знакомым. А те, пользуясь бесконтрольностью со стороны ваших подчинённых, делают этот ремонт очень плохо. Обеспечив себя, дорогих, работой на долгие годы вашего губернаторства. Ремонт на бюджетные и большие деньги. А автолюбители ну никак не могут достучаться в ваши губернаторские двери, чтобы прекратить это безобразие. И они, большим хором, взывают к справедливости. И вот наступило время принудить вас к исполнению ваших же обещаний.

— То есть, вы и есть та самая справедливость? — Губернатор усмехнулся. — И что же вы можете?

— Да, я и есть та самая справедливость в чистом виде. Хотя суть-то человеческих деяний не в словах, а в делах! А что я могу, вы сейчас узнаете. Я думаю, что вы сумеете это оценить. Ведь вы как-никак государственное лицо…

У губернатора невольно на лице появилось выражение своей значительности – подбородок поднялся, осанка приобрела статный вид, брови сдвинулись к переносице, взгляд стал задумчивым.

— Зафиксируем! — белая фигура выбросила вперед руку.

По телу прошла, начиная с железных манжет на руках, электрическая волна. Тело губернатора затвердело и застыло.

— Так, — удовлетворённо произнесла белая фигура. — Сейчас придадим вашей фигуре соответствующую позу и выставим вас на обозрение. Мой вам совет – рот лучше держать закрытым. Если у вас появиться желание его открыть.

Губернатор хотел спросить ещё что-то, но, ни тело, ни губы его не слушались. Подошли фиолетовые фигуры и стали двигать его руками и ногами, отцепив предварительно все захваты, придавая фигуре чиновника торжественный плакатный вид. Затем принесли большую коробку и запаковали неподвижную фигуру в неё. Когда коробку закрыли, чиновника вдруг охватил ужас, и он зажмурил глаза. Коробку несколько раз слегка тряхнуло и движение прекратилось. И тут же он почувствовал на лице дуновение ветерка.

Губернатор решился открыть глаза и увидел, что стоит на обочине той дороги, через город, по которой не захотел ехать его водитель. Глаза, в отличие от остального тела могли шевелиться, и он осмотрел дорогу. По ней ехали автомобили, ежеминутно объезжая или проваливаясь в ямы на дороге. По лицам водителей, через лобовые стёкла, были видны напряжённые, злые лица. Иногда даже доносились до губернатора и откровенные ругательства, посылаемые, очевидно, в сторону скульптуры губернатора. Через минуту, как по заказу,

пошёл весенний проливной дождь. Он быстро заполнил водой все ямы на дороге. Особенно большая яма была около того места, где стоял плакат с выставленным в нем губернатором. Первая же машина, попавшая в эту яму, окатила плакат большой волной. В приоткрытый рот и глаза губернатора с грязной водой попал песок. Чиновнику сразу вспомнился совет белой фигуры – пришлось сжать губы и держать рот закрытым. И часто прикрывать веки. Яма, возле которой стоял плакат губернатор, постоянно месили автомобили. И вскоре в губернатора летели не только вода и песок, но жидкая глина. Постепенно вода начала заливаться за воротник рубашки и постепенно потекла по груди и спине тоненькой холодной струйкой вниз. Устав моргать губернатор прикрыл глаза и лишь только чувствовал, как его накрывает очередной волной…

Водитель сидел в машине ФСБ и в очередной раз повторял историю про исчезновение своего пассажира. Дождь монотонно стучал по крыше микроавтобуса. Постоянно кто-то куда-то звонил и что-нибудь спрашивал. И опять звучали вопросы, вопросы. Наконец его отпустили, и он поспешил к своей машине. Нырнув на своё место, он откинулся на спинку водительского кресла и услышал какое шевеление на заднем сиденье. Он резко обернулся. На заднем сиденье сидел его шеф. И почему-то мокрый и весь костюм был в пятнах грязи. Какое-то время губернатор сидел неподвижно , затем, пожевав губами , сплюнул на пол и открыл глаза. Потом достал носовой платок, тоже весь мокрый, вытер лицо, сплюнул ещё раз на пол и сказал: «На работу, срочно». Водитель рванул с места…

Глаз.

Кирилл Петрович не мог уснуть. Виной этому был неприятный инцидент, случившийся сегодня в районном Доме культуры, после встречи ветеранов Великой отечественной войны. Встреча закончилась одновременно с окончанием киносеанса и поэтому в гардеробной образовалась большая очередь. И один хамоватый юноша полез без очереди за курткой. Кирилл Петрович не стал терпеть и сделал замечание и попытался за рукав вытащить парня из очереди. Парень отмахнулся и смахнул орденскую планку, да ещё обозвал его ордена бирюльками. И нервы у ветерана не выдержали. Он замахнулся своей тростью на парня и нечаянно попал ручкой трости по глазу девушке стоящей в очереди. Администратор оперативно вызвал скорую и полицию. Скорая помощь приехал быстро, и увезла девушку в больницу. Полицейские составила протокол, допросив всех участников скандала и, предупредив, что их всех вызовут на допрос, отбыли. И вот неприятные мысли то о раненой девушке, то о неблагодарной молодёжи не давали ему заснуть. Кирилл Петрович прошёл на

кухню, налил в большой бокал крепкого чая, прошёл в зал и опустился в своё любимое кресло. Закрыв глаза, он потягивал маленькими глоточками чай, и пытался отогнать назойливые мысли, думая о совершенно других делах. Внезапно он почувствовал, что кресло слегка покачнулось, словно его кто-то подтолкнул. В своей старой квартире он был один, поэтому он резко открыл глаза.

Обстановка в комнате была совершенно другой. Вернее, обстановки не было вообще. Пустая комната, без дверей, без окон. И в центре он в своём кресле. Бокала, правда, уже в руке не было. Мысли путались в голове, и он решил встать и посмотреть вокруг. Но тут в комнате возник, словно из воздуха, человек. Человек был одет в белую мантию, голову покрывал капюшон и лицо было закрыто, с прорезью только для глаз, белой маской.

— Здравствуйте, Кирилл Петрович. — Белая фигура остановилась недалеко от ветерана. — Как ваше самочувствие? Да вы садитесь, пожалуйста.

— Почему вы прячете своё лицо? Я вас знаю? — почему-то вырвалось у ветерана, севшего назад в кресло.

— Ну, меня абсолютно все знают. Но почему-то не узнают при встрече. И большинство думают, что я должен выглядеть как-то по-другому, так, как им хочется. Поэтому большинство меня, такого как я есть, недолюбливают. А лицо у меня не главное. Главное у меня – чувство. Чувство справедливости. И это чувство требует вас наказать, Кирилл Петрович. Не догадываетесь за что?

— За то, что глаз девушке поранил. — Кирилл Петрович огорчённо махнул рукой. Потом добавил. — Нечаянно…

— Это уже последствие вашего неблаговидного поступка. — Белая фигура подошла поближе. — Зачем вы тростью-то на людей замахиваетесь? И даже было несколько случаев, когда вы ударили ею человека. И не одного. Правда, тогда обошлось без последствий.

— Это меня молодой человек довёл. Мало что без очереди залез, так он мои награды бирюльками назвал. А я за них кровь проливал, три раза ранен был. И молодёжь должна гордится своими дедами, и быть благодарна за ту жизнь, которая у них сейчас есть!

— Награды у вас действительно заслуженные. Кроме юбилейных конечно. Потому что вращение земли ну никак не связанно с военными событиями. Тем более с наличием десяти пальцев. На количестве которых и основан счёт, включая юбилейные года. От потолка взятого рождества Христова. Но разговор

не об этом. — После небольшой паузы белая фигура продолжила. — Ну что этот парень хам, это очевидно. Но что касается благодарности и гордости… Это большой вопрос. А вы задумывались, Кирилл Петрович, что бы было, если бы победила Германия и удержалась впоследствии на этой территории?

— Ничего хорошего бы не было, — с вызовом ответил ветеран.

— То есть вы думаете, что по улицам сейчас ходили бы оккупанты, устраивали бы облавы на партизан, коммунистов и евреев, людей держали бы в чёрном теле, отправляли бы в Германию? После стольких-то лет? Конечно, день победы справляли бы герры, фрау и киндеры. И радовались бы победой над коммунизмом, которого не было и долго, очень долго ещё не будет. Для истории ведь нет никакой разницы…

— Да этого парня просто не было бы сейчас! — вспылил ветеран.

— Совершенно верно. Только оглядывая его родословную, я вижу, что его могло не быть по крайней мере восемь раз. И это не заглядывая глубоко в историю. Войны голод, тирания – его далёких предков помотало по жизни. На вашей войне воевал его дед. И его ранили. Если бы пуля прошла сантиметром левее – верная смерть. И этот случай ну ни как не зависел от вашей доблести. Родились бы, конечно, другие ребята. Но и у них такие же истории по родословной. И ваша победа это только один эпизод в длинной череде различных случаев. Ваша победа, несомненно, нужна была вам, вашей семье, вашей стране и вы сделали всё что смогли. Для сохранения, в первую очередь, вашей жизни. Вы, кстати, получили от властей квартиру, как ветеран. И вселили туда семью дочери. Замечательно. А у этого парня дед умер задолго до того, как ветеранам стали выделять квартиры. А есть ветераны, которые по два раза получали от правительства квартиры, отодвинув семейную молодёжь с детьми. Так за что благодарность? Пенсии хорошие, жильё, льготы – это всё для вас. А по большому счёту, лучше бы Дня победы вообще не было бы в истории. Сколько человек сгубила война. Десятки миллионов погибших по всему свету. Человечество сделало неверный шаг, осудив только фашистскую Германию. Нужно было посадить на скамью подсудимых руководителей всех стран связанных с войной. И спросить с них за всех погибших! Но, к сожалению, нужны будущие жертвы, ради чьих-то меркантильных интересов. Поэтому в почёте награды, юбилеи, памятники. Вы, Кирилл Петрович, как относитесь к памятникам?

— Вы заморочили мне совсем голову, отстаньте! — отмахнулся ветеран от вопроса. Но, немного подумав, сказал — А великие полководцы? Раве они не достойны такой памяти? А погибшие солдаты?

— Великие полководцы! Наполеон. Начал войну в Европе. Сгубил сотни тысяч жизней – памятник и назван аэропорт. Чингисхан. Вырезал целые города за сопротивление, включая женщин и детей – памятник. Суворов. Терроризировал, согласно политическому устройству того времени, Польшу – памятник. Кстати его поход через Альпы, чем очень гордятся военные, это отдельная, полуправдивая, к сожалению, история. Кутузов. Отдал Москву, дождался, пока французам нечего будет кушать – памятник. И именные ордена – Суворова и Кутузова. И всё это вызывает у вас такую гордость, что вы думаете, что имеете право размахивать своей трость налево и направо. К несчастью для людей, правители что хотят – то и творят с историей. Утаивая и засекречивая на долгие годы подлинные факты. Рассекречивая их, по чайной ложке, опять же, в ознаменование какой-либо круглой даты. Непонятно, зачем было засекречивать от народа то, что касается непосредственно их же. Если это не касается только спецслужбы: их методы, агентуру, какие-то планы вражеской стороны…

— Я устал. Отпустите меня. — Ветеран потёр виски и откинулся в кресле.

Белая фигура склонила голову, как будто о чём-то задумалась. И Кирилл Петрович почувствовал, как с её стороны потянуло холодком.

— Хорошо. Если хотите загладить вину перед девушкой, поступите как порядочный человек и не мучайте её и её родителей. Не доводите дело до суда. Лечение глаза девушки будет за границей, к сведению, в Германии. Лечение потребует много денег. Продайте квартиру и отдайте ей нужную сумму. Пожить придётся у дочери. И последнее. Просьба. Когда будете отмечать День победы, поднимайте всегда тост: «За последний день победы в истории». — Последовала непродолжительная пауза. — Как вы думаете, Кирилл Петрович, лучше бы было, если бы никаких воин не было?

Белая фигура растворилась в воздухе. Глаза сами собой закрылись, и кресло опять тряхнуло. Кирилл Петрович открыл глаза. Его квартира, его бокал в руке с остывающим чаем. Он откинулся в кресле, взял бокал в обе ладони, согревая внезапно озябшие руки, и задумался…

Первое чувство.

Элоида потушила пальцами свечку и удовлетворенно потянулась в своём бархатном кресле. День прошёл удачно: два приворота, четыре снятия порчи, венец безбрачия и заговор на деньги. Она усмехнулась и вынула из кармана деньги, полученные от очередной клиентки, и направилась в свою секретную комнату, спрятанную за большим ковром. Распахнув дверь она подождала,

прислушиваясь; стояла тишина. Элоида осторожно подошла к противоположной стене, открыла маленькую шторку, и заглянула в открывшийся глазок, чтобы убедится, что в прихожей нет больше посетителей. На всякий случай она закрыла вентиляционное отверстие, потянув за свисающий шнурок. Затем, не опасаясь быть увиденной и услышанной, она включила люстру и подошла к сейфу. Затем последовал целый ритуал открывания заветного ящика. Достала ключ из тайника на полке, погладила сейф по бокам, прислушалась опять, нет ли клиентов, наконец, поцеловала ключ и отперла сейф. Денег было немного, всё-таки лучше хранить их в банке. Тем более что добавляются хорошие проценты и на счету набралась уже солидная сумма. Осталось ещё немного и квартира в новом районе будет её. Затем проделала всё в обратном порядке и вышла из комнаты. Выскальзывая из-за ковра, она увидела, что в комнате стало темно, хотя свет, оно точно помнила, оставила включённым. Она пошла в темноте к выключателю, шаря руками по сторонам, чтобы не наткнуться на стол. Но почему-то на стол она не наткнулась. Тогда она просто вытянула руки вперёд и тихонько двинулась в сторону стены с выключателем…. Она бродила по своей квартире и не могла ничего найти; ни выключателя, ни стола, ни двери и даже не могла наткнуться на стены. Элоида в изнеможении села на пол.

— На этом достаточно, — вдруг раздался чей-то голос, и свет прожектора зажёгся у неё над головой, очертив вокруг неё освещённый круг.

Из полумрака выплыл человек, облачённый с головы до ног во всё белое. Он подошёл к женщине и уставился на неё.

— Как вы здесь оказались? — еле-еле выдавила из себя экстрасенс.

— Где здесь? Что вы имеете в виду?

— У меня в квартире. — Элоида попыталась встать, но ноги плохо её слушались.

— Вы ошибаетесь. Вы, э-э, у меня в квартире, если можно так сказать.

Экстрасенс, наконец, смогла встать, и получше разглядеть своего собеседника. Внимание к себе притягивала маска на лице, а именно прорези для глаз. Глаз не было видно, лишь темно-синий огонёк мерцал в глубине.

— Не помню, чтобы у меня были такие соседи, — с недоумением произнесла она. — Вы из какой квартиры?

— Это уже не важно. Важно, почему вы здесь. И как, при помощи чего, вы вернётесь в свою квартиру.

Белая фигура выдержала долгую паузу, как будто решая, с чего начать.

— Если посмотреть на ваше занятие со стороны, то, кажется, что вы занимаетесь благим делом – даёте надежду. Надежду зачать ребенка, выйти замуж, вылечится, снять, якобы, порчу. Даже чтобы выиграть в лотерею. И на это у вас приготовлены артефакты, мантры, заклинания. Но! Врач, прежде чем дать надежду на зачатие ребёнка обследует родителей. Психолог, прежде чем что-то посоветует о будущем избраннике, изучает характер девушки, её привычки, увлечения. Вы же подслушав через вентиляционное отверстие, о чём говорят клиенты, даёте советы с ходу, якобы посмотрев их проблемы у себя в карты. Или в хрустальный шар. А ещё лучше зажечь ароматизированную свечу, ароматизированную психотропными веществами, которые покупаете у знакомого фармацевта. И включить маленький вентилятор, дующий в сторону клиентки. И она полностью ваша. Расскажет о себе всё. Да, спектр ваших методов очень широк. И всё это делается с одной целью – выкачать из клиентов больше денег. Но результаты для клиентов мизерные, если только не сказать нулевые. В деловитости вам не откажешь. Вы женщина с напором, с энергией. Только вот образование у вас другое – швея. Даже на курсы каких-нибудь психологов не пошли. Жалко, очень жалко денег, да?

Белая фигура замолчала и стала передвигаться по комнате взад и вперёд, словно что-то обдумывая.

— И что с того? — Решила перейти в наступление экстрасенс. – Они сами приходят ко мне, никто их сюда силой не гонит.

— Да, это так. — Неожиданно легко согласилась с ней белая фигура. — Так что, можно их оставлять совсем без денег, здоровья, квартиры? Вносить разлад в их семьи, родственные отношения, нарушать хорошую атмосферу трудового коллектива, соседские связи? У многих современных людей уровень развития недалеко ушёл от привычки стадного чувства – куда ведёт стадо козёл, туда и надо идти. Такой психологический атавизм, оставшийся в наследство от животного образа жизни. И если вокруг тебя постоянно крутятся такие выражения, придуманные хитрыми людьми, как: мистика, аура, душа, телепатия, судьба, паранормальные явления, ангелы и черти, магия, колдуны, ведьмы, чудеса, то для людей, неспособных контролировать свою жизнь, это выглядит как спасительная соломинка.

— А я что, одна такая что ли? — Элоида решила перейти в наступление. Не понимая, что происходит, она чувствовала, что всё это неспроста. — Если я не буду этим заниматься, так мои клиенты побегут к другим ясновидящим.

— Да. Это тоже так. Но заявка на справедливость поступила пока только на вас. От вашей бывшей клиентки.

Темнота вокруг них, пока они разговаривали, рассеялась, и экстрасенс увидела дверь за спиной белой фигуры. Она решительно направилась к двери, но не нашла ни ручки, ни замочной скважины.

— Выпустите меня! Я не буду с вами разговаривать.

Внезапно в середине двери откинулась узкая створка во всю ширину двери, и из появившегося отверстия выдвинулась панель. На панели были расположены в ряд десять небольших коробочек, на торцах которых были видны круглые отверстия. По бокам отверстий были видны две маленькие лампочки – зелёного и красного цветов. Сами коробочки были покрашены в синий цвет.

— Нет, нет! Эти коробочки не подойдут. Не для этого случая. Поменяйте на жёлтые. — Приказал он кому-то через дверь.

Панель задвинулась и через минуту выдвинулась снова. Только коробочки были окрашены в жёлтый цвет.

— Вот ваш пропуск, в ваш же мир. Это десять замочков. Но дверь открывают только два. Засовываете палец в отверстие и нажимаете кнопку на её задней поверхности. Откроется верхняя крышка коробочки и зажжётся одна из лампочек: красная – закрыто, зелёная – открыто. Только не надо совать пальцы во все дырки подряд – будут неприятности. Необходимо — белая фигура взглянула на пленницу — наличие экстрасенсорных способностей. У некоторых людей они есть. Но на данный момент эта способность у людей только-только начала развиваться. И пройдёт ещё очень много времени, пока люди смогут осознано пользоваться этими способностями. Впрочем, раз вы утверждаете, что они у вас есть – приступайте!

Элоида стала рассматривать устройство. Затем, что-то вспомнив о чём-то, повернулась к белой фигуре.

— А о каких неприятностях… — но в комнате уже никого не было, и предложение закончилось по инерции, — вы говорите?

Она снова повернулась к панели и, по привычке, провела ладонью над ними. Ничего не почувствовав, она решила попробовать пятую коробочку – число пять было одно из любимых её чисел, и засунула в отверстие указательный палец правой руки. Палец легко нащупал кнопочку и нажал на неё. Верхняя поверхность коробочки открылась и одновременно экстрасенс почувствовала боль в пальце – словно по пальцу ударила рамка мышеловки. Резко выдернув палец из отверстия, она увидела жёлтую полосу на ногте. Элоида прислонилась

спиной к стене и стала баюкать сильно ноющий палец. Когда боль немного улеглась, она вспомнила про лампочки и скосила взгляд на панель. Горела красная лампочка. Элоида решилась позвать кого-нибудь на помощь. Несколько минут она просто кричала: «Помогите! Спасите!». Затем каблуком туфли стала колотить в стену. Но никто не откликнулся... Она вернулась к панели. После четырёх попыток болели уже четыре кончика пальцев. Но пятая попытка оказалась удачной — зажглась зелёная лампочка. «Счастливое число! Счастливое число!» — слёзы ручьями текли по её щекам. Она толкнула дверь, но та всё ещё была на запоре. Стиснув зубы, экстрасенс сделала ёщё несколько попыток и следующим счастливым числом оказалась девятка. Дверь распахнулась и Элоида ринулась в проём. Но споткнулась ослабевшими ногами об порог и упала на пол своей квартиры, инстинктивно вытянув вперёд руки и попав ими прямо в массивные ножки стола. Карета скорой помощи, вызванная сердобольными соседями, напуганные её криками, неслась ночными и пустыми дорогами, под мигалкой, сиреной и диким воплем пациентки.

Кончик.

Гриша укладывал очередной трофей, женские колготки, в коробку и думал о том, что и на этот раз всё прошло удачно. Гриша хвалил себя за осторожность, за не спешку, за подготовку к своему любимому, с недавних пор, делу. Сколько раз он, сидя в парке на скамейке и заглядываясь на проходящих женщин, особенно молодых, он пытался сделать это. Но не хватало какой-то малости, чтобы приступить к осуществлению своих мечтаний. И, наконец, оно свершилось. Жена в очередной раз обозвала его тюфяком, раз он не может содержать её достойно, а это означало – содержать как её подруг. Гриша выскочил на улицу и пошёл бродить по району, чтобы погасить закипевшую в нём злобу, и ненароком не придушить свою жену. И в один момент оказался на безлюдной улице, с одной стороны густо заросший кустарниками. И судьба приготовила ему желанный случай – из переулка вышла женщина, погружённая в свои мысли, и направилась в сторону Гриши. Всё дальше происходило для него как во сне. И дар кулаком по голове поравнявшейся с ним женщине, куда Гриша вложил всю злость, накопленную на жену, волочение её в заросли кустарника, срывание белья и, даже, сам половой акт. Затем он, озираясь и прислушиваясь, вышел из кустарников. Тяжело дыша, он направился прочь от этого места и только через десяток метров почувствовал, что держит что-то в руке. В его руке оказались женские колготки. Гриша уже сделал движение закинуть их подальше в кусты, но что-то удержало его. И ему пришла мысль сохранить свой трофей, что бы потом было что вспомнить. Гриша свернул колготки в тугой сверток, сунул их поглубже во внутренний карман и направился домой.

С этого времени у Гриши появилась тайна. Она лежала в коробке из-под обуви, глубоко в нише на полке в сарае; за старыми, и уже никому ненужными, приёмником, телевизором и швейной машинкой. Колготки с первой жертвы. И эта коробка стала пополняться, не часто, но довольно регулярно, новыми трофеями. Это, как правило, были колготки или чулки. Погода в этом году была прохладная, что было на руку Григорию. И жена предъявляла претензии, с подначивания мужа, когда он чувствовал что пора идти на охоту, всё эмоциональнее, что только заводило Гришу.

И вот очередной трофей. Закрыв коробку и попробовав её в руке на вес, Гриша стал пристраивать её в нишу. Бережно двумя рукам он проталкивал её вглубь, что бы никто, случайно, не добрался до неё. И тут он почувствовал, как чьи-то крепкие руки схватили его за запястья. Гриша невольно дёрнулся телом назад, намереваясь выдернуть руки. Но те, другие, сильные и цепкие руки, не дали ему вырваться и медленно стали втягивать его в любимую нишу. И тут Гриша заметил, что у ниши нет задней стенки. Была видна только густая темнота, в которую втягивали его. Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но спохватился, что надо будет объяснять, что он здесь делал. Тогда он решил зацепиться за что-нибудь ногами, но ему это сделать не позволили. Последовал резкий рывок и Гриша исчез в нише…

Пугали не руки, зажавшие его запястья, а кромешная темнота. И чувство подвешенности в воздухе, когда не чувствуешь опоры под ногами. Но с ним, его телом, определённо что-то делали. Гриша хотел окликнуть кого-нибудь, но звук тонул в этой густой темноте. Внезапно руки отпустили его, и Григорий тут же почувствовал опору под ногами. Вспыхнул яркий свет, больно ударив по глазам. Наконец глаза привыкли к свету и Гриша, перестав щурится, огляделся. Пустая комната с одной дверью и без окон. Сам Гриша стоял, закреплённый за руки и ноги, в какой-то раме с установленными на ней небольшими приборами и устройствами. В руках у него, по прежнему, была его заветная коробка. Около стены стояло два человека одетые в фиолетовые трикотажные костюмы. На головах были натянуты капюшоны с сеткой на глазах.

Пока Гриша озирался по сторонам, дверь открылась, и вошёл человек. Он был кроме фиолетового костюма одет к тому же в белой медицинский халат и держал небольшой ящик. Такие обычно носят с собой работники скорой медицинской помощи. За ними в дверь вплыла белая фигура. Всё на ней – мантия, капюшон, маска на лице с прорезями для глаз – были белого, ослепительно белого, цвета.

— Вместе с коробкой прибыл? — в голосе белой фигуры чувствовалась ирония. — Это замечательно! Но смотреть мы её не будем. Потому что и так знаем, что в

ней лежит. Вопросы есть?

— Кто вы? — с трудом выдавил из себя Гриша.

— Кто я? — задумчиво произнесла фигура. — Кто я…. Я, на данный момент, твой судья и палач.

—А что случилось…. Почему палач…. Где я… — заплетающимся языком, от нахлынувшего на него страха при слове «палач», спросил Гриша.

— Ну что ж, откройте тогда коробку, — приказала белая фигура одному из фиолетовых.

«Фиолетовый» легко выхватил коробку из руки пленника и открыл её. Затем стал разворачивать и вешать на плечи Гриши чулки и колготки. Всего набралось восемь пар.

— И ты спрашиваешь: что случилось? — в прорезях маски засверкали синие огоньки. — Жили себе люди, планы строили, а ты вот так, из твоей больной прихоти, поломал им жизни. Хорошо хоть никто не умер. Тебя сегодня поймают и осудят. Полицейские уже стоят около твоего дома. Но ты не думай, что раз тебя там нет, они уйдут ни с чем. Они уйдут вместе с тобой. Вместе с твоей коробкой. Они заберут её у тебя, в качестве улик. Неопровержимых улик. Судья отберёт у тебя хороший кусок свободной жизни. Но, к сожалению, они не смогут отобрать у тебя твои воспоминания, твои гормоны. И ты сможешь лежать на нарах, предаваться воспоминаниям и получать удовольствие. — Последовала небольшая пауза. — Я тоже не смогу забрать у тебя воспоминания. И на гормоны не смогу повлиять. Но я смогу сделать так чтобы ты никогда не вспоминал свои приключения, если тебе всё-таки захочется их вспомнить…. Впрочем, об этом узнаешь в своё время. А сейчас тебе проведут стандартную процедуру для насильников: укорочение члена до естественно-надобных размеров. Проще говоря – до двух пальцев. Приступайте.

Рамка, к которой был пристёгнут пленник, стала разворачиваться и превратилась в стол. Человек в медицинском халате открыл свой саквояж и, достав шприц, наполненный какой-то жидкостью, сделал укол в район паха. От ужаса перед предстоящей процедуры Гриша не мог даже кричать…

Очнулся Григорий от голоса белой фигуры.

— Ну что, операция прошла успешно. Осталось только надеть сеточку, наш бонус, на мошонку и можно отправлять обратно.

Рамка вернулась в исходное, вертикальное, положение. Доктор собрал свои инструменты и вышел из комнаты. Тут же появились помощники и всунули в руки Гриши его коробку. Все зажимы, сковывавшие руки и ноги пленника, одновременно открылись, погас свет, и он повис в темноте. И через мгновение впереди забрезжил светлый прямоугольный проём. Опять сильные руки подхватили его, и повели к этому проёму, который по мере приближения оказался проходом в его сарай – в нем виднелся их инвентарь, развешанный на стенке. Уже около самого проёма его развернули ногами вперед и протолкнули внутрь сарая…

Гриша продолжал сидеть на полу сарая, когда дверь в него резко открылась, и внутрь ворвалось несколько полицейских. Григорий ещё успел оглянуться, перед тем как его вывели из сарая, на нишу. Но увидел только старую стенку…

Прошло несколько месяцев, пока Григорий наконец пришёл в себя и привык к своему укороченному члену. Следователи, конечно, не поверили рассказу подследственного и сошлись во мнении, что это был акт членовредительства перед страхом будущего ареста. И готовили дело для передачи в суд.

Цокот каблучков, проходившей мимо сотрудницы СИЗО, Гриша слышал и раньше, но не обращал на них никакого внимания, слишком свежи были воспоминания о его укороченном члене. А сегодня он, вдруг, вслушался в их стук, и ему так захотелось вернуться в прежнюю жизнь, где были его захватывающие дни. Дни приключений и удовольствий. Он повернул голову к двери и представил её без одежды. В следующую секунду соседи по камере увидели, как Гриша упал на пол и стал по нему кататься, держась за промежность, с диким криком: «Мошонка-а-а…».

Кто я?

Преподаватель педагогического института, кандидат педагогических наук, Вадим Сергеев стоял и, от негодования, потерял дар речи. Вчера он потратил два часа на то, чтобы расчистить от веток и мусора участок на обочине, и выровнять его, чтобы ставить туда свою машину. А сегодня приехав с работы, он увидел, что это место занято уже другой машиной. Владельца этой машины он знал уже давно – нахал и скандалист. От его зычного голоса дрожали стёкла в доме, когда он ругался с кем-нибудь. В запале мог и стукнуть противника, тем более силы ему было не занимать. И поэтому связываться, с этим хамом, мало кто хотел.

У Сергеева, от нарастающего в нем гнева, сами сжались кулаки. Вадим подошел к чужой машине и со всей силы ударил по шине. Немедленно сработала сигнализация, больно ударив по ушам. Через полминуты выскочил из-за угла хозяин машины, но, увидев машину на месте и рядом с ней своего соседа, сбавил шаг. Вадим дождался, когда сосед, вальяжной походкой приблизился к своей машине, стараясь сдержать бушевавший в нем гнев, спросил:

— Ты почему поставил свою машину на моё место?

Сосед неторопливо обошёл машину, осматривая её и, казалось, что совсем не обратил никакого внимания на вопрос.

— Убирай машину с моего места, Касьян! — шагнув к соседу и повысив голос, Вадим выкрикнул: — Это место я приготовил для себя!

И опять никакой реакции со стороны оппонента не последовало. Вадиму хотелось ударить его, даже отлупить. Но, во-первых, он никогда так не поступал – не позволяло воспитание. Во-вторых, силы были неравными. Оставалось только взывать к его совести, что ещё не удавалось сделать никому в округе, или обругать.

— Имбицил! — внезапно где-то слышанное слово всплыло из глубин сознания и сорвалось с языка.

Сосед, уже собравшийся просто уйти домой, просто проигнорировать Вадима, (всё равно ничего с ним не сделает), замер на месте. Обзывали его нередко, и он уже привык к этому, но тут непонятным словом, да ещё от интеллигента…. Такое стерпеть было выше его сил. Он сделал два шага назад и, поворачиваясь на ходу, ударил педагога ладонью по щеке. От крепкого и внезапного удара Вадим не устоял на ногах, с размаху ударившись боком об асфальт. Он уже хотел было вскочить и хоть разок ударить по этой отъевшейся наглой роже, но резкая боль в боку оставила сидеть его на асфальте. Даже крикнуть вслед не представлялось возможным. «Тварь! Гнусный поддонок! – только стон вырывался из разбитого рта. – Неужели никто не может приструнить этого негодяя?». Он посмотрел вслед уходившему соседу, но боль заставила его закрыть на мгновенье глаза. Когда Вадим вновь посмотрел в спину соседу, но там уже никого не было, точно сосед испарился на ровном месте. У Вадима непроизвольно отвисла челюсть…

Касьян сидел на полу, оглядывался по сторонам и ничего не понимал. Только что шел по широкой улице и вдруг, словно удар лбом об стенку, и он сидит в каком-то помещении. Сидя на полу, и потирая лоб, он огляделся по сторонам – полутёмное помещение, в середине какая-то конструкция, напоминающая

металлоискатель на вокзалах, окон нет, одна дверь… « Дверь – это выход!» – подумал Касьян и, с трудом понявшись, направился к ней. Подёргав за ручку и убедившись, что она закрыта, пленник направился к конструкции в середине помещения. Пока он шёл к ней, дверь бесшумно открылась, и в комнату проскользнуло четыре фигуры. Догнав Касьяна около самого агрегата, они схватили его за руки и закрыли нос и рот куском ткани. От неожиданности пленник не сопротивлялся и только вдыхал какой-то запах с марли…

Очнувшись, Касьян увидел себе пристёгнутым руками и ногами к металлоискателю. Он несколько раз дёрнулся, но ничего не получилось, наручники держались крепко. Он посмотрел по сторонам и увидел четыре силуэта, стоявших в полумраке у стены.

— Э, мужики, что за дела? Чё вам надо? — Касьян попытался придать голосу солидности. — Подходи по одному, поговорим!

Ни один из четверых не пошевелился и не повернул головы.

— Не стоит к ним обращаться. Бесполезно, — раздался чей-то голос.

Из-за спины Касьяна вышел человек и встал напротив него. Облачённый в белую ткань с ног до головы, он производил странное впечатление. Дополняла облачение маска на лице, с прорезями для глаз. И сразу же белая фигура задала вопрос:

— Ты кто такой, что позволяешь себе бить людей? Сломал ребро соседу, занял приготовленное им место для парковки…

— А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать. — Сработала многолетняя привычка, приобретенная в бесчисленном количестве разборок.

— Ну что же…. Пусть будет так. Приступайте! — белая фигура жестом указала на пленника.

Люди, одетые в фиолетовые костюмы, в сетчатых масках, Касьян теперь отчетливо их разглядел, подошли к нему. И тут же пленник получил удар по лицу. Точно такой же, какой он нанёс своему соседу. Ударивший отошел назад и замер. Перед Касьяном встала опять белая фигура.

— Кто ты такой… — белая фигура начала было задавать вопрос, но многолетние привычки Касьяна вмешались опять.

— Да пошёл ты… — Касьян дёрнулся в рамке. — Я тебя ещё достану!

Белая фигура отошла в сторону. «Фиолетовые», уже все четверо, подошли вплотную пленнику и на него посыпался град ударов. Через некоторое время у Касьяна, он даже не успел опомниться, и только смог уклоняться от ударов, насколько это было возможно, была разбита губа и опухла щека. Побои кончились также внезапно, как и начались. «Фиолетовые» отошли к стене выстроились в ряд и замерли. Опять появилась белая фигура. Одновременно у конструкции отделилась какая-то штанга и, повернувшись на шарнире, остановилась в горизонтальном положении. На конце штанги были закреплены небольшие песочные часы. Белая фигура рукой показала на них и сказала

— Через некоторое время они перевернуться, и начнут отсчитывать время. До того, как весь песок пересыплется вниз, ты должен сказать моим помощникам – кто ты. И так до тех пор, пока не будет дан правильный ответ. Затем тебя отпустят. Сделай себе подарок – не затягивай процесс. Прощай.

Белая фигура зашла за спину Касьяна и наступила полная тишина.

— Ничего не понимаю, — пробормотал пленник. — Кто я? Кто я…

Касьян понимал, что он здесь находиться в связи со ссорой с соседом. Но ведь это обычное, можно сказать житейское, дело. Ну, с кем не бывает. Мысли путались и разбегались в голове, и незаметно для себя пленник уснул.

Проснулся Касьян оттого, что песочные часы перевернулись, и штанга слегка дёрнулась. Песок сыпался золотой струйкой, притягивая к себе внимание. Когда его осталось совсем немного, «фиолетовые» пришли в движение и приблизились к пленнику.

— Мужики! — решился наконец Касьян, — может договоримся? Деньги у меня есть, даже валюта, а?

В ту же секунду последняя песчинка упала сверху на маленький холмик. Удары посыпались без предупреждения… Когда «фиолетовые» встали к стене, у пленника была разбита почти вся нижняя губа и текла кровь из носа. В дверь вошел ещё один человек, затянутый в такой же костюм, но с саквояжем в руке. Он обработал раны пленника, остановил кровь из носа и удалился. Касьяну снова хотелось спать, но мешали саднившие раны.

Следующий поворот песочных часов Касьяну показался ударом грома. И вот опять приближаются эти истязатели.

— Мужики! Я виноват! Я сделал плохое дело… — начал жалобно Касьян и «фиолетовые» вдруг остановились. — Да! Да! Я ударил человека! — фигуры

стояли и не приближались, хотя последняя песчинка уже упала вниз. — Я нехороший человек, я негодяй.

«Фиолетовые» сделали шаг назад и снова замерли. «Это то, что надо. Это то, что они хотят слышать от меня» — сообразил Касьян.

— Я подонок, я тварь последняя, дегенерат, хамло! — Касьян вспоминал все те слова которые он слышал от соседей. «Фиолетовые» дружно повернулись и направились к двери. Дверь уже закрывалась, когда Касьян выкрикнул им вслед: — Я имбицил!

… Вадим сидел и оглядывался по сторонам, не мог же сосед так быстро убежать. Он опять посмотрел на то место, где последний раз видел Касьяна. Тот стоял на том же месте, но лицом к Вадиму и, выставив руки в стороны, глядя в солнечное небо, смеялся и повторял раз за разом:

— Я подонок, я тварь, я имбицил!

Бумеранг.

Дверь ресторана широко открылась, и распорядитель пригласил, заждавшихся уже в нетерпении гостей, в банкетный зал. Гости, по-новомодной традиции, рассаживались за отдельные столики, расставленные по краям зала, с установленными на них именными табличками. Столы были сервированы по высшему разряду: салаты и нарезка, чёрная икра, фрукты и конфеты в элегантных вазочках, шампанское, вино, и, конечно, водка. Всё было высшего качества. Для жениха и невесты и их родителей поставили один длинный стол в торце зала, на котором особенно выделялся, сделанный по особому заказу, торт. Рядом с женихом сидели его родители, а сбоку его невесты уселся рядом её дед, а потом уже родители. Дед невесты, известный всем криминальный авторитет, подал знак начинать свадьбу.

Приглашённый известный ди-джей, включивший спокойную музыку, пока гости рассаживались по расписанным местам, приглушил звук. На середину зала вышел радостный тамада с микрофоном, попросил поприветствовать невесту и жениха, дедушку и их родителей и, после продолжительных аплодисментов, подождав, пока гости разлили по своим бокалам игристое, первым дал слово дедушке невесты. Авторитет грузно встал, взял бокал шампанского, поднял его перед собой, другой рукой достал из кармана дорогого костюма ключи от машины, поднял их повыше и, словно о чём-то задумавшись, застыл. Гости уставились на него, стараясь не шуметь; все знали про крутой нрав этого человека. Через некоторое время они начали осознавать, что что-то произошло;

не может человек держать такую длинную паузу. Но когда некоторые гости хотели переглянуться с соседями по столу, то не смогли этого сделать! Постепенно все присутствующие поняли – пошевелиться не может никто! Застыли официанты; с улыбкой на лице, превратившуюся в отвратительную гримасу, застыл тамада; словно уснул, склонившийся за пультом, ди-джей…

В открывшуюся дверь банкетного зала потянуло свежим ветерком и в ней появилась белая фигура. Одетая в белую мантию с капюшоном на голове, с белой маской на лице, на которой были только прорези для глаз, она, складывалось такое впечатление, подплыла прямо к столу новобрачных.

— Да, подарок конечно великолепный, такой дорогой подарок сделать может далеко не каждый человек, даже если проживёт пару-тройку жизней. — Глухой голос зазвучал прямо в головах присутствующих. — А этому любящему дедушке это удалось! Но как, смог человек нигде не работавший, отсидевший несколько сроков, достичь такого благосостояния?

Белая фигура оглядела застывший зал и снова обернулась к авторитету.

— А я сейчас расскажу. — Она повернулась к гостям. — Хотя многие знают о его делах, между прочим. Но пришли, потому что не хотят терять влиятельного, из-за его денег, человека, а больше, потому что боятся его. Были случаи, когда его подручные избивали кого-то только потому, что эти люди, не проявили, по его разумению, должного уважения! Отклонили какие-то его грабительские предложения. О его делах даже знают вот эти люди…

Белая фигура подошла к столику, который был приготовлен для тамады и работников искусства: народного артиста, заслуженной певицы, выдающегося художника.

— Знают. Но гонорары за выступления так высоки, что можно уговорить себя быть подстилками на торжествах какого-нибудь криминального авторитета.

Белая фигура снова подошла к столу новобрачных.

— Не устали держать бокалы на весу, молодожёны? Хотите выпить за подаренные ключи? А вы знаете, что эти ключи несут на себе больше десятка поломанных судеб. И даже одна загубленная жизнь? — Незваный гость повернулся к гостям. — Начинал этот человек как мелкий воришка. Вскрывал ларьки, маленькие магазинчики, сгребая в свой мешок всё подряд: спиртное, сигареты, консервы, дорогие конфеты… Но быстро попался, опыта-то никакого. Зато в тюрьме он прошёл хорошую школу. Заимел связи, показал себя отчаянным парнем. И вот на воле он уже собирает маленькую шайку. Начал

«крышевать» приезжих торговцев на рынке. Пока окрепшая южная диаспора не прибрала его бизнес к своим рукам. Но зато вскоре появились кооператоры, денежные люди. Поэтому им «требовалась», а подельники нашего дедушки очень настойчиво и доходчиво могли объяснять это деловым людям, защита от разных нехороших посягателей на их финансы и имущество. А тех, кто отказывался от их покровительства «наказывали»: избивали и разрушали их бизнес. Неправедные деньги потекли к нашему авторитету. Но опять посадили. Правда, ненадолго. Его банда так смогла запугать потерпевших, что не нашлось, якобы, свидетелей его преступлений. Ну и свою роль сыграла беспрецедентная, в то лихое время, смычка криминала и правоохранительных органов. А тут и вовсе хорошо стало: развалился Советский Союз. И в мутной водичке политического и экономического хаоса удалось скопить приличный капитал. Нашлись, скорее, продались, люди государственного масштаба, помогающие эффективно вкладывать, и легализовать, что очень важно для преступного мира, накопления. Но наш хозяин свадьбы не брезговал и обычным рэкетом, грабежами, и, его любимым делом, «крышеванием», кто только попадал в поле его зрения. Одного несговорчивого владельца торговой точки, который смог поднять свой бизнес самостоятельно и построил магазин в прибыльном месте, пришлось даже убить, потому что авторитет понял, что отказом дело не закончится. А продолжится в прокуратуре. Убийц нашли, но заказчика они не выдали… И вот сидит такой добрый дедушка, думает, что впереди у него спокойная жизнь, любовь родственников, почитание его как хозяина жизни!

Белая фигура направилась к оному из столиков, где сидела пожилая чета с двумя молоденькими девочкам, внучками, и, протянув руку в сторону авторитета, сказала:

— Это он приказал убить вашего сына. Вы уже давно просите высшие силы найти убийцу, заказчика и убийцу в одном лице, вашего единственного сына. Но я хотел наказать его в такой торжественный момент, чтобы всей его родне надолго запомнилась бы эта свадьба. Его внучка, невеста, конечно ни в чём не виновата. Но и те люди, которых он грабил, унижал, убил – они тоже не заслужили тех страданий, которые им принёс вот этот человек.

Белая фигура подошла к невесте и, уставившись на неё своими тёмно-синими прорезями для глаз, сказала:

— У вас всё будет хорошо. Вы ещё вместе отпразднуете и серебряную и золотую свадьбу!

Белая фигура повернулась и пошла к выходу. Когда тишина, после её ухода, стала невыносимой, упал микрофон у тамады, и он машинально наклонился его

поднять. Когда он сумел затёкшей рукой схватит его и выпрямиться, с трудом разгибая уставшую спину, последние гости покидали банкетный зал…

Торт.

Степан торопливо забежал в магазин и направился к холодильнику с тортами. Автомобильная пробка, в которой он застрял, могла изменить его планы. «Встреча уже скоро начнётся, а я тут вожусь ещё!» – подумал с раздражением Степан, выбирая бисквитный торт, хорошо смазанный кремом. Подходящий торт нашёлся быстро, и Степан направился в кассу. Очередь двигался медленно, и Степан стал прокручивать в голове, в который уже раз, свои действия и его постепенно охватывал радостный озноб. Почти приблизившись к кассиру, Степан, вдруг, услышал отчётливо чей-то голос: «Не делай этого!».

Он посмотрел по сторонам – старушка, копающаяся в своём кошельке; парень с наушниками; семейная пара, тихонько споривша я о чём-то. Расплатившись, он отошёл от кассы, и опять услышал голос, который повторил свою просьбу. Оглядевшись, Степан зашёл в ближайший проход со стеллажи набитыми продуктами, но там никого не было. Он быстро, почти бегом, дошёл до конца прохода, может, кто-то прятался за следующими стеллажами. И здесь опять прозвучал тот же самый голос: «Не садись на пенёк, не ешь пирожок!». Уязвлённый, и одновременно ошарашенный, Степан стал резко оборачиваться в разные стороны, но только зацепился туфлей за ножку ближайшего стеллажа и опрокинулся на пол, прямо лицом на свой торт. Тоненькая пластмасса коробки не выдержала удара его челюстью, и Степан погрузился в свежий крем….

… Отчаянно ругаясь и стряхивая крем, одновременно размазывая его по лицу, Степан поднялся на ноги. Он достал платок, вытер лицо и огляделся по сторонам. Он стоял в абсолютно пустом помещении. Круглое, полутёмное помещение с одной железной дверью. Не понимая, что творится, но, чувствуя, что это не к добру, он направился к двери. Он уже протянул руку, чтобы открыть дверь, как дверь открылась сама, впуская толпу людей, с головы до ног обтянутые в фиолетовые трикотажные костюмы и с сетками на глазах. Следом за ними вкатился длинный контейнер на тележке. Последним в дверь зашёл человек в белой мантии и маской на лице. Степана, потерявшего дар речи от всего этого, оттеснили на середину помещения и окружили со всех сторон.

Белая фигура подошла поближе, и Степан услышал знакомый, звучавший у него в голове, в магазине, голос.

— Пришлось прервать твой поход, Степан. Ты ведь твёрдо решил исполнить свой план? Не так ли?

— Какого чёрта твориться? Где я?

— Ну, это не важно. Важно то, что ты решил, для себя, что ты можешь унижать людей, кидая им торты в лицо…

— И всё? Только по этому я здесь? — прервал говорившего Степан.

— Во-первых, это незаконно. Хотите кидаться тортами – добейтесь соответствующего закона от законодательного органа. Ваша Дума иногда принимает странные законы, может быть и такой примет. Во-вторых, этот акт всегда делается исподтишка, а не так, как принято было делать на дуэлях – лицом к лицу. В-третьих, почему в них, в публичных людей, что-то кидает какой-то посторонний человек, которому они ничего лично не сделали. В-четвёртых, жертвы зачастую просто выражают, или что-то делают, ту идею, которая им кажется правильной, хотя может и заблуждаются, и не заслуживают, чтобы с ними так обращались.

— Но послушайте, — опять прервал оппонента Степан, — они несут откровенную чушь, лгут людям!

— Да, таких людей много в вашем обществе. Но если бы это помогало решать проблемы, то наверняка такой закон люди бы давно изобрели. Но вместо этого человечество придумало такие слова как «диктатура», «тоталитаризм», «насилие», где заложена одна мысль – человек, или группа людей, решает свои проблемы с помощью силы. И очень часто обладатели такой силы не искренние, не гуманные, корыстные и злобные люди.

Внезапно Степан почувствовал вибрацию под ногами. Он посмотрел вниз и увидел что часть пола под ним, в виде круга, стала медленно опускаться. Степан хотел сойти с круга на ровное место, но несколько «фиолетовых» преградили ему путь.

— Но почему-то люди, в то же время, почитают культ силы. — Продолжила белая фигура. — Ставят даже памятники некоторым государственным деятелям, которые, в своё историческое время, погубили не одну сотню тысяч людей. Из самых известных – Наполеон и Чингисхан. Вот Гитлеру не оставили, но его одиозным современникам, Сталину и Бандере, памятники есть. И многим людям кажется, что так и должно быть!

Тем временем Степан уже по плечи опустился в круглую дыру пола. Движение прекратилось, «фиолетовые» расположились вокруг по краю и опять замерли. Степан, с тревогой наблюдая за этими приготовления, выкрикнул оратору:

— А причём здесь я?

— Ни один человек не способен охватить картину мира. А ты возомнил себя таким вершителем судеб, которому всё известно и понятно. И на этом основании, не продуманном и ошибочном, ты готов унижать другого человека. Но для тебя, и тебе подобным, это действие приносит ещё и душевную радость. Для тебя сам процесс метания, подготовка к этому акту стало главной целью; справедливость отошла на десятый план, а это неправильно. Поэтому тебе нужно прочувствовать, что испытывает человек получивший тортом по лицу.

Он махнул помощнику, который стоял возле контейнера. Тот раскрыл створки контейнера и стал передавать коробки, в которых были такие же торты, который купил Степан в магазине, своим товарищам. До Степана дошло, что сейчас произойдёт и кинулся к краю ямы, чтобы выбраться из неё, но тут же получил тортом по рукам. Руки, густо облепленные кремом, заскользили по гладкому полу, не давая возможности зацепиться за что-нибудь. Следующий торт попал прямо в голову, залепив глаза. Затем торты посыпались со всех сторон. Степан догадался пригнуться и прикрыть рот рукой, чтобы было через что дышать. В какой-то момент Степан хотел переступить с ноги на ногу, но под каблуком оказался крем и он растянулся на бисквите, усыпавшем вес пол его ямы. А торты продолжали сыпаться нескончаемым потоком. Степан с трудом встал на ноги и замер на месте, опасаясь опять упасть. Постепенно торты засыпали его по колена, потом по пояс, по грудь… Над поверхностью бисквита оставалась свободной только голова, полностью замазанная кремом.

— Хватит! — Во весь голос закричал Степан и замахал руками. — Остано…

И, потеряв равновесие, поскользнулся. Степан погрузился в сладкую и воздушную массу. Крем и бисквит забились ему в рот и ноздри. Дышать стало нечем. Собрав последние силы и остатки воздуха, отчаянно барахтаясь, Степан рванулся вверх. Почувствовав, что голова выбралась из липучей массы, он глубоко вздохнул и открыл глаза.

Степан стоял в проходе между стеллажами, опираясь на него. Рядом стояла женщина и держала его торт.

— С вами что-то случилось? — спросила она.

Степан осмотрел себя, провёл рукой по лицу. Одежда была в порядке, и голова тоже была чистая. Женщина протянула ему коробку с тортом.

— Ваш торт, — и улыбнулась ему.

Степан, почувствовав, как из желудка поднимается какой-то ком, закрыв рот рукой, помчался к выходу.

Челюсти.

Витька, новоиспечённый старшеклассник, выехал на широкую аллею парка, засыпанную осеней листвой, и нажал на педали велосипеда. Гуляющих людей по парку было немного и Витька, лавируя между ними, радовался плотному ветру, обдувавшему его лицо. В конце аллеи он свернул на пешеходную тропинку, чтобы последний раз, перед возвращением домой, погонять по ухабам. Тропинка вывела его на площадку для выгула собак, на которой резвились пару овчарок и несколько маленьких собак. Спешившись, он постоял несколько минут, наблюдая, как играют собаки, родители не разрешали ему заводить собаку, и потихоньку поехал в сторону выхода из парка. Внезапно, какая-то тень мелькнула по земле, и тут же он почувствовал, как кто-то вцепился ему в ногу. Витька упал с велосипедом на бок и увидел, что в его ногу вцепился какой-то остромордый пёс. Витька сорвал свою бейсболку и стал хлестать ею пса по морде, одновременно что-то крича на собаку. Один удар пришёлся ребром бейсболки по носу пса и он, взвизгнув, выпустил ногу и отскочил в сторону. Его тут же подхватил подбежавший хозяин и, обругав Витьку, зацепил карабин поводка на ошейник и увёл пса. Подбежали и другие собачники и, перебинтовав ему ногу, у одной из женщин оказалась аптечка, вызвали скорую помощь. Уже в машине скорой помощи, Витька, вытирая непрошенные слёзы, стараясь утихомирить боль в ноге, придумывал способы отомстить и псу, и его хозяину…

Гарик забежал с собакой в лифт и только здесь вздохнул полной грудью. Кого-то покусала твоя собака – это, хотя и мелкое, но всё-таки неприятное происшествие. Отдышавшись, он нажал кнопку нужного этажа, и лифт мягко пошёл вверх, отсчитывая на табло этажи. На его этаже двери лифта открылись, и пёс первым выскочил на площадку. Гарик тоже сделал шаг на выход, но сзади что-то его держало. Он оглянулся и увидел, что зацепился за крюк, который он не заметил почему-то, когда садился в лифт. Пока он аккуратно, чтобы не порвать дорогой спортивный костюм, отцеплял этот крюк, дверь плавно закрылась и лифт поехал вниз, видимо какой-то жилец успел нажать кнопку вызова кабины. Лифт опускался вниз, и Гарик машинально посмотрел на табло, до какого этажа он опустится. Как ни странно, лифт был совершенно новый, но

табло не горело. «Уже сломался» – подумал Гарик, отцепившись от крюка. А лифт всё опускался и опускался. Заподозрив неладное, Гарик потянулся к кнопке вызова диспетчера, но лифт тут же остановился и двери открылись. Облегчённо вздохнув, Гарик пододвинулся, чтобы впустить человека вызвавшего лифт. Но в лифт никто не спешил. Мало того в проёме двери виднелся не площадка этажа, а какое-то тёмное помещение. «В подвал заехал, чёрт!» – подумал собачник и торопливо нажал кнопку на пульте. Лифт остался на месте, ничего не щёлкало и не светилось, кроме лампочки на потолке. Повторив ещё несколько раз попытку, Гарик нажал на кнопку вызова диспетчера. Но никто не ответил. Тогда он осторожно вышел наружу, решив выбираться из подвала своим ходом. Но только он сделал несколько шагов, лифт закрыл свои двери, и Гарик погрузился в темноту.

Гарик, пятясь, вернулся к лифту и прижался к нему спиной и стал нашаривать кнопку вызова, но рука никак не могла её найти. Не зная, что и подумать, он простоял несколько минут и, наконец, решил двигаться по стене, надеясь найти выход. И вдруг, где-то в глубине помещения, зажглась яркая лампочка. И тут же раздался голос:

— Проходи сюда, Гарик.

Удивлённый тем, что его назвали по имени, Гарик спросил в ответ:

— Кто это?

— Проходи, проходи. Я жду тебя. — Ответил голос, словно звучавший прямо у него в голове.

Гарик медленно двинулся на свет. На половине пути он заметил, что навстречу движется какая-то белая фигура, а за ней несколько силуэтов в фиолетовых, облегающих костюмах. Когда он приблизился к месту под лампочкой, тёмные фигуры обогнали своего предводителя и встали в ряд перед Гариком. Он тоже остановился и спросил:

— Куда я попал и кто вы?

— Это центр реабилитации совести! — ответил голос

— Чего? Чего? — нервный смешок вырвался у Гарика. — У нас в подвале какой-то центр есть, да ещё связанный с совестью?

Он заглянул за спину стоявшего перед ним человека в фиолетовом трико. Белая мантия с капюшоном. Белая маска на лице… «Похоже, что меня разыгрывают!» – догадался Гарик.

— Кто заказал этот розыгрыш? — торжественным голосом объявил о своей догадке собачник.

Но никто отвечать ему не стал. Сзади странной группы зажглась ещё одна лампочка и осветила какую-то конструкцию. Белая фигура направилась к ней. Фиолетовые помощники расступились, пропуская вперед Гарика. Несколько секунд постояв в нерешительности, он пошёл вперёд, одновременно разглядывая конструкцию. «Похоже на гильотину, но только без ножей» – подумал он.

— Это не гильотина, это гораздо хуже, — произнесла внезапно белая фигура, немало удивив Гарика. — Гильотина ведь отсекает не только голову, но и все страхи, которые роятся в ваших головах. Чик – и человек уже ничего не чувствует. Ни страха, ни боли, ни угрызений совести. А наша рамка приводит в чувство уснувшую совесть, если она была. А если совесть не просыпается, потому что её забил человек своим плохим воспитанием, или нет в наличии совсем, то, после нашей рамки остается воспоминание, иногда даже привычки, которые не дают в будущем поступать плохо.

Не успев ничего возразить, Гарик даже не всё понял, что ему говорили, он почувствовал, как с двух сторон его подхватили сильные руки и поволокли к рамке. Почему-то сил сопротивляться не было, словно все мышцы мгновенно атрофировались. Его поднесли к конструкции, и надели пояс, скреплённый кронштейнами с рамкой. На руки надели манжеты с цепями и закрепили их за рамку. На лицо надели собачий намордник, точь-в-точь как у его собаки. Только с прикреплёнными к коже намордника металлическими полосками. Ступни ног закрепили ремнями к полу. После всех этих операций все мышцы тела вернулись в прежнее, рабочее, состояние.

— Теперь о главном, — белая фигура встала напротив Гарика. — Сегодня ты пренебрёг здоровьем окружавших тебя людей, и твоя собака покусала школьника. Поэтому тебя ждёт наказание. Можно было бы натравить на тебя собаку, чтобы она искусала тебе ноги. Даже можно было бы натравить твою же собаку, но это будет негуманно по отношению к ней. Ведь она только проявляет свои инстинкты, заложенные в неё природой. А у школьника шрамы останутся надолго, и всё это время он будет проходить болезненные восстанавливающие процедуры. Не говорю уж о его моральном состоянии. Суд тебя, конечно же, накажет, как человека не уследившим за своим имуществом, но для тебя это будет как дробинка для слона. И забудется тобой очень быстро…

Помощники тем временем установили на уровне груди, прикрепив его к боковинам рамки, навесной столик и разложили на ней тарелки с различной

едой: варёной курицей, котлетами, отварной картошкой, жареной рыбой и корзинку с хлебом. Последними поставили на столик большую бутылку с апельсиновым, его любимым, соком, и положили вилку и нож.

— Да, ещё одна вещь… Ты обругал несчастного мальчика. Словно он виноват в этом происшествии. Вместо того чтобы помочь, извинится – обругал. Это одна из самых гадких черт человека – переложить свою вину на кого-то другого. Ты погостишь у меня, угощение я тебе приготовил, подумай о том что произошло и затем, после того как я решу, что ты осознал свою вину, возвращу тебя в лифт. И последнее. Неужели нельзя, если ты живёшь в городских условиях завести себе маленькую собачонку. Я понимаю, если ты живёшь за городом, в деревне или на даче, заводи себе большого пса. Вот где простор ему побегать. Или всё дело в стадном образе жизни – раз знакомый, родственник, друг, сосед, завёл себе престижную собаку, то и я, кровь из носа, должен не отставать. И приобретаете себе таких собак, у которых медалей и грамот, при соответствующем, конечно, содержании будет, со временем, гораздо больше, чем у хозяина. Словно эти медали компенсируют не очень значимую жизнь владельца собаки. Надеясь что, кстати, эта история попадёт в новый проект одного федерального канала «Чёрное воскресенье». Наконец-то хоть кто-то решился добавить гомеопатическую ложку дёгтя в водопад меда, который льётся с экранов телевизоров. Может, этот проект, который планируется продлить на целый день, позволит людям взглянуть на себя со стороны, что они творят, и что они из себя представляют. На этом прощай.

Белая фигура направилась, словно паря в воздухе, в сторону лифта, один из помощников нажал кнопку, дверь немедленно плавно открылась, села в него, дверь закрылась и наступила тишина. Гарик огляделся. Помощники, кроме одного из них, который стоял неподвижно неподалёку, исчезли.

— Эй — позвал Гарик, — эй, подойди!

Но помощник не шелохнулся и даже не взглянул на пленника. Тогда Гарик решил снять намордник, но длина цепи наручников не позволила дотянуться до застёжек намордника. Тогда пленник решил просто стянуть намордник с лица, но и эта попытка ни к чему не привела. Внезапно он почувствовал, что его челюсти свело, наверно от сильного голода, который ему подсказывали спазмы желудка. Тем более что до него доходил замечательный аромат свежеприготовленной пищи. Он взял вилку, и хотел было уже подцепить котлету, но тут же сообразил, что намордник не даст ему насладиться так, как он это делал за домашним столом – котлета целиком через отверстия в наморднике не пролезет. Тогда он раскромсал котлету при помощи ножа на маленькие кусочки и, нанизывая на вилку, стал пропихивать их себе в рот.

Разделавшись с котлетами, он приступил к курице. Постепенно, все, что лежало перед ним на столике превращалось в однообразную разделанную массу. Картошка превратилась в пюре, рыба в паштет.

Через какое-то время Гарик заметил, что съел уже довольно много еды, но сытость не пришла. И только он об этом подумал, голод вернулся с удвоенной силой. Гарик опять начал кромсать остатки пище на столике и пропихивать её в отверстия намордника. Человек в фиолетовом костюме, вдруг, ушёл, но вскоре вернулся, неся полный поднос тарелок с едой. К своему удивлению, перешедшее в ужас, пленник понял, что не может остановиться. Его руки постоянно резали и измельчали принесённую пищу и проталкивали её в намордник. Не вся еда попадала в рот Гарика, она оставалась на поверхности намордника, насыпалась под подбородок и усыпала всё вокруг ног Гарика. Проблемой оказалось и выпить сока из бутылки. Пленник начал лить сок тонкой струйкой в одно из отверстий намордника, но трясущиеся от напряжения руки разлили большую часть напитка на лицо и одежду, сделав её липкой. От злости он хотел запустить бутылкой, и уже замахнулся ею, в стоящего помощника, но услышал сзади грозное рычание. Повернув назад голову, насколько это было возможно, он увидел сидящую сзади него оскалившуюся огромную собаку. Он поставил бутылку на столик и руки опять принялись резать и кромсать. Когда всё было измельчено, пленник устало закрыл глаза…

…«Восьмой этаж!» – громко произнёс лифт женским голосом, и Гарик вскинул голову. Дверь лифта открылась и в кабину вошла соседка. Увидев стоящего неподвижно Гарика, она удивлённо посмотрела на него. Гарик стоя с отрешённым видом, оглядываясь по сторонам и на свои руки, но звук закрывающихся дверей лифта словно ударил его током. Он рванулся из лифта, чуть не сбив соседку. Потом долго стоял на площадке, и, не обращая внимания на скулившего пса, рвущегося в квартиру, переводя сбившееся дыхание. Наконец дверь открылась сама, и жена спросила его с упрёком:

— Ты помнишь, что у отца моего день рождения? Иди, собирайся!

Когда Гарик с женой приехали к тестю, все были уже за столом, ждали только их. Роль тамады взял на себя брат именинника. После первого тоста принялись за закуски. Гарик сосредоточенно накалывал каждый огурчик, каждый кусочек колбасы, каждую горошину из салата и отправлял в рот. На горячее принесли поросенка, и тамада уже было потянулся разрезать его и раздать гостям, для этого даже были приготовлено несколько стихотворных шуток, персонально каждому в адрес, но тут Гарик схватил нож и вилку, лежавшие на подносе, и стал быстро отрезать от блюда маленькие кусочки мяса, падавшие на поднос и

вокруг него. Опешившая жена схватил Гарика за локоть, он застыл и повернул голову в её сторону, и все гости отчётливо услышали рычание. Жена в испуге отдёрнула руку. Гарик оглядел замерших гостей пустым взглядом и принялся опять кромсать поросёнка…

Двери.

Удача явно стала разворачиваться к Денису лицом. Нашлись клиенты, продающие немного битую машину сына, попавшего в аварию, чтобы оплатить его лечение. Их сын припарковался около дома, отстегнул ремень и, открыв дверь, уже собирался выбраться из машины, как получил удар сзади от невнимательной автоледи. Его выбросило на асфальт, и он получил переломы нескольких рёбер и серьезную травму головы. Но Денис невнимательно слушал этот рассказ, это его мало волновало – главное пристроить свои фальшивые деньги, которые он сделал сам.

Сидя на следующий день в такси, Денис вспоминал, после стольких мытарств, как приятный сон, чувства, с которым он получил первую купюру. Это было похоже на удовольствие, как после укола наркотика в вену. Запах, шуршание бумаги, даже номинал – всё это приводило его в радостное состояние. Наркотики, к которым он пристрастился в институте, тоже не были забыты, вернее постоянно напоминали о себе тягостной ломкой. Ради наркотиков он и взялся за это дело. Ведь его состоятельные родители полностью перекрыли доступ к кошельку отца, когда узнали о привязанности сына. Да, оплатили ему лечение в наркологической клинике. Но не помогло. Немного помогала наследственность – голова у парня работала хорошо и он учился нормально, чтобы получать стипендию. И мать, в тайне от отца, давала ему деньги. Но это было очень мало, для удовлетворения своей болезненной прихоти. И тут ему подвернулся, из наркоманской среды, умелец. Зарабатывающий на изготовлении поддельных документов: аттестатов, медицинских книжек, различных справок и даже паспортов. Он и посоветовал заняться изготовлением фальшивых рублей, даже снабдил его кое-какой литературой. Но любое дело требует, в первую очередь, капиталовложений. Денису пришлось подрабатывать на полукриминальных людей и даже пару раз быть в роли наркокурьера. Здесь деньги платили хорошие. Но этот же знакомый настоятельно посоветовал, после двух ходок Дениса, бросить это дело, слишком было рискованно. Пришлось наниматься сторожем в гаражный кооператив. Получилось очень удачно, было где проводить свои эксперименты. Изучив обстановку на территории, он ночью спилил с пустующего гаража замок, навесил свой и завёз необходимые материалы и оборудование. Основной проблемой оказалась бумага – чтобы и

краска ложилась хорошо, и хрустела как настоящая.

И вот свершилось. Первые купюры Денис брал трясущимися руками, как у заядлого алкоголика. После стольких бесплодных попыток бумажка похожая на настоящую купюру, – это казалось чудом. Для проверки он стал посещать ночные клубы, расплачиваясь там своими деньгами. И, к удовлетворению Дениса, всё проходило гладко. Затем, стараясь не посещать второй раз одного и того же продавца, он стал посещать рынки, получая сдачу подлинными деньгами. О торговцах, которые непременно попались бы с фальшивыми деньгами в руки банковских работников или бдительных продавцов, он даже не задумывался. Раз попались на его удочку – это их проблемы. И вот, наконец, пришла пора обдумать крупное дело – покупка и продажа дорогостоящей техники или даже автомобиля.

Из такси Денис вышел за квартал до нужного адреса. Уже подходя к нужному дому, он украдкой засунул ватные тампоны за щеки и наклеил фальшивую, но сразу бросающуюся в глаза, татуировку на шею. Взъерошив на голове свой любимый ёжик, он всегда делал так, когда волновался, позвонил в домофон и, когда ему ответили, сказал что хочет посмотреть их автомобиль. Скоро из подъезда вышли супруги. По ним сразу было видно, что они уже были на пенсии. Денис с удовлетворением отметил простодушный вид супругов, и они прошли к машине. Денис несколько раз обошёл её, осмотрел битое место, сел за руль и завёл её, украдкой наблюдая за реакцией хозяев. Выключив мотор, он вышел из машины, спросил, сколько они хотят за неё и деланно свистнул. Но согласившись на названную сумму, сказал, что должен проверить машину на ходу. Денис, не давая опомниться растерянно глядевшим на него пенсионерам, вытащил конверт с деньгами и паспорт. Паспорт он отдал главе семейства и, пока тот разглядывал паспорт с наклеенной на скотч загримированной фотографией Дениса, принялся у них на глазах пересчитывать пачку денег. Положив деньги обратно в конверт, и сказав, что это задаток, он вручил их женщине, попросил обратно паспорт, под предлогом взять из него нужную справку, ловким, скрытым движением содрал свою фотографию и отдал назад, в руки мужчине. Не спеша сел в машину, сказал, что вернётся через полчаса и уехал. Через несколько километров Денис припарковался, и устало откинулся на кресле. Сердце билось как бешенное. Тревога и радость одновременно стучали у него в голове. Через некоторое время, окончательно успокоившись, Денис направился в свой гаражный кооператив. Проезжая мимо своего сменщика крикнул, что приятель попросил присмотреть за ней, пока тот будет в туристической поездке. Загнав машину в гараж, Денис заглушил двигатель, и хотел было уже отправится домой, он увидел, как из-под двери, что вела в маленькую подсобку с его подпольным оборудованием, горел свет. Удивившись,

Денис всегда выключал свет, он подошел к ней, толкнул, и шагнул в дверной проём.

Это была не его подсобка. Огромное помещение, залитое светом, то ли круглое, то ли овальное. И бесчисленное количество дверей, насколько хватало взгляда. Денис даже не сразу заметил одиноко стоящую фигуру недалеко от него.

— Здравствуй, Денис! — произнесла фигура, приближаясь к нему. — Свет не очень яркий?

— Куда я попал? — ошеломлённо спросил Денис. — Здесь ведь подсобка была! Маленькая подсобка…

— А ты не там, ты в другом месте.

— Как так можно, — продолжал Денис, — зашёл в одно помещение, а оказался непонятно где!

— Ну, иногда так бывает, когда мне это нужно. А сегодня как раз такой день, и всё что ты здесь видишь – дело твоих рук. И твоей головы.

Денис, наконец, в этом ярком свете, разглядел своего собеседника. Облачённый в белую мантию с капюшоном, с маской на лице, на которой были только прорези для глаз, человек выглядел странно. Да и двигался он так как - будто не шёл по полу, а парил над ним.

— Кто вы? — решился спросить Денис, которому эта ситуация нравилась всё меньше и меньше.

— Я — буднично произнесла фигура — карающая рука возмездия. Наказываю за поступки, проступки и преступления которые совершают одни люди против других.

У Дениса перехватило дыхание. Когда он только начинал своё криминальное предприятие, у него в голове появилась мысль, что, конечно же, его могут поймать. Но вот так быстро! «Наверное, это сон. Или галлюцинация» – подумал Денис, отступая к двери, через которою он вошёл. Он упёрся спиной в дверь и стал нащупывать ручку.

— Не стоит так торопиться, — сказала белая фигура. — Тебе предстоит сделать большую работу, прежде чем ты отсюда выйдешь…

Денис резко повернулся и дернул за ручку. Дверь легко открылась. Но весь проём был заложен кирпичами на цементном растворе. Денис потрогал кирпичи,

толкнул их плечом, затем пнул ногой что есть силы. Ничего не помогло. Растерянность постепенно переросла в злость и Денис, сжав кулаки, резко повернулся к белой фигуре с намерением разобраться. Но перед ним никого не было. И вдруг раздался откуда-то голос, казалось, что он возник прямо в голове: «Здесь тысяча дверей. Девятьсот девяносто девять из них фальшивые, заложены кирпичами. И только одна ведёт – голос умолк, давая пленнику время осознать что он услышал, – в твой мир. У этих дверей есть одна особенность. После того как ты откроешь сто дверей, настоящая сменит своё местоположение. Времени у тебя много, можно сказать вечность. И если не хочешь застрять тут надолго, придётся потрудиться».

Голос умолк и наступила гнетущая тишина. Пленник устало сел на пол и прислонился к стене…

…Денис в очередной раз посмотрел на свои часы. Но в который уже раз убедился, что это бесполезно – время на циферблате не изменилось ни на секунду. Он снял часы и положил их в карман куртки, которую давно снял и кинул на пол к стенке. Затем сел рядом с курткой, опёрся спиной об стенку и вытянул уставшие ноги. «Надо подумать, надо хорошенько подумать!» – он закрыл глаза и уснул. Ему приснилось, что он хочет посчитать оставшиеся двери, и он принялся считать их, мимо которых он идёт. Когда счет перевалил за тысячу, то дверь, которую он посчитал, вдруг раздвоилась прямо на глазах. Он по инерции продолжил счёт, и двери продолжали удваиваться и удваиваться. Он остановился перед очередной дверью, но не успел её посчитать, как она тоже раздвоилась. Денис посмотрел вокруг и его охватил ступор. По всему периметру двери плодили себе подобных. Но и сам периметр стал увеличиваться на глазах, так как две двери занимали больше места в стене, чем одна. И через какое-то время пленник стоял посередине невообразимо большого помещения, где удваивающиеся двери постепенно превращались в едва различимые точки. Денис рванулся догонять удаляющуюся стену и… проснулся. Всё было на своих местах. Он облегчённо вздохнул, но тут же схватился за голову, – какая разница тысяча дверей или миллион – он всё равно ёще заперт здесь.

Денис встал, чтобы размять ноги и на ходу перебрал способы, которые он применил. Он несколько раз просто открывал подряд все двери в надежде, что нужная дверь, наконец-то, попадётся ему. Не помогло. Затем стал открывать двери через определённое количество. Каждую пятую, каждую десятую двенадцатую двадцатую, семнадцатую…. Не помогло. Просто долго и упорно открывал двери в хаотичном порядке. Но двери открывались, показывали свое кирпичное нутро и медленно, со скрипом, закрывались обратно. «Может подпереть их, чтобы они не закрывались?» – ему пришла в голову новая мысль. –

«Хотя чем? Голый пол, гладкие стены!». Он подошёл к очередной двери и внимательно рассмотрел её. Она была как две капли похожа на его дверь в подсобку. «А если разломать несколько дверей в качестве клиньев?» – внезапно пришло решение. Сбитая из тоненьких досок она, на первый взгляд, не представляла собой проблему. Денис легко снял её с петель и бросил на пол. Из нескольких дверей получилась невысокая стопа, об которую уже можно было крушить остальные двери, превращая их в, подходящие по размеру, клинья. «Секундочку! Я ведь могу просто снять все двери!» – от этой мысли его обдало жаром. Он разделся до пояса и принялся за дело. Мысль о близости долгожданной свободы прибавило ему силы и двери летели в середину помещения как листы фанеры…

Заканчивая отбрасывать первую сотню дверей, Денис решил посмотреть, что случится в момент открывания сотой двери, у него засосало под ложечкой. Вдруг его идея не сработает. Но двери остались лежать на полу. Правда и кирпичные кладки остались все на месте. Пленник продолжил свою монотонную работу…

Последнюю сотню дверей он решил просто открывать, будь что будет. Он ещё уже открыл пару десятков дверей, как в глаза ему ударил луч света. Не веря своему счастью, он прыгнул в открывшийся проём и уткнулся в чью-то грудь. Денис машинально обхватил стоящего перед ним человека и прижался к нему.

— Кротов Денис Борисович? — раздался голос над его ухом.

Двое крепких парней оторвали Дениса от говорившего человека и заломили ему руки за спину и защёлкнули на них наручники.

— Да, да! Это я! — он поднял голову вверх и что есть силы крикнул — я на свободе!

— Вы задержаны по подозрению в совершении мошеннических действий и в изготовлении фальшивых денег. Уведите!

Денис обернулся в последний раз посмотреть на место своего пребывания, но увидел только тёмный дверной проём, в котором мелькнула на мгновенье белая фигура.

Ёжик.

Настя вышла из магазина и быстро направилась в сторону своего дома. Тяжёлые сумки оттягивали руку, но это была приятная тяжесть – предвестник свидания с

мужчиной. Настя взлетела на свой третий этаж старого дома, открыла ключом дверь однокомнатной квартиры и с размаху налетела на своих детей: дочери, Аленки, десяти лет и трехлетнего сына, Пети.

— Опять торчите у двери? — он отодвинула детей прильнувших к ней, она быстро направилась на кухню.

Дочь, увидев тяжёлую сумку, насупилась. Она сразу поняла, что последует за такими приготовлениями.

— Доча! — стараясь сделать голос как можно ласковей, не прекращая вытаскивать продукты, крикнула Настя. — Ко мне сегодня придёт дядя Жора. Мы будем праздновать его день рождения, посидите немножко в подъезде?

— Я ещё уроки не сделала, — попробовала соврать Алёнка, хотя уроки она сделала уже давно.

— Ну, сделаешь попозже, ты же у меня отличница! — не отрываясь от продуктов, сказала Настя. — А что же ты делала целый день?

— Я сегодня на кружок ходила, рисования. Потом взяла Петьку из продлёнки и с ним погуляли в парке.

— Денег не напасёшься на твой кружок, — уже с раздражением сказала Настя.

— Зато на водку деньги всегда есть! — буркнула под нос Алёнка, но мать всё равно её услышала.

Он выскочила из кухни и, уже не сдерживаясь, набросилась на дочь.

— Это кто тебя так учит разговаривать с матерью, тётя Вера? — он погрозила кулаком в сторону соседской квартиры. — Я ей, старой карге, ещё покажу, как вмешиваться в чужие дела. Иди, собирай Петьку.

— Да там сегодня холодно, мама! — чуть не плача сказала Алёнка, но под пристальным взглядом матери повернулась и ушла одевать братика.

Настя вернулась на кухню и принялась сервировать стол. Раньше она накрывала стол в комнате, но после того, как они в порыве страсти, с очередным партнёром, опрокинули стол с едой и спиртным, стала готовить угощение на кухне. Нарезала колбасу и сыр, открыла две баночки – с икрой и шпротами. В середине стола поставила бутылку дорогого вина. Заметив стоящих детей в двери и смотрящих, не отрывая глаз, на еду, Настя кинула на два отрезанных ломтика хлеба по колбасе и сыру, сунула им в руки и подтолкнула обоих к двери.

Одновременно раздался звонок в дверь. Хозяйка открыла дверь и впустила своего желанного гостя. Гость вошёл в прихожую и недоумённым взглядом проводил выходящих детей.

— Посидят пока у соседки, — пояснила Настя, захлопывая дверь.

Проводив гостя в комнату, Настя вернулась на кухню, сделала последние приготовления и проскользнула в ванну. Мужчина сел на диван и оглядел комнату. Увидев стоящую в углу двухэтажную детскую кровать, понимающе хмыкнул и, откинувшись на диван, принялся ждать хозяйку.

Настя торопливо разделась, и уже хотела залезть под душ, как выключился свет. Постояв несколько секунд, она направилась в сторону двери, думая, что что-то случилось с выключателем, и наткнулась на чьё-то тело. Одновременно включился и свет. Но он был такой яркий, что на какое-то время ослепил хозяйку. И она только почувствовала, как две пары крепких рук оторвали её от пола и куда-то понесли. От такого поворота событий у Насти даже наступил ступор и пропал голос, когда она хотела позвать на помощь.

Путешествие было недолгим. Глаза привыкли к яркому свету, и Настя разглядела тех, кто её нес – мужчины с масками на лице. Через минуту она полулежала в гинекологическом кресле с прикреплёнными к нему несколькими хомутами, и зажимавшие ей руки и ноги.

— Хорошо, что ты раздетая, — непонятно откуда выплыл человек одетый с головы до ног в белую одежду. — Моим помощникам меньше работы.

— Кто вы все такие? И что вы делаете в моей ванне? — голос, наконец, появился. И тут же позвала на помощь — Жора!

— Почему вы, женщины, — сразу, не обращая внимание на её крик, перешёл к делу незнакомец, — ставшие матерью, не хотите уделять должное внимание своим детям? Не все конечно, но нерадивых мам достаточно много, для которых ребёнок или даже несколько детей являются просто продуктом животного совокупления. Для помешанных на амбициях мамаш ребёнок становится объектом осуществления своей несбывшейся мечты. Раз они не смогли добиться каких-либо высот в жизни, так, кровь из носа, пусть их дети, даже если у них нет никакого желания и способностей, становятся музыкантами, танцорами, художниками и, хуже всего, выдающимися спортсменами. У спортсменов, в отличие от людей творческих профессий, и время активных выступлений коротко, и много травм, и единицы становятся чемпионами. На пьедесталах ведь всего три места. А есть мамаши, для которых ребёнок всё равно, что дорогая сумка – надо за ней ухаживать, что-то в неё вкладывать. Но если вдруг этот

предмет проявит свои детские желания… Можно и за волосы потрепать, а то и затрещиной наградить. Но есть и такие, которые готовые положить жизни своих детей в угоду его величеству оргазму. Этих конечно единицы. А есть и такие, которые, чтобы не потерять мужика, не обращают внимания, не заступаются и не ограждают от издевательств со стороны сожителя или мужа. А есть и такие матери, которые делают вид, что не видят как сожитель или отчим домогаются до её дочерей! Твой случай, конечно же, не такой подлый, но всё равно можно придумать что-то, чтобы твои дети не страдали.

— Да что тут придумаешь, когда у тебя однокомнатная квартира, — с равнодушным видом ответила Настя.

— Отвезти детей к своей матери. У неё двухкомнатная квартира, сильно ей не помешают. Она, конечно, будет от такого предложения не в восторге, у вас наверно это семейное – не любить детей, но можно, наступить себе на горло и не ссориться с ней по пустякам, уступить ей.

— Так у неё претензия на претензии: то он на меня всю молодость положила, то детей не так одеваю и кормлю, то деньгами ей не помогаю. Хотя у самой пенсия почти как у меня зарплата, она, видите ли, - ветеран труда и номенклатурный работник!

— Можно договориться со старушкой на втором этаже..

— Да она меня гулящей обозвала! — закричала Настя.

— А ты сама кем себя считаешь?

— Я мать одиночка. И этим всё сказано! — Настя отвернула голову в сторону, как-будто хотела закончить неприятный ей разговор.

— Ну, была соседка в плохом настроении, да мало ли кто что скажет. — И после короткой пуазы спросил пленницу — А ты не знаешь, почему она живёт одна? — И не дождавшись ответа, сказал — У неё тоже двое детей, к которым она относилась почти также как ты. А теперь пожинает плоды своего воспитания.

Наступила пауза. Перед Настей появился ещё один человек, у которого поверх фиолетового костюма был надет белый халат. С собой он нес, поблёскивающий всеми своими никелированными замочками, медицинский саквояж.

— Можно подружиться со своей соседкой, тётей Верой, — продолжила белая фигура. – К твоим детям она относиться хорошо. Правда у неё и своих внуков хватает, но она хороший, душевный человек. Но это совет тебе на будущее, а пока что наш доктор установит сейчас тебе один «прибор», я называю его

морализатор. Действовать он будет полгода. Помиришься со всеми, и он рассосётся.

— Да какого чёрта! Кто вам позволил? — сорвалась Настя.

— А я не у кого и не спрашиваю. И от кого поступила просьба, попробовать тебя перевоспитать, тоже не скажу, - ответила белая фигура и направилась вглубь помещения.

Доктор уже раскрыл свой саквояж и достал пару инструментов и маленькую коробочку. Открыв коробочку он осмотрел лежавший в нем перламутровый шарик. Затем взяв пинцетом шарик дотронулся до толстого цилиндра лежавшего на столике. Проскочила небольшая искра, и шарик на мгновение выпустил по всей поверхности тонкие иглы и тут же они втянулись назад. Доктор удовлетворённо кивнул и засунул пинцет с шариком глубоко во влагалище женщины…

Настя быстро вытиралась и одновременно ругала свою голову, которой приспичило сочинить какую-то галлюцинацию. Она надела только откровенный яркий халатик и поторопилась к ухажеру. Выпив по бокалу вина и слегка закусив, любовники отправились в постель. Но первый же любовный стык привёл к неожиданному результату. Ухажер с воплем соскочил с кровати и закрутился по комнате.

— Ты что? Засунула себе десяток спиралек? — потирая своё достоинство, спросил он.

— Да у меня и одной даже нет! Я принимаю таблетки. — Настя была в полном недоумении.

— А обо что я укололся? — он осторожно разжал пальцы и оглядел свой член. Затем облегчённо вздохнул, — всё в порядке.

Настя протянула к нему руки и призывно улыбнулась. Но мужчина, всё ещё морщась от затихающей боли, быстро оделся и, не попрощавшись, выбежал из квартиры. Насте пришлось поторопиться и она быстро оделась, потому что после ухода гостей дети сразу возвращались в квартиру. На этот же раз ей самой пришлось идти за ними. Аленка сидела на подоконнике и придерживала руками растянувшегося на нем уснувшего брата. Пока Настя, вышедшая в подъезд в одном платье, дошла до детей она почувствовала, как сегодня было холодно. Она резко стащила вниз сына и встряхнула его, чтобы он просыпался, сестра соскочила следом и стала подниматься по лестнице.

— Иди, делай свои уроки! — недовольным голосом крикнула ей через плечо Настя.

— Да я уже давно их сделала! — огрызнулась дочь.

— Так ты что, мать обманываешь? — неудовлетворённость переросла в бессмысленную злобу, и она замахнулась на дочь.

В то же мгновение что-то взорвалось у неё внизу живота, вспыхнула ужасная боль, и Настя потеряла сознание…

Настя открыла глаза. Рядом стояли врачи и тихонько беседовали с тётей Верой.

— Ничего опасного я не обнаружил, пусть отдохнёт несколько дней. Вызовите терапевта, на всякий случай. Больничный оформите. — Доктор протянул соседке таблетки. — Пусть принимает два раза в день.

Доктор ушёл. Настя почувствовала тяжесть на животе и опустила взгляд. На животе, поперёк её туловища лежал Петя и спал, крепко ухватившись за её платье. Соседка укрыла ноги Насти и Петю, проверила Алёнку, спавшую на своём месте, и со словами: «Всё будет хорошо!» вышла из квартиры. Надя ещё долго лежала, не решаясь перенести сына на его кровать, и думала, думала, думала…

Ступор.

Молодой человек, довольный полученным результатом, откинулся на спинку кресла на колёсиках, оттолкнулся от компьютерного стола и, крутанувшись в кресле, остановился посередине комнаты.

— Ты крутяк, Валера, крутяк! — сказал сам себе вслух парень и с удовольствием потянулся, разминая затёкшие мышцы.

Мысль, что на твоём счету прибавилось несколько десятков тысяч рублей, приводила его в восторг. Он вскочил с кресла и стал отплясывать какой-то танец, размахивая руками и выбрасывая ноги в стороны. Наконец, устав от своего танца, он, развернувшись на ходу, закрыв глаза, опрокинулся на свой большой, с мягкими подушками, диван. Но, не почувствовав, что тело опустилось на диван, резко открыл глаза. Вокруг была густая темнота, не было видно даже своего тела. Валера моргнул несколько раз, но темнота не исчезла. Хуже того, он понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Эй, кто-нибудь! — попытался крикнуть он. Все слова остались только в голове, — не работал и язык. — Неужели так приходит смерть? — Его внутренности сжались от этой мысли.

Это движение взбодрило его: «Раз что-то во мне дёргается – значит, я ещё живой!».

Он пошарил вокруг себя – ничего! Ни дивана, ни какого другого предмета или опоры. Валера даже не мог понять - где верх и где низ. «Наверно я всё-таки умер» - подумал он уже спокойно. Но тут его подхватили несколько сильных рук, и, одновременно, в глаза ударил яркий свет.

— Эй, кто тут? — машинально, язык снова слушался хозяина, вырвалось у него.

С инстинктивно зажмуренными глазами он только чувствовал, что чужаки производят какие-то манипуляции с его руками и ногами. Он хотел поднять руку, чтобы, закрывшись от источника света, посмотреть что происходит, но она уже была к чему-то прикреплена. Тоже было и с другой рукой. Внезапно шорох вокруг него стих. Валера опустил голову пониже и попробовал приоткрыть глаза. Он увидел, к своей радости, ноги. Они были в железных колодках и пристёгнуты ремнями к стойкам. Тогда он посмотрел на руки – они тоже были пристегнуты к тем же стойкам, справа и слева от него, широкими кожаными манжетами. Стойки оказались, когда его глаза привыкли к свету и он смог оглядеться, частью рамки, в которую его поместили.

Он огляделся вокруг. Во все стороны была видна лишь густая темень. Не было видно ни стен, ни пола, ни даже потолка, с которого на него светил одинокий светильник. Радость, оттого, что он оказался живой, сменилась тоскливым чувством неизвестности о его дальнейшей судьбе. Пленник уже набрал воздух в легкие, чтобы крикнуть погромче, но впереди него что-то замаячило, какое-то светлое пятно. По мере приближения оно стало приобретать очертания, и перед ним вскоре появилась человеческая фигура. Белое облачение с головы до ног, белая маска на лице с прорезью для глаз – странный вид человека не предвещал ничего хорошего.

— Кто вы? — первым не выдержал пленник.

— Как вы достали меня этим вопросом! – ответила белая фигура и, помолчав, добавила. — Главное, кто вы все, кто попадает ко мне! Что собой представляете, почему становитесь моими клиентами!

— И почему я здесь? — последовал вопрос пленника.

— Это правильный вопрос! Конечно, я считаю своим долгом объяснить моим вынужденным гостям, за что я их вытащил к себе. Должен разъяснить, что такое чёрное в жизни, и что такое белое.

— Да с какой стати я буду всё это выслушивать? — возмутился пленник. — Я и сам разберусь, что считать правильным, а что нет.

— Ну, это в принципе правильно, но только до тех пор, пока вы не вмешиваетесь в чужую жизнь. Более того, портите её.

— Да кому я что испортил? — искренне удивился пленник. – Ну, так, по мелочи зарабатываю себе на жизнь – компьютер настроить, программу установить…

— Я имею в виду твою хакерскую деятельность.

Под пристальным взглядом синих глазниц на маске белой фигуры Валера опустил голову.

— Откуда вы знаете? — он только и нашёлся что ответить.

— У меня очень хорошие помощники. И если ко мне обратились за справедливостью, я обязательно найду виновного! — Белая фигура сделала небольшую паузу, словно решая с чего начать. — То, что ты обираешь взрослых и неграмотных, в компьютерном отношении, людей – это их проблемы. Но ты недавно обидел, правда денег от них ты не получил, мальчика, инвалида детства. Компьютер которого, подаренный ему добрыми людьми, ты смог заблокировать. А для него монитор это окно в мир, в который он не может выйти. А если и выходит, то в инвалидной коляске. Которую очень трудно опускать и поднимать на третий этаж, через ваши, неприспособленные для таких людей, подъезды. Посоветовавшись со специалистами, мать ребёнка не стала посылать тебе деньги. Ведь ты всё равно, не стал бы разблокировать технику, как поступал с другими твоими жертвами. Но ей пришлось потратиться на компьютерную фирму, восстановившую работоспособность компьютера, а для неё это не маленькие деньги. Поэтому наказание…, впрочем, это не наказание – а указание, послать ей по адресу, который мы тебе подскажем, потраченную этой семьёй сумму, плюс такую же, за нанесённый моральный ущерб. Адрес и сумма будет высвечиваться у тебя на лбу, когда ты будешь чистить зубы, а зубы, и это мне известно, ты чистишь два раза в сутки, и это правильно. Ну а как наказание – ты не должен три месяца подходить к компьютеру, планшету, ноутбуку – любому устройству с которого ты может отправлять свои вредоносные программы. Каждый подход, если осмелишься, будет увеличивать срок наказания на месяц.

— А чем мне заниматься столько времени? И кто мне помешает делать то, что я хочу? — с усмешкой спросил Валера, поняв, что скоро его отпустят.

— Займись учёбой, восстановись в институте, который ты забросил. А к компьютеру тебя не пустит не кто, а что – специальное устройство.

Из темноты вышли три человека затянутые в закрытые фиолетовые трикотажные костюмы с глухими капюшонами, на которых были закреплены сетки для глаз. Внезапно голову пленника зажало в каких-то тисках и одновременно рамка, в которой он стоял, стала проворачиваться на шарнирах и установилась в горизонтальное положение. Один из помощников установил надо лбом пленника небольшой прибор и набрал на его сенсорном экране небольшой текст. Затем нажал кнопку «Пуск» и на лбу высветился набранный текст. Валера почувствовал, что лоб стал нагреваться и хотел сказать об этом своим мучителям, но голос опять пропал. Перестали шевелиться и пальцы на руках.

Помощники принесли ещё две небольшие конструкции, очень похожие на скелет кисти и прикрепили их на тыльную сторону кистей рук пленника. Помощники отошли от рамки и замерли. В приборе надо лбом запищал зуммер…

Приземление на диван было как обычно. Валера уставился в потолок и не мог понять – это было на самом деле или ему приснилось.

Он посмотрел на кисти рук. Всё как обычно. Потрогал лоб и ничего не нащупал. Для полной уверенности он прошёл к зеркалу в прихожей – ничего. Чистый лоб. Валера уже повернулся, чтобы вернуться назад в комнату, но тут его остановил звонок в дверь. На пороге стоял сосед по площадке и протягивал ему смартфон.

— Не посмотришь на досуге, что-то барахлит, — попросил он.

Валера протянул руку, чтобы взять гаджет, но внезапно все пальцы на ней выпрямились, словно их схватила судорога.

— Положи на столик. — Сказал соседу хозяин, не отрывая взгляда от своей руки.

Валера вернулся в комнату, на ходу разминая застывшую руку другой. Наконец рука пришла в нормальное состояние, и он решил посмотреть в Интернете, что за недуг случился у него с рукой. Валера сел в кресло и подкатился к столу. Он выбросил к клавиатуре руки и застонал от боли. Пальцы на обеих руках выгнулись в обратную сторону вверх, под углом. Валера оттолкнулся ногами от пола и выехал опять на середину комнаты. И тут почувствовал ещё одну боль – на лбу, словно его облили кислотой. Он кинулся в прихожую, к зеркалу.

На лбу, вместе с затихающей болью, медленно исчезала надпись…

Чёрное, белое…

Отец Симеон думал о том, что сейчас дочитает он молитву, перекрестится, и пойдёт хорошенько отобедает. Он знал, что его ждут горячие блины, рассольник, жареная рыбка и пару стопок хорошей водки. Слова молитвы, выученные за два десятка лет службы, сами вылетали изо рта, не мешая представлять ему накрытый стол. На последних словах молитвы он всегда закрывал глаза, привычка осталась после семинарии, чтобы слова звучали проникновеннее. Одновременно он сложил пальцы в троеперстие, чтобы отбить крест, открыл глаза, и его рука застыла в воздухе. Перед ним и вокруг, вместо прихожан, заполнивших сегодня церковь, была кромешная темнота. «Отключили свет? Или происки дьявола? Во время молитвы? Да нет… Не может быть!» – подумал священник. И в это время над ним зажёгся свет.

— Бездельники тоже любят вкусно поесть? — внезапно раздался чей-то голос. Из темноты появился человек и приблизился к отцу Симеону. — Руку, пока, можете опустить.

Человек был одет в белую мантию, с капюшоном, с маской на лице. На маске были только прорези для глаз, в которых виднелся тёмно-синий свет.

— Где я? — невольно вырвалось у священника.

— Точно сказать не смогу, но однозначно не у дьявола. И не спрашивайте меня кто я. Это не важно. Важны последствия нашей встречи. А они не в вашу пользу.

— Да в чём дело? — освоившись с обстановкой, уже возмущённо спросил отец Симеон. — И с какой стати вы называете меня бездельником?

— А как называть человека, который делает бесполезную работу, и, зная об этом, продолжает её исполнять? Да, вы не переживайте что вас переодели в рясу. Просто ваш золоченый наряд здесь не к месту.

Священник поглядел на свою одежду. Действительно одежда на нём сменилась. Теперь на нём была простая ряса. «Когда только успели?» – удивился он и сказал:

— Я делаю очень полезную работу – даю надежду людям! — Странно, но в глубине души священник сразу понял, что юлить перед этим человеком нет смысла.

— То есть вы согласны, раз не пытаетесь сослаться на бога, что единственная ваша задача — успокоить, наврав, человеку относительно его местонахождения

после его смерти? Так, Семён Семёнович?

Священник пристально посмотрел на белую фигуру. Так глубоко проникнуть в его тайные помыслы не удавалось ещё никому. «Так даже лучше – не надо врать» – подумал Семён Семёнович, перед тем как ответить.

— Люди стараются получить от жизни то, что хотят и становятся от этого счастливее. Это закон бытия. Что-то поел, что-то одел, куда-то сходил – исполнение желаний главная цель человека в течение его существования. Конечно, после желания выжить, во что бы то ни стало. А если ты выжил и затем обеспечил себе спокойную безбедную жизнь, хочется чтобы и после смерти всё это продолжалось. Тем более что такое желание подталкивает самое острое чувство – страх! Страх того, что ты полностью исчезнешь с поверхности этой планеты. Навсегда. И тут тебе подносят на блюдечке мысль, что можно присоединится к такому сообществу, где ты получишь, при соблюдении установленных правил, возможность существовать вечно. И для этого ничего особенного делать не надо. Повторяй за проповедниками их слова и жесты. Сильно не задумывайся, а главное, а куда от это денешься, плати. Даже после смерти, как ни цинично это звучит. И есть такие люди, я тоже из их числа, которые могут попользоваться этой ситуацией, для того чтобы пожить в своё удовольствие, не чувствуя за собой какой-либо ответственности и угрызений совести. Спрос рождает предложение – закон жизни!

Священник перевёл дыхание и, поняв, что его не собираются перебивать, продолжил:

— Мне жаль человека, не уверовавшего в господа нашего, так сказать, Бога. Ведь ему будет в голову возвращаться вновь и вновь мысль о том, что все его дела, его помыслы, наконец, мысли - умрут вместе с ним. Даже факт того, что все, что он ни делает, останется наследникам и людям, не могут успокоить его. Надо отбросить все сомнения насчёт реальности существования Творца, существования Рая, и просто верить, верить и верить! Как мне сказала одна прихожанка – так спокойнее.

— А я думаю, что сомнение, которое точит разум человека каждый день, это постоянное состояние религиозного фанатика. О каком спокойствии может идти речь. — Внезапно прервал речь священника оппонент. — Об этом говорят непрекращающиеся изо дня в день молитвы. Складывается такое впечатление, что, если человек не будет ежедневно молится, то его сомнения будут давить ему на душу. Поэтому необходимо постоянно обновлять веру. А не то, и тут я согласен с вами, его место займёт страх. Но! Вообще-то мне всё равно, чем человек себя тешит. Итог его жизни всегда, и для всех, один. Хочет человек

думать, что его любят, ценят или, как в нашем случае – ждут за облаками, не замечая, или закрывая глаза на то, что его представления об окружающем мире и реальные поступки людей не поддаются логическому осмыслению – это его проблемы. Но зачем же пользоваться этим, наживаясь на нём! Обязательно нужно купить свечку! Да со своей, как в ресторане с выпивкой, не приходить. Не той, они понимаете ли, святости. И в итоге получается, что билет в Рай, за долгую жизнь человека, обходится ему в кругленькую сумму; я имею в виду, конечно, все платные мероприятия, установленные церковью для прихожан. Кстати, почему, помимо прочего, я назвал вас бездельником? Ведь вы же не за все имена, написанные в поминальных записках, молитесь. За исправно уплаченные деньги отлыниваете от своих обязанностей. — Священник после этих слов отвернул голову в сторону. — А вы, Семён Семёнович, как-то подумали, между прочим, о том, что Бог рай-то закрыл, ещё в начале времён, а? И в настоящее время ваша организация похожа на недобросовестного застройщика, который деньги собрал с дольщиков, а дом не построил! Здесь, я скажу прямо, это очень смахивает на мошенничество!

— Эти правила не я устанавливал. И, вообще, это дело добровольное. — Уклонился от ответа на поставленный вопрос священник. Эта лекция не произвела на Семёна Семёновича никакого впечатления. Такие выступления он уже слышал не раз.

— Ну что ж, — словно прочитав мысли священника, продолжила белая фигура, — тогда вступительную часть завершим и перейдём непосредственно к тому, зачем я вас сюда призвал.

— Призвать меня может только Бог! — скороговоркой произнёс Семён. И, поколебавшись пару секунд, добавил — Надеюсь, вы не ведёте видеозапись?

— Ну, тогда я просто вас переместил. А записи я не веду, не беспокойтесь. И перейдём к делу. Вы, как один из влиятельных лиц церкви в городе, можете повлиять на вопрос передачи церкви здание кукольного театра. Или говоря иначе, здания, построенного на фундаменте церкви, разрушенной очень давно, при большевиках, властями города.

— Так им обещали найти другое помещение. — Усмехнувшись своим мыслям, ответил Семён.

— Ваша усмешка над решением городских властей мне понятна. Вы предполагаете, а я точно знаю, что это затянется на несколько лет; уточняю – на четыре с половиной года. Плохо, что вы ради прибыльного места хотите лишить тысячи детей радости встречи с настоящим искусством. Кроме того, вы

разрушается устоявшийся коллектив артистов, хороших артистов. Работающих не за такие уж большие деньги. Вы, пользуясь вашей терминологией, отбираете «намоленное» культурой место, можно сказать родной дом у коллектива театра. Вместо центра познания огромного мира, вы откроете узкоспециализированную лавку церковных принадлежностей…

— Нет, нет и ещё раз нет. Мы не отступимся. — Твёрдо ответил Семён, подумав о том, как отреагируют в епархии на отказ от лакомого кусочка.

— Ну что ж. Я ухожу! Закройте глаза, чтобы не было неприятных ощущений.

Белая фигура растворилась в окружавшем собеседников мраке. Вдруг свет стал гораздо ярче, заставив Семёна Семёновича невольно закрыть глаза, и тут же погас. Через мгновение пленник услышал людской тихий говор. Отец Симеон медленно поднял веки… Вся его паства выжидательно смотрела на него – ждала завершающего жеста. Священник поднял руку и перекрестился. Толпа ахнула и уставилась на кисть проповедника. Он тоже посмотрел на неё – вместо сложенных трёх пальцев из сжатого кулака торчал только средний палец. Отец Симеон попытался разжать кулак, но у него ничего не получилось, словно руку свело сильной судорогой. В голове тревожно забилась только одна мысль: «Всё-таки дьявольщина… Непременно дьявольщина…».

Я ухожу!

Мужчина сел за приготовленный для него стол, пододвинул к себе лист и пробежался по тексту. Текст был почти такой же, как и на прошлый Новый год, с маленькими изменениями. «Неужели кому-то нужны эти поздравления?» –думал он, слушая подготовительную суету в студии. «Как меня всё это достало!» – он закрыл глаза и помассировал виски. Студийный шум в ушах внезапно исчез. «Началось» – догадался мужчина и открыл глаза.

В студии стояла кромешная темнота, за исключением его стола – свет падал сверху ярким столбом и образовал круг, посередине которого сидел он.

— Эй! — крикнул он в темноту, — что случилось?

Внезапно напротив него, из темноты, словно из стены, вышел человек. Человек был одет в белую мантию с капюшоном на голове и в маске, полностью скрывавшей лицо. Такого персонажа в протоколе выступления не было и у сидевшего за столом мужчины появилось тревожное чувство.

— Охрана! — вырвалось у мужчины.

В ответ не прозвучало ни слова. Окружавшая стол темнота равнодушно проглотила прозвучавший выкрик. Белая фигура приблизилась вплотную к столу, и стало видно, что на маске были только прорези для глаз. Тёмно-синий цвет, видневшийся в глазницах маски, словно притягивал взгляд мужчины и гипнотизировал его, так, что мужчина почувствовал как похолодели кончики его пальцев.

— Что происходит? Вы кто? — мужчина сделал попытку встать, но ноги не хотели его слушаться.

— Да вы не волнуйтесь, вам ничего не угрожает. А встать вы не можете по моей воле, мне так удобней с вами разговаривать, — послышался чей-то голос.

— Да кто вы? И что вам от меня нужно? — в голосе невольного пленника появилось раздражение.

— Я поверенное лицо тех людей, которые недовольны вашим правлением. А таких людей в вашей стране набралось очень много, даже среди тех людей, которые голосовали за вас на президентских выборах. И, к слову, естественно, ваше новогоднее поздравление их только раздражает, а некоторых так просто бесит.

— И чем же я провинился перед ними? — президент откинулся на спинку стула и расслабил узел галстука. Разговор с незнакомцем переходил в обычное русло обвинений. Но большой багаж отговорок, которых у него накопилось в избытке, в течение его президентского срока, вернуло ему спокойствие.

— О! Список большой и разнообразный. Но весь список я оглашать не стану. Назову некоторые из него.

— Ну, ну, — раздражённо процедил сквозь зубы президент.

— Один из главных пунктов, конечно же, это Беловежские соглашения. За полгода до этого вся советская страна, большинство населения, если быть точным, проголосовала за сохранение Советского Союза. И вот собираются три человека, разными путями пробравшиеся на вершину власти и говорят: «А плевать мы хотели на всё это голосование. А плевать мы хотели на мнение миллионов людей. А плевать мы хотели на те потрясения, которые неизбежно сопровождают масштабные перемены в таких случаях, в истории немало примеров этому, будут в стране. Мы ведь наверху, всегда урвём кусок для себя. А народу скажем – терпите!»

— А народ для того и существует, чтобы терпеть. — Подал голос президент. — Работать, рожать работников и терпеть! И копить богатство страны…

— Которое люди на верхушке власти и приближённые к ним могут, не напрягаясь, делить между собой. Давно отработанные человечеством технологии.

— Ну и что? Меня же они выбрали в президенты, значит, я их удовлетворяю, — хохотнул президент.

— Просто они не знали, на что вы способны. Увидели мужика на трибуне, бьющего себя в грудь и обещающего светлое будущее, и их недоразвитый менталитет повёл к избирательным урнам голосовать за, скажем откровенно, краснобая. Который приведёт страну к дефолту. Попутно подарив народу разгул преступности, рейдерство, финансовые пирамиды, развал промышленного и сельского хозяйства, снижение обороноспособности армии и флота. Особенно моих просителей удручает преклонение перед иностранцами. Кстати, первый звонок, после подписания Беловежских соглашений, вы сделали президенту США, отчитались перед ним…

— Это чтобы он по нам баллистические ракеты не применил, — отговорка из уст президента вылетела мгновенно.

— А американские специалисты, приглашенные вами, которые заперлись в одном из российских министерств и сутки никого не пускали, что-то переделывали в серьезных документах. А рассекреченные электронные средства слежения в строящемся американском посольстве? Уступили ли они впоследствии хоть в чём-нибудь, что касалось их интересов в мировой политике? Проигнорировали вас со спокойной душой, как-будто вы пустое место.

— Если вы хотите надавить на мое самосознание – то зря, — отмахнулся равнодушно президент. — И не такие клоуны стыдили меня.

— У меня другая функция – содействовать восстановлению справедливости. — Белая фигура сделала паузу. — Почему вы не вернули в Россию Крым? Раз разрушается «Союз нерушимый», то верните то, что им, Украине, никогда, в прошлом, не принадлежало. В тот момент это сделать было гораздо проще, чем это произойдёт в будущем. И это одна, кстати, из ваших бед – недостаточно просчитанные решения, которые вы принимали, находясь во главе огромного государства.

— А что, Крым отдадут? — недоверчиво спросил мужчина.

— Нет, не отдадут. России придётся применить силу, силу оружия и, в основном, силу воли, подкреплённую массовым желанием крымчан вернуться на историческую родину. И появиться, надолго, необоснованный повод для многих европейских стран и Америки, обвинять Россию во всех смертных грехах. Крымчане, вскоре после развала союза, молодцы, сами провели референдум о том, что хорошо бы вернуться в лоно России, но вы не протянули им руку помощи.

— Я был занят другими, более важными делами.

— Конечно, необходимо было выполнить наказ Шарикова: «Отнять и поделить!». И поделить таким образом, чтобы львиная доля богатства страны оказалась в руках кучки приближённых лиц, чтобы могли «попастись» иностранные инвесторы, чтобы директорский корпус смог, используя административный ресурс, прибрать к рукам руководимые ими же предприятия. Придумана была операция «Ваучеризация» и хватило десять секунд, по историческим меркам, чтобы в вашей стране появились богатые люди. Куда до них всяким Морганам, Рокфеллерам и Ротшильдам, которые свои богатства собирали десятилетиями. Да и своих родственников вы пристроили на денежные места, не так ли?

— Не ваше дело! — президент демонстративно отвернулся и понял, что он снова может управлять своим телом.

Президент резко поднялся и направился в сторону двери, через которую он вошёл в студию. Он дошёл до края освещённого круга и решительно шагнул в темноту. Через некоторое время он вступил в круг совсем с другой стороны, с выставленными перед собой руками. Постояв немного, президент вернулся за стол и тяжело опустился на кресло.

— Продолжим, — бесстрастным голосом продолжила белая фигура. — Одна из грубейших ошибок вашего правления, это война в Чеченской республике. Отдавать людям в руки оружие, живущим на этой территории, где коррупция один из основных элементов сосуществования, оказался большим просчётом, приведшим к многочисленным жертвам, военным и гражданским. Если уж нельзя было вывезти всё оружие и боеприпасы с территории Чечни, необходимо было его уничтожить на месте, или вывести из строя. Вы проявили малодушие, недальновидность, нерешительность для наведения порядка в республике. Частично вас может оправдать лишь то обстоятельство, что раньше наши властные структуры не сталкивались с подобной ситуации на своей территории. Но, как ни крути, результата вы не добились. И получили к тому же большую проблему у себя на юге страны. Проблему эту придётся, без сомнения, решать вашему преемнику.

Президент, сидевший уже давно с красным лицом, ослабил узел на галстуке и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Маленький довесок к вашему портрету. Негоже руководителю такой страны появляться в пьяном виде на людях. Пьяным упали с моста, пьяным дирижировали оркестром в Германии, даже пьяным не смогли выйти из самолета, когда прилетели на официальный приём. Просьба от огромного количества людей – оставьте этот пост! Единственно что у вас хорошо получается – добавлять нули на купюры, как в какой-нибудь Зимбабве!

Президент обхватил голову руками, опёрся локтями на стол и застыл. Просидев минут двадцать с закрытыми глазами и что-то шепча себе под нос, он внезапно откинулся на спинку кресла и открыл глаза. Вокруг шли последние приготовления к записи его речи. Он застегнул пуговицу, поправил галстук и посмотрел в объектив камеры.

— Тишина в студии! — раздался голос режиссёра. — Запись!

Через несколько секунд в студии раздалось: «Я ухожу!»…

Десять секунд.

Леонид быстрой походкой шёл домой, обещал дочери сводить её покататься на снежную горку, опробовать недавно купленную «ватрушку». Подаренная на день рождения она долго стояла накаченная на балконе – не было долго снега. И вот вчера выпал первый снег, засыпав толстым слоем землю и всю растительность. Первозданная белизна долгожданного снега подняла хорошее настроение. Проходя мимо магазина он вспомнил, что жена просила его купить батон и свернул к магазину. В магазине, к его удовольствию, было всего два клиента, один из которых уже расплатился за свои покупки и направился к выходу. Второй покупатель, по виду пенсионер, разглядывал что-то на витрине. Леонид попросил продавщицу подать батон, отдал деньги и уже направился к выходу, как услышал окрик:

— Ты чего без очереди лезешь?

Леонид обернулся. Пенсионер, мгновенно раскрасневшийся, смотрел в его сторону. Щёки тряслись от возмущения, глаза расширились, подрагивали крепко сжатые губы.

— Да пока вы что-то разглядывали, — начал было оправдываться Леонид, — я быстренько купил вот только батон. Извините, пожалуйста.

— Да мне наплевать на твои извинения. Чтобы ты подавился своим батоном.

Хорошее настроение улетучилось. Леонид молча развернулся и пошёл к двери. И уже открывая ее, услышал, брошенные ему в спину, проклятия:

— Чтобы тебе жена изменяла. И денег у тебя чтобы не было. И чтобы дети твои болели постоянно…

У Леонида невольно сжались кулаки. Он обернулся и, стараясь не срываться, сказал:

— Да всего-то десять секунд…

— Пошёл отсюда к своей долбанной семье, урод! — Пенсионер распалялся всё больше и больше. — Тварь, подонок, дебил!

Леонид почти выбежал на улицу.

— Надо же, — постояв несколько секунд и выдохнув из себя остатки злости, он сказал себе, — из-за десятка секунд так накинуться на человека. Ну, ничего. Жизнь ещё тебя накажет, хам!

…Потап Иванович лежал на кровати и тяжело дышал. Последняя стадия онкологии добросовестно заканчивало свою работу. Жена больного обзвонила всех родственников, чтобы приехали проститься с её мужем и почти все они собрались у его кровати. Потап Иванович смотрел в потолок и почти не слушал, что ему говорили печальные гости. В груди у него вдруг что-то неприятно закололо, кожа над этим местом стала натягиваться и зудеть, но сил протянуть к ней руку не хватало. В глазах больного потемнело. «Всё…» – подумал он и с трудом оглядел собравшихся. Но никто из присутствующих словно не замечал состояние больного. И, что странно, подумалось больному, словно все застыли. Даже племянник, протянувший, к кому-то руку, так и стоял в этом неудобном положении. Боль резко отпустила и, теперь он заметил, что потемнело не в его глазах, а в комнате, хотя за окном был солнечный день.

Какое-то белое пятно появилось в дальнем углу комнаты и стало приближаться к нему, плавно огибая сидящих и стоящих гостей, постепенно обретая очертания человека.

— Так это же ангел! — подумал больной, разглядев белые одеяния на нём. — Правда почему-то без крыльев и с маской на лице…

— Ну-ну, Потап Иванович, — внезапно произнесла белая фигура, — ангел вам не положен.

— Почему это не положен? — окрепшим голосом спросил больной, — что я хуже всех?

— Так ведь не всем ангел положен, только по выбору всевышних сил. Да к тому же вы ещё на земле.

— Кто вы тогда? — с недоумением спросил Потап Иванович. — Что это вы так вырядились? И что вам надо?

— Я здесь по просьбе одного лица. Который, когда-то, вам кое-что задолжал. А насчёт одежды скажу, что это моё форменное одеяние!

Стоявшая у кровати в ногах больного, белая фигура переместилась сбоку от него.

— Да что вам надо? — раздражённо спросил хозяин кровати. — Впрочем, вы уже сказали. А что за долг?

— Десять секунд вашей жизни, когда-то отобранной у вас, не помните?

— Что за чушь? Ничего я такого не помню! Уходите!

— Нет, Потап Иванович, уйти я не могу, не исполнив желание моего просителя. Столько лет я ждал, чтобы выполнить его просьбу и просто так уйти? К тому же долг платежом красен, как говориться.

Больной закрыл глаза и подумал: «Пусть мелет что хочет, не буду его слушать».

Но голос гостя странным образом зазвучал прямо в его голове.

— Но прежде чем выполнить просьбу я должен сказать вам, что поступили вы, надо сказать, что случилось это неприятная вещь давно, очень плохо. Желать, и может даже накликать, беды на семью вашего случайного соседа по очереди из-за нескольких потерянных секунд, недостойная человека речь. Тем более, вы в своей жизни теряли столько времени бесполезно, что тысячекратно перекрыли эти утерянные мгновения. И что ещё хуже, вы тратили время, ради своих карьерных интересов, сотен других людей. Вспомните как, будучи комсомольским вожаком, проводили собрания в институте, где учились. В душе не очень веря в то, что говорили своим однокурсникам. Собирали вы их на мероприятия, спущенные вам из райкома: конференции, демонстрации, субботники. Были, конечно же, люди, которые искренне верили в светлое

будущее и отдавались этой идее всей душой. Но только не вы. С этой же целью вы и в партию вступили, но здесь у вас появились более толковые и могущественные конкуренты. И ваша карьера закончилась на парторге министерства. Но не закончилась ваша деятельность по растрате самого ценного, что есть у человека – времени его жизни. Это были те же самые мероприятия: собрания, итоговые и текущие конференции, слушания по повышению квалификации. На которых люди засыпали под ваш нудный и монотонный голос. Но в этот период добавился ваш главный конёк – отчёты. И каких только отчётов не придумывал ваш незагруженный толковой работой мозг. Итоговые отчёты, перспективные планы, ежемесячные и ежеквартальные производственные отчёты. И множество справок с никому не нужными данными. Кроме вас. Подшить неторопливо в отдельные папочки и затем с удовольствием, долго, попить чайку – вот главная задача на рабочий день. Конечно, у вас была и основная работа, по вашей должностной инструкции. Но она не приносила вам такого удовлетворения, как собирание бумажек. Тем более по основной деятельности надо было ведь ещё напрягаться. А вы это так не любили.

Белая фигура огляделась вокруг, на стены, на которых висело несколько репродукций.

— И вас-то не очень любили родные за ваше занудство. Ни одной фотографии жены и детей. Но это уже другое… Не будем его трогать. Давайте вернёмся к моему делу. Вы получите ваши десять секунд, как только я исчезну. Наслаждайтесь!

Белая фигура отошла в тёмный угол комнаты и постепенно растворилась в полумраке.

В комнате резко посветлело, присутствующие, вернувшиеся к своим разговорам и делам, вдруг услышали звук колокольчика, неизвестно откуда взявшийся, и чёткий и громкий голос больного:

— Как хорошо дышится!

Все обернулись к нему. Потап Иванович даже привстал на локти, почувствовав прилив сил, и дышал всей грудью, словно и не было до этого никакой боли. По щеке больного выкатились слезы, из сверкавших радостью глаз. Жена Потапа Ивановича подошла к нему и протянула к нему руки, намереваясь что-то сказать, но тут вновь прозвучал колокольчик. Больной опустился снова на подушку и ещё успел еле слышно выдохнуть:

— Конец…

Кожа.

Роберт, не переставая, стучал в железную дверь. Но ему не открывали, хотя он точно знал, что хозяева квартиры дома. Когда ему, работнику коллекторского агентства, начальство передавало данные на клиента, задолжавшего какому-нибудь банку, то он несколько дней следил за ним, выясняя все подробности его жизни: распорядок дня, знакомства, финансовую состоятельность и прочие мелочи.

Роберт нанёс по глазку двери удар, и ещё один удар, стараясь вдавить глазок внутрь квартиры. Но глазок держался крепко, и он приступил к завершающей операции, на сегодня. Потому что был уверен, что задолжница, мать-одиночка с двумя сыновьями школьного возраста, не сможет быстро расплатиться с банком и ему ещё не раз придётся возвращаться к этой двери. Но это его работа – выбивать долг различными, порой и гнусными, это он и сам понимал, методами. Иначе останешься без премии, да и серая зарплата сильно уменьшится.

Коллектор достал из рюкзака банку с краской, кисточку и резиновые перчатки. Натянув перчатки, он осторожно, поддев крышку отвёрткой, открыл банку и, с максимальной осторожностью, стал выводить кисточкой на двери: «Верни долг, тварь!». Он хотел было уже закрыть банку, но увидел никелированную дверную ручку и несколько раз провёл по ней кисточкой: «Пусть разъест, на память, поверхность ручки!». Стараясь чтобы краска не попала ему на руки, Роберт заранее добавил в неё специальную кислоту, чтобы разъедало металл, он закрыл банку, уложил её и кисточку в специальную емкость в сумке. Затем аккуратно снял печатки и бросил их в угол рядом с дверью.

Услышав, что дверь подъезда открывается, Роберт достал солнцезащитные очки и быстро надел их – им на инструктаже в конторе посоветовали не «светить» свои лица. Закинув сумку на плечо и сдвинув на глаза бейсболку, он направился к выходу. Навстречу ему поднимался мальчик, лет десяти. Мальчик поднял голову посмотреть на коллектора, но Роберт закрыл лицо рукой, якобы почесать нос. Через пару секунд он уже вышел на улицу и направился к своей машине…

Прошло несколько дней и Роберт подумал, что пора бы заглянуть к должнице. Он заехал на подземную парковку, расположенную рядом с домом клиентки, аккуратно припарковался на свободное место, и потянулся было к заднему сиденью за рабочей сумкой, в которой был приготовлен набор для другого наказания. В этот момент свет на парковке погас, и Роберт очутился в полной темноте. Выругавшись, он принялся шарить по заднему сиденью, но сумки, в которой был и рабочий фонарик, не нащупал. Он открыл дверь машины, вылез из

неё, достал сотовый телефон, по привычке отметив, сколько сейчас времени, и, включив встроенный светодиод, посветил на машину, чтобы открыть заднюю дверь и найти свою сумку. Машины не было. Подумав, что не мог же он так далеко шагнуть от машины, Роберт пошарил вокруг себя вытянутой рукой. Но ничего не нащупал. Тогда он сделал несколько шагов в сторону, но ни своей, ни чужой машины, у которой он припарковался, он не нашёл. Не зная что и подумать он крикнул, надеясь на чей-нибудь отклик. И тут, вместо желанного ответа, он увидел, что впереди него появился мерцавший, словно приглашавший к себе, слабый огонёк. «Хоть что-то» – подумал Роберт и поспешил к огоньку, становившийся, по мере приближения к нему, всё ярче и ярче. Наконец он стал таким ярким, что Роберту пришлось приложить ладонь к глазам, чтобы не испортить зрение. Он старался смотреть в сторону, надеясь увидеть выход или какую-нибудь машину, но, странное дело, свет словно упирался в густую мглу, которая начиналась прямо от его ног.

— Эй, поверните прожектор! — крикнул Роберт, но просьба осталась без ответа.

Через мгновение, словно кто-то ждал просьбу коллектора, сзади него зажёгся ещё один светильник. Да так близко, что он почувствовал жар на затылке. Роберт отбежал в сторону, даже не успев удивится, откуда он взялся, ведь он только что прошёл по этому месту. Но тут, впереди него, вспыхнул третий, больно ударив ярким светом по глазам. Роберт закрыл лицо уже обеим рукам и закрыл глаза. И сразу же он почувствовал, как этот светильник стал приближаться к нему, обдавая его нестерпимым жаром. На мгновение, сквозь пальцы, он глянул, куда можно было сбежать, и рванул между светящимися шарами. Не думая, что он может врезаться в колонну или стену, Роберт бежал так быстро как только мог. Но это оказалась напрасной попыткой – два шара легко догнали его и летели какое-то время сбоку от него, третий же пристроился сзади. Так они двигались некоторое время, пока Роберт не стал выдыхаться и замедлять движение и, наконец, совсем не остановился. Шары окружили его и стали медленно вращаться вокруг него, постепенно сужая круг. Роберт в ужасе обхватил голову рукам, чтобы хоть немного уберечь её от жара и сел на корточки.

— Стойте, прекратите, хватит — сорвался он в крик, и почувствовал, как высохли его губы, готовые потрескаться от жары в любую секунду.

Но шары, следуя какому-то своему плану, только наращивали скорость и все также сокращали расстояние между ними и жертвой. Роберт стал отмахиваться, уже даже не имея возможности открыть глаза, руками от наседавших на него шаров, но через некоторое время почувствовал, что кожа на руках стал вздуваться и трескаться. Он снова обхватил голову руками, упал, скрючившись,

на бок и в отчаянии закричал:

— За что? — Эхо несколько раз повторило этот вопрос.

И через закрытые веки тут же почувствовал, что свет погас. Вместе со светом исчезла и пекло. Немного подождав, не вернутся ли шары, он медленно перевернулся на спину и осторожно раскинул руки в сторону, стараясь, чтобы обожженные кисти не касались пола. Через какое-то время, даже не сумев определить, сколько он пролежал в этой позе, Роберт подумал: «Неужели всё?», и тут же опять на веки ему упал свет. Он вздрогнул от неожиданности. Но через секунду понял, что это другой свет, не от шаров. Коллектор с трудом открыл глаза, веки почти слиплись, и увидел, весящий перед ним в воздухе, экран, светящийся приятным голубым светом. На экране демонстрировался ролик, который демонстрировал ту самую двери квартиры куда он направлялся, и что произошло в прошлый раз, после его ухода. Роберт увидел себя, уходящего вниз по лестнице, затем показался мальчик, который позвонил в дверь и, когда дверь немного приоткрылась, он схватился за дверную ручку. Затем мальчик посмотрел на свою руку и, видимо, хотел другой рукой смахнуть то, что прилипло к руке. Затем зачем-то стал трясти руками и вытирать их об свою одежду. И когда он, наверно от того что щипало ладони, заплакал, стал вытирать слёзы обеими руками. Изображении на секунду исчезло и вновь появилось. Это было уже другое место – кабинет врача. Доктор снял бинты, которыми было замотана верхняя часть головы мальчика и внимательно осмотрел повреждённое лицо, скривившегося от боли ребёнка, затем перешёл на руки и что-то сказал его матери. Женщина уже наморщила переносицу собираясь заплакать, но сдержала себя, украдкой глянув на сына. Доктор одобряюще похлопал мальчика по плечу и принялся что-то писать. Мать сидела с отрешённым видом, уставившись в одну точку. Затем подняла глаза и посмотрела прямо в экран, в лицо коллектора. Эти глаза становились всё ближе и ближе, заполнив собой весь экран. И в них было столько ненависти, что Роберт невольно закрыл глаза…

Когда Роберт снова открыл глаза, он увидел что лежит возле своей машины со смартфоном в руке. Он осмотрел свои руки – они были в полном порядке. Встав, он посмотрел на гаджете время и застыл в изумлении – время оказалось точно таким же, как и до этого странного происшествия. Постояв немного и ничего толкового не придумав, как объяснить всё это, он сел в машину и решив, что на сегодня приключений хватит, поехал домой. Уже выезжая со стоянки, он заметил в зеркале заднего вида странную фигуру, одетую в белый длинный балахон с капюшоном на голове, которая провожала его взглядом…

По дороге он несколько раз осмотрел свои руки, но не нашёл ни малейшего повреждения. Но его переживания, хотя бы и, он был в этом уверен, в каком-то непонятном мистическом происшествие, нужно было залить каким-нибудь спиртным. Роберт заехал в магазин, за бутылкой водки и закуской. На кассе продавщица подсчитала ему сумму за все продукты и назвала цифру. Роберт достал портмоне и вытянул тысячную банкноту. Через секунду он крутился от нестерпимой боли, стараясь избавится от крепко прилипшей к пальцам купюры, и кричал:

— Кожа, кожа. Моя кожа!...

Удар, ещё удар!

У Вени Карпухина было прекрасное настроение. Первые весенние распустившиеся листочки на деревьях наполнили воздух непередаваемым ароматом и свежестью. Дышалось таким воздухом легко и приятно. А ещё сегодня, сейчас, состоится матч по футболу. Матч, который всегда вызывал большой ажиотаж среди болельщиков, матч местных команд; которое все называли громким словом – дерби. Статистика предыдущих встреч, равное количество побед, подогревало интерес к предстоящему матчу.

Веня шел по направлению к стадиону среди густой толпы болельщиков обеих команд. Предъявив на контроле билет, он направился на фанатскую трибуну. Когда Веня вышел на стадион он невольно замер – размеры стадиона его поразили. Раньше он смотрел футбол только по телевизору, а он, оказывается, совсем не передавал архитектурное величие этого строения. И вот сегодня он впервые вступил на заветную территорию. На днях ему исполнилось восемнадцать лет и отец, как и обещал когда-то, подарил ему билет на стадион, да ещё на такой матч. В придачу ещё познакомил с соседом, членом фанатской группы, чтобы был под присмотром на трибуне, всё-таки первый раз идёт. Поправив клубный шарф, приобретённый по совету всё того же соседа, он поискал его вокруг. Тот стоял возле небольшой группки, внимательно слушая бритого качка стоявшего в центре. Карпухина подошёл к ним и тронул за локоть соседа. Тот, обернувшись, протянул для приветствуя руку и затем, не выпуская её, обратился бритому:

— А у нас прибавление, — и подтянул за руку Веню к, видимо, главному в их толпе.

— Отлично! — он окинул взглядом Веню. — Маечка тоже должна быть с эмблемой нашего клуба. На будущее. А сейчас вот возьми это.

Он, оглянувшись по сторонам, протянул новичку небольшой цилиндрический предмет, завёрнутый в газету. Веня хотел развернуть пакет, но сосед положил на него руку и сказал: «Откроешь позже». Поговорив ещё немного, вся группа отправилась на трибуну, занять свои места в фанатском секторе, прямо позади вратарских ворот. Болельщики постепенно заполняли чашу стадиона и над стадионом, всё громче и громче, повис гул, словно они сидели в улье. Включилось большое табло, на котором поочерёдно высветились названия команд, их составы, фамилии судьей и закончилось всё двумя яркими нулями.

Наконец на поле появились команды. Последовали стандартные процедуры приветствий, фотографирования, обмена вымпелами и розыгрышем стороны поля на котором команды начнут игру. Судья осмотрелся вокруг – всё ли было в порядке на поле, и свистнул, оповещая о начале игры. Футболисты понеслись навстречу друг другу…

К половине первого тайма на фанатской трибуне уже никто спокойно не сидел. Кричали все. Веня, заведённый кричалками энергичных соседей, тоже старался от них не отставать: вскакивал с кресла, махал всученным ему, в суматохе матча он даже не заметил кем, небольшим флагом, свистел в сторону судьи и вратаря команды соперников, которым досталась в первом тайме ближняя половина поля. Страсти подогрел гол, пропущенный командой за которую болели все вокруг него. Тут рядом с Веней оказался лидер фанатов, с возбуждённым взглядом, выхватил пакет из его руки, быстро развернул и достал длинный и тонкий цилиндр, всучил назад его в руку Вени и поджёг коротенький фитиль. Из цилиндра тут же показался шипящий и разбрызгивающий искры огонь.

— Бросай на поле! — выкрикнул новичку бритоголовый.

Ошарашенный таким натиском, Веня изо всех сил метнул цилиндр в сторону поля. Снаряд, описав плавную дугу, перелетел через ворота и угодил прямо в голову вратаря соперников, который продолжал радоваться забитому его командой голу. От неожиданности он сел на поле и стал потирать ушибленное место. Игра остановилась, к вратарю примчались врачи и стали осматривать его голову. После того как ему попрыскали чем-то на голову, вратарь тяжело встал и погрозил кулаком в сторону трибуны. Затем протянул руки к небу и словно помолился, слегка шевеля губами. Игра возобновилась…

Карпухин сидел на своём месте и старался вжаться поглубже в кресло. Он хотел было сейчас же уйти, но заметил, что работники службы безопасности внимательно оглядывают трибуны – видимо искали того, кто бросил снаряд. Поэтому Веня решил уйти со стадиона дождавшись перерыва, смешавшись с толпой. Ему уже не хотелось ничего, только бы исчезнуть с этого места. На душе

скребли кошки…

Судья посмотрел на свои часы и дал свисток на перерыв. Футболисты не спеша отправились в раздевалку, отдохнуть и получить новые наставления. Зрители тоже было приготовились расслабиться, сходить размять ноги, но тут табло, на котором горел счёт после первого тайма, погас на секунду, затем на экране появилась обворожительная, полуголая девушка, которая медленно стала стягивать бретельку своего купальника. Все зрители – и которые хотели пройтись, и оставшиеся на своих местах – уставились на табло. И тут экран ярко вспыхнул и каждый на стадионе почувствовал, как-будто сквозь него проскочила молния. Табло погасло, но через мгновение снова зажглось. На экране появилась голова человека с накинутым белым капюшоном. Лицо было полностью скрыто белой маской с отверстиями для глаз. Через миндалевидные глазные отверстия на зрителей словно лился тёмно-синий свет, заставляя их замереть на месте.

— Удивительные вы существа, люди! — обратилась к аудитории болельщиков голова с табло. — Смотрите, как взрослые люди водят по полю мяч, отбирают его друг у друга, попадают им в рамку с сеткой и это вызывает в вас искреннюю радость, словно вас одарили чем-то значимым – полезными вещами, деньгами, предметами мебели или роскоши. И для того чтобы люди, склонные поддержать ту или иную команду, получили удовольствие от того, что надутая воздухом сфера пересекла, как принято у вас говорить, линию ворот, затрачиваются огромные материальные, энергетические, финансовые и людские ресурсы.

В это время на фанатской трибуне появились два человека в странной одежде: затянутые с головы до ног в фиолетовые трикотажные костюмы. Лица у них были закрыты маскам с сетками на глазах. Они подошли к месту, обходя застывших людей, где сидел Карпухин, не успевший покинуть стадион, подхватили его под руки и понесли с трибуны. Конечной целью были ворота, в которые защищал раненый во время матча вратарь. Они поставили Карпухина в центре ворот и начали производить с ним какие-то манипуляции.

— Пока мои помощники готовят виновного к показательному наказанию, я продолжу. — Картинка на табло сменилась. Вместо головы стал демонстрироваться видеоролик с эпизодом попадания зажжённого снаряда в голову вратарю. Но голос продолжал звучать. — Если я ещё могу понять радость, когда футболисты забивают гол, это бывает красиво, так утверждают болельщики, мастерски исполнено, бывают курьёзные голы, над которыми можно от души посмеяться, то метание предметов в игроков команды соперника я понять не могу.

Картинка опять сменилась на подборку фрагментов футбольных матчей, где болельщики радовались забитым мячам. Вскинутые верх руки, подбрасывание предметов одежды, раскрытые в крике рты, объятья, пожатия рук. И на последних кадрах слёзы горя и слёзы радости, на огорчённых и улыбающихся лицах. Затем на табло опять появилась голова в маске.

— Что же толкает людей проявлять такие эмоции наблюдающих за футбольным, впрочем, и на других спортивных мероприятиях такая же картина, матчем? Издревле человек боролся за место под солнцем на, скажем так, не очень гостеприимной планете. Стычки с другими племенами – обязательный атрибут этой борьбы. По мере появлении правил цивилизованного общежития, человечество изобрело спортивные состязания, не требовавшие жертв, но позволяло выявить первого из когорты равных ему воинов. И рядовые граждане радовались, что их соотечественник, член их племени, оказался на высшем месте пьедестала. А теперь ещё раз посмотрите на составы ваших команд.

На табло появились фамилии футболистов обеих команд, под которыми были флаги тех стран, гражданами которых они являлись.

— Ну что, — продолжила маска — в глазах рябит? И за кого вы тогда болеете? Может, сотворили себе тельца, идола, то бишь клуб с каким-нибудь названием, и хотите, чтобы он стал «золотым»? И лелеете свою, якобы, причастность к этой победе? Победе, в которой львиная доля заслуги принадлежит наёмникам? И часть болельщиков, не обременённые хорошим воспитанием, чувствуя интуитивно, что здесь кроется какая-то несправедливость, вступают в конфронтацию, проще говоря – дерутся, правда не так часто, с болельщиками из других команд?

Тем временем фиолетовые помощники закрепили провинившегося в центре ворот, распятого в виде буквы «Х» и отошли к одиннадцатиметровой отметке, собрав к ней десяток мячей.

— А чем вы, если разобраться, причастны к победам ваших команд и футбольных кумиров? Что, купили шарфик и поэтому ваша команда победила? А может быть, они делятся с вами своими большими зарплатами? Или пускают пожить в свои роскошные особняки? Или запишут вас в почётные члены любимого клуба? Единственная от вас польза – это когда вы сидите перед экраном телевизора и поглощаете разрекламированные чипсы. Да делаете ставки на результаты матчей, изображая из себя знатоков футбола. А может когда ваша команда проигрывает, вы демонстрируете вселенское горе и тем самым как бы укоряете футболистов за их плохую игру? Так для них ваши стенания как с гуся вода! Если даже их задевают ваши претензии, то лишь на пару дней. Потому что, без

обид, мухи, вы понимаете, о ком идёт речь, отдельно, а котлеты сами по себе!

Фиолетовые тем временем разложили все мячи в ряд, параллельно воротам, и один из них поднял руку вверх, демонстрируя свою готовность.

— Последнее что хотелось бы сказать. Зачем смотреть плохой спектакль, а большинство футбольных матчей это из себя и представляют? Да ещё покупать у спекулянтов билеты втридорога? Отвратительные удары по воротам, неточные пасы, откровенная задержка соперника руками за майку, при попустительстве судей? Зачем слушать плохих экспертов и комментаторов, которые выдают такие раритеты как: «…зацепился за мяч; вернулись в игру; ничего страшного что пропустили гол…», обходят острые углы в обсуждении квалификации мастерства футболистов, наверно опасаясь, что получат отказ дать интервью, которые никому, между прочим, мало кому нужны, во время игры, и в телевизионных разборах матчей? Почему судьи наступают на одни и те же грабли, трактуя похожие ситуации из разных матчей разнонаправленными решениями. Зачем, вопрос из вопросов, болеть за пришлых людей, наёмников, заполонивших ваши команды? Но в любом случае нельзя применять насилие, в любой форме, к людям, только потому, что у тебя в голове сложились какие-то понятия, замешанные на плохом воспитании и стадном образе жизни! Поэтому, для молодого человека, хоть и совершившего такой поступок в первый раз, оказавшийся в стрессовой ситуации, которой воспользовался фанат-негодяй, последует наказание. Приступайте!

Фиолетовый, ждавший команды, опустил руку и ударил по крайнему мячу, попав Карпухину прямо в грудь. У Карпухина перехватило дыхание. Подождав пока у парня придёт дыхание в норму, помощник запустил следующий мяч. Второй мяч попал прямо в голову. Следующие мячи стали попадать в разные части тела, ни разу не пролетев мимо цели. После последнего мяча, который попал Карпухину прямо в пах, он повис на верёвках, невольно стараясь согнуться в три погибели. Через некоторое время боль отпустила, Карпухин встал на ноги и увидел, что мячи опять выставлены и от отчаяния закрыл глаза. Первый же, посланный в него мяч, угодил ему прямо в нос, и Веня почувствовал как из носа медленно потекла кровь. Он закрыл глаза и приготовился получить очередной удар, но вместо этого кто-то стал вытирать ему кровь с лица. Он открыл глаза. Помощники развязывали узлы. И, как только пленник был освобождён, подхватили его под руки и понесли к ближайшему подтрибунному тоннелю. И прислонив его к стене, исчезли из поля зрения. Веня посмотрел на табло. На нем опять горели цифры. Стадион гудел как улей, осуждая увиденное происшествие.

— Да пошли вы все к чёрту с вашим футболом! — процедил Карпухин сквозь зубы и направился к выходу.

Раритет.

У Сергея перехватило дыхание… Прямо перед ним, за стеклянными дверками старинного шкафа, на полке, среди хрусталя и фарфоровой посуды, стояла мечта последних трёх лет его жизни – фарфоровая фигурка рыбки держащая во рту крупный жемчуг. После того, как Сергей увидел её в старинном каталоге фарфоровых изделий одного знаменитого завода, он был поражён её красотой и совершенством. Размером с грушу, покрытая синей эмалью, опираясь на передние плавники и вертикальный, словно состоящий из завитков, золотистый хвост, она словно дразнила его, повернувшись к нему своими пухлыми губами и демонстрируя чёрную жемчужину. Сергей, сантехник из коммунальной конторы, пришедший в эту квартиру по заявке, повернулся к хозяйке.

— Красивая безделушка, — стараясь говорить ровным голосом, Сергей похвалил фигурку. — Недавно купили? Выглядит как новая.

— Да что вы, скажете тоже – новая! — старушка невольно заулыбалась, взглянув на рыбку. — Эту замечательную вещь подарил мне жених перед свадьбой. А было это очень-очень давно.

В прихожей зазвонил телефон и хозяйка засеменила к нему. Сергей быстро открыл дверку шкафа, взял рыбку и посмотрел на её брюшко – печать мастера была на месте. Секунду поколебавшись он сунул фигурку себе в карман комбинезона и, прикрыв дверку шкафа, отправился в ванную. Заперев на шпингалет дверь, на всякий случай, сантехник достал из рабочего саквояжа глубокую ванночку и положил туда рыбку, смазанную специальным составом. Затем достав пузырёк и бутылку с тягучей жидкостью, он добавил в бутылку немного пахучей жидкости из пузырька, потряс бутылку, смешивая реагенты, и вылил её содержимое в ванночку, полностью покрыв фигурку. Ванночку с содержимым Сергей спрятал под чугунную ванну и, подойдя к двери, прислушался – хозяйка всё ещё разговаривала по телефону. Он осторожно вытянул стержень шпингалета и слегка приоткрыл дверь. Заглянув в образовавшуюся щель, он увидел, что старушка сидит на стуле и о чём-то оживлённо переговаривается с собеседником. Это было ему на руку. Ведь чтобы герметик, который он вылил в ванночку, застыл, нужно было подождать минут тридцать. Он подошел к раковине и неторопливо приступил к ремонту протекающего крана.

Прошло тридцать минут неторопливого ремонта. Сергей достал спрятанную ванночку и пальцем потыкал в застывший герметик – можно было доставать фигурку. Он подошел к двери и прислушался. В глубине квартиры работал телевизор и раздавались речи героев какого-то сериала. «Замечательно!» – подумал сантехник и приступил к операции. Острым ножом он разрезал вдоль упругий герметик, стараясь не поцарапать фигурку, от хвоста до рта и аккуратно достал рыбку. Протерев её насухо, он сфотографировал её на смартфон со всех сторон и опустил раритет в карман. Спрятав в свой саквояж ванночку, в которую он положил полученную формочку, и инструменты, он широко открыл дверь и позвал хозяйку. Показав, попутно посетовав на большой объём работ, как теперь работают её краны, он ткнул пальцем под раковину, указывая ей на канализационные трубы.

— Трубы в плохом состоянии, надо менять! Может случиться протечка.

— А это дорого? — заглядывая в глаза сантехнику, спросила старушка.

— Да нет, — постарался успокоить хозяйку Сергей. — Пару сотен рублей.

— Ну, это ничего, недорого, — согласилась старушка.

— Давайте, я ещё проверю состояние батарей и подводки.

Забрав саквояж и оставив его в коридоре, сантехник зашёл в комнату. На середине пути к батарее, около шкафа, он остановился и сказал хозяйке:

— Позвоните в нашу контору, спросите, свободна ли пятница, чтобы я подошёл к вам заменить трубы. — Сантехник хорошо знал, что в их конторе на пятницу не принимали никакие заявки, только аварийные. Старушка направилась в прихожую, а Сергей быстро вернул фигурку на место, стараясь поставить её так, как она стояла раньше. Затем он проверил соединения батареи с трубами во всех помещениях, где они были и, подхватив саквояж, подошёл к хозяйке.

— Пятница свободна, — сообщила она.

— Вот и замечательно! — сантехник попрощался и вышел на лестничную площадку. Когда дверь закрылась за ним, он привалился к стене – ноги предательски дрожали и подгибались от напряжения, хотя это была и не первая такая операция. Через несколько минут Сергей успокоился и быстро стал спускаться по лестнице...

Сергей запер дверь и облегчённо вздохнул – наконец-то он дома. Вымыв руки, он сразу позвонил своему знакомому, нарушив самую любимую традицию – осмотр своей коллекции сразу после возвращения домой. Дождавшись, когда в трубке

он услышал назвавшего себя абонента, он произнёс:

— Готово! — затем выслушал, что ему говорил собеседник и повторил в ответ: — Завтра, в десять вечера.

Теперь можно было и посмотреть на свою коллекцию. За стеклом старинного резного шкафа стояло двадцать три фарфоровых статуэтки, ценность которых, у каждой, составляла пяти или шестизначная цифра. Некоторые были куплены на барахолке у граждан, ничего не ведавших об истинной ценности этих предметов. По большей части у спившихся, опустившихся людей. Но основная масса коллекции была добыта в тяжких трудах и по технологии, которую придумал Сергей. Для этого даже пришлось сменить профессию – из страхового агента переквалифицироваться в сантехника. Несколько лет назад, во время визита к клиенту, который решил застраховать квартиру, туда явился подвыпивший сантехник, который долго возился со сливным бачком, каждые пять минут ругаясь и проклиная свою работу. Когда хозяин отлучился на пять минут, приструнить сантехника, Сергей прошёлся по комнате, размять затёкшие ноги, и заметил на полке симпатичную статуэтку. Он взял статуэтку, перевернул, но заводское клеймо показало, что это был ширпотреб. Уже шагая по улице, он даже остановился, когда ему пришла гениальная мысль, или что-то такое он увидел в телевизионных детективах и сейчас вспомнил, что можно делать копии ценных статуэток и затем подменять их. И чтобы иметь возможность легально входить в жилище будущих жертв, профессия сантехника очень подходила.

С тех пор коллекция пополнилась полтора десятком ценных раритетов. Конечно, каждый раз, проворачивая такую операцию, Сергей трясся от страха быть пойманным. На каждое такое дело он шёл как в первый раз, хотя не раз сам себе удивлялся, что он не может выработать иммунитет от такой привычки.

На следующий день, в назначенное время, Сергей позвонил в нужную квартиру. На его радость, хозяин, скульптор по кличке Гипс, был трезв и даже одет. Пройдя в мастерскую, гость достал из сумки ванночку с формой и протянул хозяину. Затем протянул флешку, на которой были фотографии оригинала. Гипс осмотрел формочку с рыбкой и фотографии, на своём планшете и, немного пожевав свои губы, назвал цену предстоящей работы. Затем снова пожевал свои губы, ещё энергичнее, когда услышал что нужно успеть к пятнице, и накинул ещё столько же. Поторговавшись, минут десять, Сергей сумел снизить наполовину цену за срочность и подельники ударили по рукам.

В четверг вечером Сергей уже рассматривал готовое изделие. Всё было хорошо, лишь смущал слишком блестящий лак на жемчуге.

— Рыбке лет пятьдесят, наверное, не меньше, — сказал Сергей скульптору, — а лак блестит как новый.

Гипс подошёл к одному из многочисленных шкафчиков, достал бутылочку с какой-то жидкость, обмакнул в неё ватный тампон на тоненькой палочке и осторожными движениями стал дотрагиваться до жемчужины по всей поверхности, сверяясь с фотографией, принесённой Сергеем. Постепенно лак потускнел до нужного состояния. Гость и скульптор вздохнули с облегчением. Сергей отдал Гипсу ранее оговорённую сумму, завернул рыбку в толстую ворсистую ткань и, засунув в жестяную коробку с защёлкой, положил в сумку.

Операция по замене канализационных труб и рыбки прошла успешно. Снова помог телефон и долгий разговор по нему. Старушка отдала две сотни с половиной рублей и долго благодарила Сергея, пообещав написать благодарность в контору. Еле-еле отбившись от словоохотливой старушки Сергей поспешил домой. Тщательно вымыв руки, он достал трофей из сумки, потёр его фланелевой тряпочкой и установил на центральное место среди других фигурок. Затем сел в кресло и задумался о выставке, намечавшейся через полгода, в которой он планировал принять участие. Внезапно на него навалилась усталость, копившаяся всю эту неделю, веки налились тяжестью и коллекционер уснул…

…Он резко открыл глаза и увидел перед собой хозяйку фигурки. Она что-то говорила ему, но от страха у него словно заложило уши. Старушка, не переставая говорить, протянула к нему руки, с высохшей от старости кожей на скрюченных пальцах, и схватила за горло. Острые ногти впились ему в затылок. Сергей попытался оторвать её руки от своего горла, но сила как-будто бы покинула его. И тогда он закричал, и от собственного крика проснулся. Руки вцепились в подлокотники, в горле затихал хрип… Он в изнеможении дошёл до раковины в ванной, долго пил воду прямо из-под крана, затем принял дозу антидепрессанта и отправившись в спальню рухнул, не раздеваясь, на кровать.

На выставке ему выделили одну полку в высоком стеклянном стеллаже. Имеющихся у него предметов как раз хватило, чтобы её заполнить. В центре композиции, конечно же, Сергей поставил рыбку, гордость своей коллекции. Старушка постепенно, прошло уже полгода, исчезла из его снов и Сергей без всяких угрызений совести называл рыбку: «Моя радость!». Начинала сбываться, во всяком случае, он искренне верил, что так оно и будет, его самая главная мечта – заработать имя среди коллекционеров. А вслед за этим войти в их круг, чтобы быть ближе как к информации, так и к самим раритетам, которые коллекционеры не демонстрируют широкой публике. И, в конце концов, получить со всего этого неплохую финансовую прибыль.

На следующий день, после снятия организаторами сигнализации и прочих мер предосторожности, Сергей направился к своей коллекции. Когда он, уже издалека, увидел свой стеллаж, у него появилось тревожное ощущение. Подойдя поближе он понял в чём дело – за стеклом стояли две одинаковые рыбки. Сергей потёр глаза – две фигурки стояли бок к боку и смотрели на него. Он отправился к куратору выставки, чтобы выяснить, кто дежурил ночью в помещении.

— На территории выставки установлены датчики движения и видеокамеры, — ответил куратор. — Никакой необходимости в сторожах нет. А почему вы интересуетесь этим? Что-нибудь случилось?

— Так, для информации. — Сергей решил пока скрыть случившееся. — Я хотел бы переставить часть своей коллекции. Кто мне поможет открыть стеллаж?

Вызванный сотрудник сопроводил Сергея к стеллажу и дал команду по рации открыть его. Коллекционеру, терзавшемуся мыслью, как незаметно забрать вторую рыбку, повезло – сотрудника отвлекли два других участника выставки, и ему удалось незаметно спрятать дубликат в карман. Немного повозившись с перестановкой, Сергей поблагодарил сотрудника и поспешил на выход.

Дома он внимательно осмотрел рыбку – она оказалась настоящей. Коллекционер чертыхнулся. Ведь в стеллаже осталась копия, неизвестно и непонятно как оказавшаяся там. А что если организаторы устроят проверку на подлинность экспонатов? Тревожно чувство не покидало его целый день, и не давало долго заснуть. На следующий день он смог посетить выставку только к вечеру. Войдя в свой зал, он увидел, что около стеллажа, где была и его коллекция, столпились люди. Но вместо радостного чувства, что люди интересуются его коллекцией, опять засосало под ложечкой. Заглянув поверх плеча стоявших людей, Сергей обомлел – на его полке стояли в ряд несколько его любимых рыбок. К нему подошел куратор и протянул лист со списком выставленных фигурок.

— Послушайте, — он жестом указал на его полку, — в списке рыбка одна, а у вас тут выставлена целая батарея! В чём дело? Зачем вы выставили столько копий?

— Так получилось… — нерешительно ответил Сергей и пожал плечами.

Куратор приказал открыт стеллаж, осмотрел одну рыбку, затем ещё две, удивлённо хмыкнул, и, обратившись к Сергею, спросил:

— Какая же настоящая?

Сергей опять пожал плечами. Куратор подозвал служащего, приказал упаковать всех рыбок и отдать Сергею.

— Когда разберётесь, тогда мы её примем. А копии мы не выставляем!

По пути домой Сергей перебрал множество вариантов, как такое могло случиться. То ли это происки конкурентов, то ли глупая чья-то шутка. Остановившись на варианте, что это мог быть только Гипс, ведь формочка у него была несколько дней, и надо с ним разобраться, Сергей вернулся в квартиру. Он оставил хорошо упакованную коробку на столе, прошёл на кухню и подкрепился бутербродом с крепким чаем. Настроение немного улучшилось, и он решил разобраться с принесёнными рыбками. Вернувшись к свертку, Сергей распаковал его, попутно подивившись тому, что свёрток сейчас показался ему не таким тяжёлым, когда он нес его домой. Когда он снял крышку с коробки, у него невольно отвисла челюсть – она оказался пустой! Все фигурки исчезли!

— Что? Неприятно? — раздался чей-то голос.

Хозяин обернулся на звук. Рядом со шкафом, в котором хранилась его коллекция, стоял человек одетый в белую мантию с капюшоном на голове и маской на лице. «Вор!» – первое, что мелькнуло в голове Сергея, и рука невольно потянулась к тяжёлой пепельнице. Перехватив поудобнее пепельницу хозяин стал медленно приближаться к похитителю, прикидывая, как бы попасть в непрошенного гостя, а не в свой шкаф.

— А если вот так? — человек предупреждающе поднял руку.

И начал медленно приближаться к хозяину, раздваиваясь на ходу. Как только появилось два человека, каждый из них повторил эту операцию... Через короткое время Сергея уже окружало шестнадцать абсолютно одинаковых фигур. И все разом, в унисон, заговорили:

— Успокойтесь, мы не воры. Единственное что мы, вернее я, хочу, чтобы вы отдали рыбку её хозяйке.

И все разом исчезли. В наступившей полной тишине Сергей даже слышал, как бьётся его сердце. Неожиданно прозвучавший звонок в дверь подействовал на хозяина как удар хлыста и он чуть не выронил пепельницу из рук. Положив пепельницу на стол, и подойдя к двери, Сергей открыл её, даже не посмотрев в глазок, и увидел старушку, хозяйку рыбки. Сзади неё стояли два молодых человека. Старушка полезла в сумку, достала оттуда рыбку с потёртой жемчужиной и протянула Сергею.

— Верните мне мою рыбку, — сказала она, глядя прямо в глаза Сергею. И твёрдо добавила, — пожалуйста.

Коллекционер взял протянутую фигурку, сходил к своему заветному шкафу, поменял рыбок и, вернувшись к двери, молча протянул её старушке. Сил попросить прощения у него уже не было. Старушка вяла её в руки и, словно слепая, стала ощупывать рыбку. Быстро обнаружив то, что она искала, он повернулась к молодым людям.

— Запомните, внучки. — Видно было, что старушке не терпелось поделиться на радостях с родственниками семейной тайной. — Под правым плавником есть маленький выступ, почти песчинка. Я её всегда нахожу, когда беру рыбку в руки. А тут она вдруг пропала… Хорошо нашёлся добрый человек, который подсказал, кто мою рыбку украл. Услышал добрый человек мои молитвы…

— Ну, пойдём, бабушка. – Поторопил, усмехнувшись, один из внуков. — Дома расскажешь про доброго, белого человека.

Опустошённый последней новостью Сергей постоял у открытой двери, о чём-то задумавшись, затем, резко развернувшись, бросился к домашнему телефону. Набрав нужный номер, он долго ждал, когда ответят на другом конце провода, повторяя одно слово: «Алкаш, алкаш…». Наконец Гипс взял трубку и Сергей сразу закричал скульптору:

— Ты когда рыбку отливал, маленький выступ, песчинку, видел под правым плавником?

— Конечно видел, я профессионал как-никак. Убрал я твою сантехническую песчинку, не волнуйся. Я ведь…

Сергей бросил трубку на телефон. Затем взял пепельницу и с остервенением обрушил её на телефон. Он бил и бил аппарат, словно хотел смолотить его в песок, пока в открытую дверь его не окликнули:

— Хозяин! Полиция!

Доза.

Ринат пристально всматривался в свое отражение в широком зеркале ванной комнаты, выискивая малейшие признаки прыщей, которые изредка появлялись на его лице. Из зеркала на него смотрело чисто выбритое, слегка загорелое лицо. Ничего не обнаружив, он довольно ухмыльнулся – всё-таки не зря потратился на дорогую косметику. Напоследок он слегка тряхнул головой и по

густой шевелюре прокатилась волна, так нравившаяся некоторым его однокурсницам. Он направился к выходу, по пути подхватив дипломат, и, тщательно проверив, хорошо ли защелкнулся замок на входной двери, отправился в университет.

Уже подходя к учебному корпусу, Ринат заметил парня, который, увидев его, радостно улыбнулся.

— Началось! — Подумал Ринат и на его лице появилась лёгкая гримаса. — Пора с ним кончать!

Парень, подойдя вплотную к Ринату, его улыбка постепенно из радостной превратилась в виноватую, тихо спросил:

— Есть?

— Нет! — также тихо ответил Ринат. — И никогда больше не будет. — Затем, посмотрев прямо в глаза просящего, он со злостью добавил, — и никогда не было!

Парень остался на месте с протянутой рукой, словно хотел что-то ещё сказать, но не смог подобрать слова, и растерянно смотрел в спину уходящего. Это был первый клиент, которого Ринат снабжал наркотиками, и который знал его в лицо. Теперь, покрутившись в этом бизнесе, он понял, что такой клиентом мог представлять для него опасность – пусть ищет других поставщиков.

Время за учёбой прошло быстро – всё-таки учится ему нравилось. Да и специальность была из числа престижных – государственное управление. И к тому же на его курсе училась дочь крупного городского чиновника. Ринат планировал через помощь в учёбе, в чём эта девушка была не сильна, да и не очень-то старалась, сойтись поближе – вплоть до женитьбы. А за такой девушкой нужен особый уход, который требовал солидных затрат. Но и на себя он денег не жалел, хотя и приходилось кое-что откладывать на будущее. Заветной мечтой была квартира в престижном районе. На неё планировалось потратить деньги из накоплений и продажей бабушкиной квартиры, которая ему досталась в наследство.

Вернувшись из университета, Ринат доел остатки холодца, который ему вчера принесла мама и сел за ноутбук. Заявок на доставку накопилось достаточно, и необходимо было весь товар разложить по местам. Тем более клиенты уже перевели деньги на нужный счёт. Он достал из потайного ящика пакет, отсчитал необходимое количество «монеток», так он называл упакованные в фольгу наркотики, положил их в специальное портмоне, которое он доработал из

купленного в магазине. Переодевшись в спортивный костюм, Ринат вышел в подъезд, снял замок с тросиком, которым был прикреплён к перилам велосипед и отправился по точкам.

Уже давно прошли те времена, когда руки предательски дрожали, закладывая «монетку». Теперь Ринат спокойно поправлял обувь или осматривал велосипед, делая своё дело. За последней точкой, в парке, Ринат решил проследить, потому что это был новый клиент. Он с ноутбука послал координаты клиенту и стал ждать, сидя на скамейке и уткнувшись в экран. Прогуливающихся было немного: молодые мамаши с колясками, пенсионерки с внуками на самокатах и велосипедах, подросток с наушниками. Он уже было хотел снова уставиться в гаджет, но краем глаза заметил, что подросток направился к той самой скамейке, оглядевшись сел, сунул руку под сиденье, достал что-то, сунул в карман и, снова оглядевшись, вскочил и быстрым шагом направился к выходу из парка. Ринат засунул ноутбук в рюкзак, сел на велосипед и поехал за подростком порываясь, подчиняясь неожиданно появившейся мысли, отобрать наркотик. Но он быстро вспомнил утреннюю встречу. «Опять показывать клиенту своё лицо?» – невольно в голову пришла неприятная мысль. Ринат, не сбавляя скорости, проехал мимо…

Это был такой же день, как и неделю назад. Учёба, болтовня с сокурсниками и сокурсницами, поездка на велосипеде, котлеты от мамы. Но у него, Ринат сам не мог себе объяснить, в чём причина, появилось чувство неясной тревоги. Может, повлияло то, что пришлось на учёбу пробираться окольными путями, прячась за спинами студентов от вновь ожидавшего его знакомого просителя, который выглядел как больной человек. Или повлиял незнакомый пристальный взгляд мамы, навестившей его вчера и задававшей много вопросов. А может попавшуюся в поле зрения беседу, пусть и делового характера, девушки, на которую у него были планы, с парнем из параллельного потока. Парень не выделялся ни внешностью, ни спортивной фигурой, но с лёгкостью мог завладеть вниманием почти каждой девушки. Ринат почувствовал досаду, глядя на весело смеявшуюся парочку – словно кто-то захотел присвоить себе его собственность. «Но не из-за этого же тревожно на душе?» – подумал он, доедая последнюю котлету. Так ничего и не придумав, он отправился в ванную, почистил зубы своей любимой пастой со вкусом ванили и отправился спать.

И ему приснился сон, который был очень похож на реальность. Он сидел, в полном одиночестве, в середине аудитории и смотрел вниз на кафедру. За кафедрой стоял человек с низко опущенной головой, которую покрывал белый капюшон. Впрочем, вызывала удивление и вся его одежда, похожая на мантию преподавателей старинных университетов, только белого цвета.

— Алло! — обратился Ринат к человеку, посчитав, что пауза с разглядыванием человека за кафедрой затянулась. — Не пора ли начать лекцию?

— Лекцию? — человек поднял голову.

Его лицо закрывала маска с прорезями только для глаз. Но слово, которое он произнёс, прозвучало необычайно громко. Студент даже вздрогнул от неожиданности.

— Пожалуй, можно это и так назвать. — Голос теперь звучал тише, но все слова было отлично слышно. — Лекция называется: «Как наказать человека лучшим образом?». Есть конкретный человек, который занимается подсудным делом и может загреметь надолго в тюрьму. Но очень близкий родственник этого человека не хочет ему такой участи и просит меня устроить такое наказание, которое бы повлияло на поведение человека в лучшую сторону.

— Я так понимаю, речь идёт обо мне? — Ринат перебил лектора, даже не подумав о том, что он фактически признается в преступлении. — И кто же этот близкий родственник, если не секрет?

— Вовсе нет. Это твоя мать. Она догадалась, чем ты занимаешься, и попросила, нет, не меня, а какие-то высшие силы, чтобы наставили тебя, как у вас принято говорить, на путь исправления. Пока ещё не поздно.

— Наверно косточки мне перемывала? Рассказывала, как трудно ей было растить меня, без мужа. Всю себя посвятила мне! И как же она просила наказать меня?

— Нехорошо так говорить о своей матери. Это глупая ирония самовлюблённого человека, у которого не было почти никаких проблем в детскую и отроческую пору, стараниями твоей матери. А вот дальше они могут появиться. Не могут а, вернее, определённо появятся, если, как утверждает твоя мать, тебя хорошенько не выпороть. И я согласен с ней, проблемы, и очень большие, ждут тебя в будущем. Но пороть ни я, ни мои помощники тебя не будут. Потому что у нас есть более эффективное средство. Мы всё подготовим. Пока ты спишь и видишь этот сон…

— Так это всего лишь сон? А выглядит всё так реально! — Но Рината почему-то это обстоятельство не очень обрадовало. А даже наоборот – расстроило. Видеть себя, обвиняемого, в своём же сне… Он махнул рукой в сторону незнакомца, — валите-ка вы из моего сна!

И тут же он проснулся – рука, плавно описав дугу, опустилась на постель. Ринат перевернулся на спину, чтобы вздохнуть полной грудью, но не успел – в темноте

явно послышался звук защёлкнувшегося замка входной двери. Вскочив с постели, почти бесшумно, сказались постоянные тренировки, связанные с его нелегальным бизнесом, на всякий непредвиденный случай, студент проскользнул за тяжёлую штору. Осторожно выглянув из-за нее, он с минуту прислушивался и наблюдал за квартирой. Но ничего особенного не происходило – больше не послышался ни один звук, и ни одна тень не промелькнула перед ним. Успокоившись, он прошёл на кухню, достал из холодильника любимую минеральную воду, напился, и опять вернулся в постель.

На следующее утро он, как обычно, чистил зубы после завтрака и обдумывал план сегодняшних дел. Уже заканчивая процедуру, Ринат почувствовал посторонний привкус у своей любимой пасты. Сполоснув рот он растянул его, чтобы полюбоваться на свои ровные зубы. И остолбенел – все зубы были чёрного цвета! Он взял тюбик с пастой и понюхал его – вместо ванильного запаха он почувствовал сильный запах плесени. Удивившись, что паста могла так испортиться за одни сутки, он попробовал отмыть зубы щёткой, но только добавил блеска зубам. Не идти в университет было нельзя – началась зачётная неделя и сегодня нужно было сдавать первый зачёт. Старясь не раскрывать широко рта и не с кем не общаться, он сдал зачёт и вернулся домой. Решив ещё раз проверить зубы, ничего у него во рту не изменилось, Ринат только ещё сильнее испортил себе настроение. Он достал из глубины верхней полки гардероба маленькую коробочку с кокаином. Приняв, хотя это случалось очень редко, свою отмеренную дозу наркотика, он растянулся на диване и вскоре уснул…

И опять ему приснилась аудитория и незнакомец в белом.

— Как зубы, не болят? — сразу поинтересовался незнакомец.

— Так это вы подстроили? Вы заменили мне пасту? — догадался Ринат.

— Это будет тебе напоминанием, до тех пор, пока ты не станешь нормально, с почитанием, относиться к своей матери. Которая тебе ничего плохого не сделала. А только старалась в меру своих сил, способностей и внешних обстоятельств поднять тебя на ноги. Хотя тебе это будет тяжело сделать, в связи с твоими привычками. И, кстати, это у тебя только первое наказание.

— Да кто ты такой? — Ринат вскочил на ноги, но тут же вспомнил про свои зубы и опустился на скамью.

— Другое наказание тебе посылает мать подростка, который лежит в коме. Решил на спор, дурак, сделать себе инъекцию и перестарался. Сейчас лежит в коме, в больнице. Надо было отобрать у него дозу, когда ты обнаружил, кому ты

её продал. — Белая фигура сделала паузу. — И вот мой совет – забудь про наркотики навсегда. Даже не думай о них. Прощай!

Белая фигура исчезла. В это же мгновение Ринат увидел, что аудитория стала стремительно уменьшаться. Пол, потолок, стены – всё стало трещать, ломаться и приближаться к нему. Через несколько секунд он стоял внутри образовавшегося разрушенного помещения и с ужасом смотрел как на него, со всех сторон, надвигаются, выставив острые концы разломанных досок, грозящие проткнуть его, стены. Хриплый крик вырвался из его горла…

Дёрнувшись от собственного крика, студент проснулся и резко сел на кровати. Немного отдышавшись, он, тяжело ступая, направился в ванную. «Это всего лишь сон, только сон» – повторял он вновь и вновь. Зайдя в душевую, Ринат отрегулировал краны на прохладную воду и стал под струю. Постояв с минуту он продрог, выключил горячую воду и холодная вода выгнала остатки плохого сна. Он закрыл кран и с бодрым настроением стал растирать себя полотенцем. Вытирая голову на ходу, он подошёл к зеркалу. «Даже не думай об этом!» – подумал он с иронией про совет незнакомца, глядя на себя в зеркало. Заметив на зеркале какую-то тёмную черточку, он протянул руку, чтобы её стереть, но так и застыл с протянутой рукой. Потому что эта чёрточка прямо на глазах стала разрастаться, одновременно разветвляясь, всё больше и больше. И эта черточка появилась не на зеркале, а на лице Рината. Вскоре всё его лицо было покрыто сеткой синеватых кровеносных сосудов. Из зеркала на него смотрел жуткий экспонат анатомического музея, в котором он побывал когда-то в школьные годы. Ринат с остервенение принялся плескать воду на лицо, хотя в душе понимал, что это бесполезно и повторял: «Всё пропало! Всё пропало…».

Нехорошо!

Это была обыкновенная командировка в передовой колхоз Алтайского края. Таких репортажей столичному журналисту Евгению Граблину довелось состряпать уже не один десяток. И поэтому эта поездка особого интереса у него не вызывала. Оставалось только надеяться на встречу с любвеобильной сельчанкой, с которой можно будет скоротать вечер.

В областном центре его уже ждал у вокзала председательский УАЗик. А в самом селе уже был накрыт стол для редкого в этих краях гостя, тем более время уже приближалось к полудню. Граблин, наученный горьким опытом первых написанных им репортажей, достал блокнот и стал сразу расспрашивать председателя о передовиках, надоях и удоях, какая в этом году была

урожайность у зерновых, о передовых технологиях и перспективах на будущее. Пока журналист записывал ответы и цифры, стараясь не перепутать цифры урожайности и прироста скота, подтянулись все, кому положено было участвовать в этом мероприятии. Через час журналист, не любивший деревенский самогон, и лишь для вида его пригубливавший, тихонько вышел из-за стола, где гулянка набрала полные обороты, и вышел на площадь перед правлением. Место для ночлега уже было готово для него, так что можно было прогуляться по селу, сделать несколько фотографий для отчёта, подумал он. Кроме того он обязательно посещал деревенские магазины, где иногда попадались интересные, но игнорировавшиеся колхозниками, книги. А может и удастся пригласить продавщицу к себе, чтобы широко обсудить проблемы пола. Но в магазине книг не оказалось совсем и, к тому же, продавщицу охранял местный житель. Когда Евгений вошёл в магазин, мужик, канючивший у продавщицы бутылку водки в долг, уставился немигающим взглядом на журналиста и неотрывно смотрел на него, пока тот не вышел.

Возвращаясь назад, Граблин зашёл в здание клуба, расположенное рядом с правлением. Видно было что клуб, постройки ещё советских времён, сохранился даже бюст Ленина, недавно отремонтировали. На журналиста накатила волна ностальгии – вот в такой клуб он бегал в детстве, смотреть кино, или взять книгу в библиотеке. Граблин огляделся и увидел дверь с надписью – «Библиотека». Он открыл дверь и его овеял поток воздуха, впитавший в себя запах сотен книг. Книги, уносившие его в незнакомые страны, на далёкие планеты, мир животных и даже позволял, не заглядывая в замочную скважину, следить за жизнью посторонних ему, но знаменитых, людей. Тесный мир разнообразных корешков, куда и он хотел бы вставить свою написанную книгу. Книгу, на корешке которой будет напечатана его фамилия. Книгу, которые читатели будут спрашивать в магазинах и библиотеках, у соседей и коллег. Граблин тяжело вздохнул – в его проклятой голове не появлялось ни одного приличного сюжета. Детективы он писать не может, фэнтези с попаданцами уже написаны горы, на фантастику не хватает воображения.

Он переступил порог и направился к пожилой библиотекарше, склонившей голову над книгой.

— Здравствуйте! Я журналист, — он показал посмотревшей на него женщине своё удостоверение, — приехал делать репортаж о вашем селе. Теперь, вот, думаю, как скоротать вечер. Не дадите ли мне что-нибудь почитать?

— Конечно, конечно! — засуетилась библиотекарша, приветливо улыбаясь гостю. — Давайте своё удостоверение, карточку заполнить.

Граблин покорно протянул ей свой документ. Впрочем, спешить было не куда. Он оглядел помещение – типичная обстановка: несколько рядов стеллажей с книгами. И судя по корешкам, большинству книг уже много лет.

— Выберете что-нибудь? — позвала его женщина.

— А у вас есть свежие поступления? А то я смотрю, у вас книги на полках уже давно заслужили отдых!

— Вместе стареем, вместе держимся, Евгений Петрович,— улыбнулась библиотекарша.

— Извините, а вас как зовут? — слегка поклонившись, спросил журналист.

— Галина Степановна. — Женщина показала журналисту на две книги лежащие на краю стола. — Вот, председатель недавно купил.

Журналист взял книги в руки. Это были два новых романа известных писателей, о которых он уже слышал. В одной книге мистика и философия, в другой философия и детектив. Библиотекарша, увидев сомнение на лице журналиста, Евгений думал, стоит ли брать их на один вечер, достала из выдвижного ящика стола ещё что-то, это оказалась распечатанная на принтере и сшитая рукопись, и протянула журналисту.

— Это приключенческая повесть нашего местного учителя истории. У нас все её прочитали. Рекомендую.

Не желая обижать отказом милую женщину, ещё подумает, что столичная штучка нос задрала, он взял одну книгу и распечатку. Расписавшись в карточке читателя за выданную книгу, сшитую книгу она не стала вписывать, Евгений поблагодарил и отправился на место своего ночлега.

Комната для гостей была с двумя аккуратно заправленными кроватями, тумбочка с настольной лампой, стол со стульями и электрическим чайником. Удобствами находились в конце коридора. Переодевшись и сходив за водой, Граблин поставил чайник и, пока тот закипал, пролистал книгу. Как всегда у этого писателя, в книге толпились любовь, страдания, измены на фоне, на этот раз гражданской, войны. Заварив пакетик чая, из своих запасов, и подкрепившись шоколадными батончиками, его верными сопровождающими в далёких командировках, он взял сшитую распечатку, разлегся на кровати, включил настольную лампу и стал читать…

Вопреки обычной привычке он не уснул через несколько страниц, а сидел уже на стуле, положив рукопись перед собой на стол. Написанная немного корявым

языком и изобилуя ошибками, она не давала оторваться от неё, знакомя журналиста всё с новыми и новыми персонажами и увлекая его выпавшими им приключениями. Эта была книга, которую он хотел бы написать!

Шёл уже четвёртый час ночи. Граблин сидел перед закрытой рукописью и пристально смотрел на неё. Внезапно он схватил смартфон и повинуясь каким-то неосознанным, потаенным замыслам, стал фотографировать страницу за страницей, словно боялся что утром у него переменится желание. Закончив эту объёмную работу, он повалился на кровать и тут же уснул. Но выспаться ему не дал настойчивый стук в дверь. Журналист машинально посмотрел на экран смартфона – было только шесть часов утра. Он с трудом встал с кровати и открыл дверь.

— Евгений Петрович! Председателю надо срочно ехать в областной центр по делам! — Водитель перевёл дыхание. — Собирайтесь!

Через пять минут они уже мчались по шоссе в направлении города. Граблин обернулся назад – село словно растворялось в утреннем тумане…

Журналист навёл курсор на нужный значок, нажал кнопку мышки и устало откинулся на спинку кресла. Принтер послушно распечатывал только что завершённую книгу и Евгению было приятно смотреть как растёт стопка листов. Мерное жужжание принтера нарушил резко зазвучавший дверной звонок. Евгений чертыхнулся и отправился открывать дверь непрошенному гостю. Гостем оказался приятель и коллега, работавший в спортивном отделе.

— Ну что, затворник, может хватит прятаться от людей? — энергия так и выплёскивалась из гостя. — Может посидим уже в ресторанчике? Я тебя месяц не видел! Чем занимался?

Тут он услышал работу принтера и подошёл к нему. Механизм выдал последние листки и замолк. Приятель взял пачку в руки, прочитал первую страницу и удивлённо спросил:

— Ты что, книгу написал?

— Да…

— Евгений хотел рассказать, где он взял эту историю, что он с ней сделал, сколько трудов положил на то, чтобы отредактировать первоначальный текст и что-то пришлось дописать, но все слова, кроме первого, застряли у него в горле.

Коллега сел на диван и, попросив Евгения поставить чайник, стал читать, выборочно раскрывая пачку в разных местах. Когда чайник закипел и журналист приготовил всё для чаепития, в кухню ворвался приятель.

— Послушай, отличная книга. Давай я её отнесу знакомому, который работает в издательстве. Только нужна электронная копия. — Он достал из барсетки флешку и протянул другу. — Иди, скопируй книгу на неё. И сначала добавь свою фамилию на первый лист.

Журналист послушно направился к компьютеру. Уже через месяц, пришлось кое-что исправлять и дописывать эпилог, книга появилась на полках магазинов. В одном из магазинов попросили даже устроить автограф – сессию. И если в начале работы над текстом Граблина мучила совесть и перед глазами маячила тень незнакомого учителя истории, то со временем она притихла и лишь изредка напоминала о себе, сжимая тоскливо сердце…

Граблин сидел и дописывал очередную статью, когда боковым зрением увидел, что сбоку от него появилось что-то белое. Он повернул голову и увидел привидение. Перед ним стояла человеческая фигура в белом, с головы до ног, одеянии и с тёмно – синими глазницами на маске, уставившимися на него. Журналист вцепился в подлокотники кресла и замер.

— Не надо меня бояться, я вам ничего, почти, не сделаю. Я здесь по поручению Галины Степановны. Которая получила очередные книги от председателя и среди них нашла ту, распечатку которой она вам давала почитать. И она, знаете ли, призывает на вашу голову кары. Кроме того пишет письма в разные организации, чтобы поставили вас на место. Ну, я оказался быстрее бюрократической публики и хочу наказать вас…

Журналист, повинуясь инстинкту самосохранения, вскочил с кресла и с силой толкнул незнакомца в грудь, намереваясь сбежать из квартиры, пока тот будет приходить в себя. Но случилось невероятное – его руки погрузились в тело незнакомца, словно в туман, и прошли насквозь. Журналист, не ожидавший такого эффекта, потерял равновесие, пролетел сквозь незнакомца, сделал пару шагов и, споткнувшись об коробку от принтера, упал на пол, стукнувшись напоследок головой об подлокотник дивана. Немного полежав и подождав пока голова перестанет гудеть, Евгений переполз с пола на диван и в полусидящем положении уставился в спину незваного гостя. Мысли в голове путались, и он не мог понять, что происходит с ним.

— Ну, раз так получилось, — сказала белая фигура не поворачиваясь к хозяину и рассматривая что-то у себя на ладони, — я не стану вас наказывать как хотела. Я

только спрошу у вас – вам это нужно?

Незнакомец повернулся к Евгению и показал лежащий на ладони серый бесформенный объект, похожий на изношенную губку для мытья в бане.

— Что это? — выдавил из себя Евгений.

— Это ваша совесть. Вы её потеряли, когда пролетали сквозь меня.

— Это не моя совесть! — Не зная что ответить, выкрикнул Евгений первое, что пришло в голову. — И вообще, с чего вы взяли, что это именно совесть?

Белая фигура приблизилась к дивану, склонилась над хозяином и уставилась своими глазницами в глаза журналиста.

— Вы мне не верите?

Евгений увидел, что синий цвет глазниц начал темнеть и превратился в чёрную, словно бархатную, дыру. И он ясно почувствовал, что это была бездна, из которой, если туда попадешь, не будет выхода!

— Верю! — прошептал Евгений.

— Тогда решайте – оставите вы её или выбросите! Если я её выпущу из рук, например в мусорное ведро, вы не сможете её взять и вернуть себе, если потом передумаете. И через короткое время она превратиться в пыль. Навсегда!

Ни секунды не думая, Граблин, сел выпрямившись, протянул к незнакомцу раскрытые ладони и прошептал:

— Дайте её мне!

Белая фигура вложила ему в ладони серый предмет. Граблин почувствовал, как сильнее забилось его сердце. Он захотел прижать возвращённую совесть к груди, но та ярко вспыхнула и по рукам, словно проникая под кожу, заструился поток горячей волны, растекаясь по всему телу. Журналист закрыл глаза, наслаждаясь незнакомым ощущением. Когда необычный процесс закончился, Евгений, посидев ещё немного, открыл глаза. В комнате никого не было. Он посмотрел на свои ладони и увидел, что они покрыты каким-то серым налётом. Встав с дивана, он отряхнул с ладоней серую пыль, взял со стола сотовый и позвонил в издательство.

— Это я, Граблин. — Говорить было легко и приятно. — Допечатку не надо делать. — Послушав, что говорит собеседник, твёрдо добавил, — я потом всё объясню.

Собеседник отключился, и журналист стал вслушиваться, словно услышал в первый раз, в короткие гудки, словно ставившие многоточие в его будущей жизни.

Эпилог.

ОНО сошло с платформы портала и направилось к центру экспозиции, к огромному, голубому, с зеленовато-коричневым, шару. Остановившись на полпути к шару, существо замерло. ОНО закрыло огромные глаза и протянуло к шару руки.

— Давно меня здесь не было, — подумало существо. — По здешнему отсчёту времени почти тысячу лет.

ОНО стояло и медленно водило руками, протягивая их то к одному участку голубого шара, то к другому, словно что-то изучая. Так продолжалось до тех пор, пока шар не сделал полный оборот вокруг своей оси. Существо опустило руки.

— Что же, прогресс и эволюция продолжают свою работу. — Наблюдение за вращающимся шаром продолжилось. — На большей части планеты видны результаты развития культуры, науки, образования. Видны также и социальные достижения. Хотя есть и отдельные группки людей, живущие так же, как и в прошлое мое посещение этой планеты. Но и какие-то элементы достижения цивилизации присутствуют и тут. Впрочем, достижения цивилизации присутствуют и совсем уж в непривычных местах.

Существо легко поднялось в воздух, чтобы лучше разглядеть заинтересовавшее его место на поверхности большого океана.

— Да, это тоже достижение цивилизации, раньше этого не было. Даже не верится, что можно было из мусора составить такой огромный остров. Да не один! И на суше дела обстоят не совсем хорошо, хотя и появляются, в глобальном масштабе, редкие предприятия по переработке мусора. И если они что-то не изменят в этом деле, то планета будет называться не Земля, в честь почвы, по которой они ходят, а Мусор! Ого! Они даже космос успели засорить!

Опустившись пониже, существо стало разглядывать движущиеся, по поверхности планеты и над ней, механизмы.

— Эволюция позволила им появиться в их среде людей с повышенными интеллектуальными способностями. Что привело к созданию таких механизмов,

которые помогают им так быстро передвигаться. И, наконец-то, они освоили силу, с помощью науки, спрятанную в янтаре! Сколько огней по всей планете! Да они опутали проводами почти всю планету! Все эти обнаруженные мной новшества позволяют им передавать и получать информацию: главный источник развития разумной жизни! Как и заложено в основе существования вселенной: владеешь информацией – владеешь всем!

Плавно облетая планету со всех сторон, то опускаясь, то поднимаясь, существо оценивало, какого уровня развития достигло существование венца эволюции – человека.

— Теперь исследуем, на что идут достижения разума. — Существо опустилось вниз. — Исследования в области сохранения здоровья. Хорошо. Исследования строения окружающего мира. Хорошо. Исследования строения человеческого мозга и создания искусственного интеллекта. Занимательно, до чего же они докопаются. Поиск новых, и желательно неиссякаемых, источников энергии. Насущная необходимость. Вопросы долголетия. Очень далёкая перспектива. Далее: почти повсеместное образование, но с очень низким коэффициентом применения – очень много сил отнимает сам процесс; творческие направления – театры, кинематография, литература, графика и скульптура, музыка, прикладные ремёсла – достаточно продвинутый уровень исполнительского мастерства широкого диапазона; предпринимательство – основной вид деятельности человека. Должен констатировать, что это почти то, на что мы рассчитывали в нашем эксперименте на этой планете. Не достигнут пока достаточный уровень развития самодиагностики своего организма, чтобы контролировать состояние здоровья, и не созданы биомеханизмы для устранения побочных действий от внешних воздействий, приводящие к нежелательным мутациям. А также недостаточно развит иммунный механизм. Могли бы и развить до приемлемого уровня свои телепатические способности, но это пока что касается единиц, да и то на самом низовом уровне. Основное же развлечение – разглядывание! Разглядывание всего, что попадется на глаза и в руки. Природа, люди, техника, произведения искусства всех времён и народов, спорт, катастрофы и природные катаклизмы. Особая любовь – домашние животные и жизнь знаменитостей – музыкантов, актёров, политиков! И выдуманные истории, особенно в графическом исполнении: кинофильмы и театральные постановки. И фейерверки, фейерверки, фейерверки…

Существо огляделось и направилось к высокой решётчатой конструкции, окружавшая, в виде полукруга, планету. Конструкция была цельной, но в отдельных местах, были видны скопления фигурок одного цвета, занимавшие соседние ячейки. Самый большой участок занимали фигурки белого цвета.

Иногда некоторые фигурки словно растворялись в своих ячейках, но через некоторое время снова появлялись на своём месте.

— Вот это, не перестаю удивляться, самое замечательное творение человечества, его коллективного разума. — Существо протянуло к фигуркам руку, словно хотело дотронуться до них. — Конечно, мы подготовили соответствующую конструкцию, но почти не надеялись, что у них получится – самим сотворить создания, наделённых духом, сознанием, волей, для помощи в их земных делах. Вот эти, белые, создания социального равенства и порядка. Правда их действия пока однобоки, с уклоном в карательную сторону, но со временем, с развитием и распространением человеческого достоинства, гуманизма, овладения широкими массами знаниями, помогут в осознании того, что человечество это единый организм, которому принадлежит вся вселенная и Земля только их колыбель. Если только они сами себя не уничтожат, или опустятся до животного состояния, что тоже, вероятность не такая уж и маленькая, может произойти. — Существо перешло к другой группе фигурок. — Красные. Цвета пролитой крови. Тоже создания человека. Воинственные и безжалостные. Но я должен отметить, что количество их сильно сократилось с моей прошлой инспекции. Зато стали в несколько раз крупнее. Что ж, такова, надеюсь пока, природа людей.

Инспектирующий прошёл вдоль конструкции отмечая про себя, намного ли изменилось количество других фигурок. Синих – любовь, оранжевых – образование, жёлтых – искусство и лиловых – изобретательство: значительно увеличилось. Чёрных – религия и коричневых – рабство: значительно сократилось. Правда, чёрные стали гораздо разнообразнее, от больших до ничтожно мелких.

— А вот это что-то новое. — Существо подошло к фигуркам зелёного цвета и пригляделось к ним. — Эти создания ответственны за экологию планеты! Это очень хорошо. Может и не будут появляться новые острова и горы из мусора. Впрочем, и в головах у людей мусора тоже хватает! Но появление этих созданий всё-таки обнадёживает относительно будущего этой планеты! И, кстати, надо будет сократить срок для следующего посещения этой планеты.

ОНО легко поднялось на платформу, на которой появилось. Плотный туман спустился на платформу, скрыв его прощальный взмах планете, и почти сразу же рассеялся, забрав с собой пришельца. А Земля продолжила свой медленный и задумчивый танец.